

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ИММАНУИЛА КАНТА

На правах рукописи

АРТЕМЕНКОВ Владимир Константинович

**ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ:
АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Примаков Татьяна Клавдиевна

Калининград – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Антрополого-правовая сущность общественного объединения...	15
1.1. Антрополого-правовое познание сущности общественного объединения.....	15
1.2. Общественное объединение как естественно-правовая форма организации коллективной жизни человека.....	37
1.3. Понятие общественного объединения в дискурсе антропологического типа правопонимания.....	64
Глава 2. Системная целостность общественного объединения.....	82
2.1. Целеполагание как системообразующий критерий общественного объединения.....	82
2.2. Человек как волевой элемент системной целостности общественного объединения.....	100
Глава 3. Антрополого-правовая природа правосубъектности общественного объединения.....	120
3.1. Правоспособность и дееспособность общественного объединения.....	120
3.2. Реализация правосубъектности общественного объединения.....	152
Заключение.....	185
Список литературы.....	191

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Общественные объединения, образуя институциональный базис гражданского общества и правового государства, способствуют развитию и укреплению политико-правовых связей между личностью и государством, обеспечивая тем самым стабильность их существования в исторической ретроспективе. Природа правосубъектности общественного объединения на протяжении длительного времени исследуется видными отечественными и зарубежными учеными, представляя собой сложнейшую методологическую проблему правоведения. Эта проблема лежит в плоскости определения сущности общественного объединения как юридического лица – субъекта частного права, с одной стороны, и субъекта публичного права, с другой. Отдельного научного осмысления требует конвергенция этих двух сторон. Закономерно, что существующие подходы, по-разному объясняющие сущность данного социально-правового явления, вдохновляют на поиски новых направлений его познания, одним из которых является антропология права – наука, фокусирующая внимание исследователей на закономерностях, которые лежат в основе социального и правового бытия человека и человеческих общностей на всех этапах их исторического развития. При таком подходе человек является творцом права, определяя, каким образом и в каких правовых формах позитивное право будет обеспечивать его коммуникацию с другими людьми.

Использование обозначенного подхода в науке о государстве и праве позволяет расширить существующие границы исследования правосубъектности общественных объединений, очерченные конкретными их организационно-правовыми формами и сферой действия Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (далее – ФЗ «Об общественных объединениях»)¹, комплексно исследовать их социально-правовую сущность. При этом на первый план выходит решение проблемы восприятия законодателем общественных объединений, являющихся юридическими лицами, в качестве фикционных неволееспособных

¹ Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930 (с посл. изм.).

образований, чему способствует влияние цивилистической доктрины. В итоге многогранная природа общественного объединения оказывается стиснутой рамками имущественных и личных неимущественных отношений, регулируемых гражданским законодательством. Между тем внутреннее целевое состояние данного субъекта права, основополагающая правовая идея, определяющая его существование, остаётся за рамками внимания науки. В результате в правовой сфере обнаруживается разрыв между внутренней антрополого-правовой сущностью общественного объединения, основой которой является человек, и внешним нормативно-правовым регулированием его бытия в конкретной организационно-правовой форме.

В то же время парадигма человека как центра права и критерия социально-нормативного регулирования, обуславливающая природу правосубъектности общественного объединения, может стать тем синтезирующим началом, которое позволит определить важнейшие социально-правовые свойства, лежащие в основе данной формы коммуникативного и диалогичного взаимодействия людей. Это способствует разрешению многих актуальных практических и теоретических вопросов, связанных с реализацией правосубъектности общественных объединений, формированием и изъявлением их воли, способами создания, юридической ответственностью и др. В рассматриваемом контексте человек является единственным источником воли общественного объединения, а его права и свободы, при определенных условиях, – неотъемлемым ее атрибутом.

Степень научной разработанности темы исследования. Методологические принципы антропологического типа правопонимания начинают формироваться уже в XVII – XVIII вв. в трудах С. Пуфендорфа («О должности человека и гражданина по закону естественному»), Ж.-Ж. Руссо («Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми»), Ш.Л. Монтескье («О духе законов»). Со второй половины XIX в. антрополого-правовыми исследованиями занимаются Г. Дж. Самнер-Мэн («Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям»), Н.-Д. Фюстель де Куланж («Гражданская община древнего мира»), Л.Г. Морган («Древнее общество») и др. Современный этап развития данной области науки в Европе связан с именем известного

французского юриста Н. Рулана и его работой «Юридическая антропология», которая переведена на многие языки, в том числе и русский, благодаря инициативе В.С. Нерсисянца.

В отечественной теории права методологические основы антропологии права начали разрабатывать в конце XX в. и продолжают совершенствовать С.И. Архипов («Субъект права», 2004), Л.И. Глухарева («Современные проблемы теории прав человека», 2004), С.А. Дробышевский (Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции, 1995), А.И. Ковлер («Антропология права», 2002), А.В. Поляков («Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода», 2001), Т.К. Примаков («Антрополого-правовое исследование договора: историческая ретроспектива и современное состояние», 2008), О.А. Пучков («Антропологическое постижение права», 1999), И.Л. Честнов («Постклассическая теория права», 2012) и многие другие исследователи: Е.А. Агафонова, В.В. Бочаров, О.В. Власова, А.Ф. Калинин, В.И. Павлов, Н.С. Пилюгина, Н.В. Разуваев, А.Э. Черноков и др.

Однако как самостоятельная область научного знания антропология права до конца не сформировалась, ее методологический потенциал используется крайне редко. В частности, в последние годы была защищена лишь одна докторская диссертация Н.В. Разуваева «Эволюция государства: социально-антропологический и юридический аспекты» (2016 г.), в которой эволюция государства исследуется с позиции антрополого-правового подхода.

Напротив, проблемам формирования, становления, развития общественных объединений всегда уделялось повышенное внимание ученых, что связано с поисками справедливого устройства общественной жизни, разработкой способов участия граждан в управлении делами государства. В советское время общественные организации в политической системе государства обстоятельно изучала Ц.А. Ямпольская («Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационные аспекты», 1972). В современной юридической науке общественные объединения исследуются с разных ракурсов. Теоретико-правовые и историко-правовые вопросы рассматривают в своих работах Н.Ю. Беляева, В.В. Ни-

кулин, Т.Н. Синюкова, А.С. Туманова, В.Н. Шеломенцев и др. В частности, в историческом аспекте изучаются и систематизируются модели взаимодействия публичной власти и общественных объединений (А.С. Туманова), с позиции институционального анализа раскрывается специфика правосубъектности общественных объединений (В.Н. Шеломенцев), анализируется проблематика законодательных инициатив общественных объединений (Н.Ю. Беляева).

На отраслевом уровне проблемы правового регулирования положения и деятельности общественных объединений как субъектов публичного права привлекают внимание ученых, занимающихся вопросами конституционного (С.А. Авакьян, Г.А. Гаджиев, В.Д. Зорькин, Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин, Б.С. Эбзеев и др.) и административного (Д.Н. Бахрах, К.С. Бельский, Д.М. Овсянко, Ц.А. Ямпольская и др.) права. Вопросы правосубъектности общественных объединений как юридических лиц разрабатываются преимущественно в рамках цивилистической науки. Широко известны труды А.В. Баркова, С.Н. Братуся, И.П. Грешникова, В.Б. Ельяшевича, О.С. Иоффе, Н.В. Козловой, О.А. Красавчикова, О.А. Серовой, Н.С. Суворова, Е.А. Суханова, Ю.К. Толстого, Б.Б. Черепихина и др.

Таким образом, к настоящему времени сформирован достаточно обширный перечень научных работ, в которых проработаны определенные проблемы правосубъектности общественных объединений. При этом за пределами внимания исследователей остаются вопросы методологии, междотраслевых связей, которые изменяют общественные отношения, формируют новые тенденции, оказывают значительное влияние на регулирование и реализацию прав и обязанностей общественного объединения. Представляется, что разрешению данных проблем способствует инструментарий антропологии права.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе формирования и реализации правосубъектности общественных объединений.

Предмет исследования охватывает теоретические суждения о проблемах сущности и правосубъектности общественных объединений в дискурсе антропо-

лого-правового правопонимания; правоотношения, участниками которых они являются; положения правовых актов и правоприменительную практику.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении антрополого-правовой природы правосубъектности общественного объединения, способов и форм её реализации.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие основные задачи:

- оценить приемлемость методологии антрополого-правового типа правопонимания в целях познания сущности общественного объединения;
- используя подходы антропологии права, исследовать процесс юридизации человеческого бытия в коллективную форму общественного объединения, выяснив закономерности, которые лежат в основе ее образования и существования;
- в дискурсе антропологического типа правопонимания проанализировать легальные и доктринальные признаки общественного объединения, на их основе сформировать группу организационно-правовых форм юридических лиц, являющихся общественными объединениями;
- исследовать процесс образования юридической личности общественного объединения как системной целостности, ее системообразующий критерий, конституирующие (инвариантные) элементы, которые позволяют ей быть субъектом права, формируют ее правоспособность и обеспечивают реализацию дееспособности;
- определить антрополого-правовую сущность общественного объединения;
- раскрыть правовую природу правоспособности и дееспособности общественного объединения;
- исследовать правовой механизм реализации правосубъектности общественного объединения;
- на основе антропологического типа правопонимания разработать теоретически обоснованные и пригодные для практического применения рекомендации по совершенствованию законодательства.

Методологическую основу работы составляют всеобщие (философские), общенаучные, частнонаучные и междисциплинарные методы познания. Применение диалектического метода обеспечило объективность, всесторонность, конкретность, историзм и детерминизм исследования. С использованием структурно-функционального и системного подходов общественное объединение проанализировано как целостное образование, состоящее из взаимосвязанных элементов. При этом акцентировано внимание на выявлении интегративных свойств системы, изучении её внутреннего строения. Это позволило встроить в юридическую личность общественного объединения волю человека (физического лица) в качестве одного из элементов системы и применить в качестве методологической основы диссертации инструментарий правовой антропологии.

В частности, использованы антрополого-правовой метод социальной реконструкции, генетической и структурной деконструкции, метод институционального анализа реализации правосубъектности общественного объединения через ее органы. С позиции диалогичности и коммуникативности изучен процесс формирования и изъятия воли общественного объединения. Антрополого-правовая методология способствовала углубленному исследованию взаимообусловленности воли человека (частного, элемента) и общественного объединения (общего, системы), при которой человек сохраняет свою идентичность и способствует сохранению и развитию системной целостности общественного объединения.

Наряду с указанной методологией, в работе использованы такие методы познания, как анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия (общенаучные методы); формально-логический, сравнительно-правовой и нормативно-юридический (частнонаучные методы); исторический и социологический (междисциплинарные методы).

Теоретическую основу исследования составили научные труды отечественных и зарубежных ученых в области теории права и государства, отраслевых юридических наук, а также философии, социологии и истории. Наибольшее влияние на формирование научной позиции диссертанта, помимо вышеназванных авторов, оказали работы ученых, рассматривавших общеметодологические, обще-

теоретические проблемы юридической науки, в том числе вопросы философии и социологии права, правопонимания, непосредственно связанные с темой исследования: С.С. Алексеева, В.Л. Гавеля, Ю.И. Гревцова, Г.С. Кнабе, И.Ю. Козлихина, В.В. Лазарева, Г. Гегеля, О. Гирке, Р. Иеринга, Ф.К. Савиньи и др.

Нормативной базой исследования стали нормы российского законодательства и законодательств некоторых зарубежных государств, а также отдельные международные правовые акты.

Эмпирическую основу исследования составили материалы практики Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что на базе новых теоретических положений антрополого-правового познания сущности общественного объединения, раскрытых в работе, осуществлено системное исследование теоретических и практических проблем реализации его правосубъектности. Использование антрополого-правового подхода позволило значительно расширить традиционное доктринальное понимание природы правосубъектности общественного объединения, выявить и проанализировать конституирующие элементы его юридической личности как системной целостности, их функциональные взаимосвязи. В диссертации разработано авторское понятие органа общественного объединения как правового средства, что представляет собой решение теоретической задачи, имеющей прикладной характер и существенное значение для науки российского права.

Квинтэссенцией научной новизны диссертационного исследования являются **положения, выносимые на защиту:**

1. Концептуальные положения, определяющие вектор антрополого-правового дискурса познания природы правосубъектности общественного объединения.

- 1.1. Антрополого-правовое познание сущности общественного объединения вскрывает его имманентную диалогичность и коммуникативность как правовой

формы человеческого бытия; фиксирует взаимодействие, взаимообусловленность и взаимопереход противоположных сторон системной целостности общественно-го объединения (в частности, единичной воли человека в их общую волю, обретающую качество индивидуальной воли общественного объединения; динамичность процесса образования такой воли и статичность нормативно-правового регулирования порядка ее образования; ее имманентность и трансцендентность), а также аналогичных диалогических отношений общественного объединения и однопорядковых ему явлений (юридических лиц, не относящихся в силу закона к общественным объединениям) и во взаимоотношении с метасистемой относительно него (государством);

1.2. Антрополого-правовой подход способствует соединению общего начала коллективного образования с индивидуальным, обеспечению прав и свобод отдельной личности и всей их общности; позволяет отразить и исследовать различные аспекты межличностной коммуникации как в общественных объединениях, не имеющих статуса юридического лица, так и в конкретных их организационно-правовых формах, к которым, помимо установленных ФЗ «Об общественных объединениях», относятся потребительские кооперативы; общины коренных малочисленных народов Российской Федерации; казачьи общества; автономные некоммерческие организации, создаваемые гражданами.

1.3. Развитие общественного объединения как правовой формы юридизации человеческого бытия, в которой осуществляется межличностное коммуникативное взаимодействие, соответствует эволюции права в целом. На первом этапе (догосударственное право) своего исторического развития коммуникативные связи между людьми внутри социальной общности, которой являлась раннепервобытная община, в отсутствие противопоставления части (человека) и целого (общины) носили идеальный сбалансированный характер, поддерживаемый внутренней регуляцией. С появлением государства (второй этап – государственное право), монополизировавшего право, естественная индивидуальная межличностная регуляция коллективных образований сменилась общей нормативной регуляцией, а человек попал в зависимость от государственных (политических, экономических,

религиозных и т.п.) интересов, выраженных нормой права. Дисбаланс социального (человек, его права и свободы) и правового (интересы государства) отразился на свободе межличностной коммуникации граждан в форме общественного объединения, что проявилось в ужесточении контроля за их созданием и деятельностью со стороны государства. На определенном промежутке эволюции государственного (политического) права вновь зародилась идея свободной межличностной коммуникации (третий этап – право «суверенной», свободной личности, право человека), когда государство не вмешивается в процесс создания общественных объединений, а принимает их в качестве равных субъектов права. Это обусловлено их самодостаточностью, в основе которой находится естественное право человека на объединение, сформировавшееся вне контекста коммерческих (экономических) отношений в условиях минимальной зависимости от внешней правовой среды.

2. Антрополого-правовую сущность общественного объединения отражает социально-правовое свойство человека вырабатывать волю, которую объединившиеся физические лица реализуют в новом юридическом состоянии, внешне выраженном нормами права и положениями устава. Данные нормы и положения фиксируют целеполагание и правосубъектность общественного объединения, ее (правосубъектности) образование, изменение и реализацию, а также определяют средства индивидуализации и правовой режим используемого имущества.

3. Целеполагание общественного объединения как системной целостности является его системообразующим критерием, включающим в себя следующие составные элементы: согласованная и взаимообусловленная потребность индивидов в совместной деятельности (основа формирования целеполагания, её соотнесение с будущим результатом деятельности); правовые средства, способствующие достижению цели в процессе реализации правосубъектности общественного объединения (имущество, орган общественного объединения и др.); способы практического действия по связыванию того и другого (формально-определенные пра-

вила использования имущества, формирования и изъятия воли общественного объединения, в том числе посредством использования его органов).

4. Правоспособность общественного объединения представляет собой абстрактные способности человека, обусловленные целеполаганием юридической личности общественного объединения. В сравнении с правоспособностью физического лица правоспособность общественного объединения всегда носит специальный характер, а права и свободы человека и гражданина применимы к нему в той степени, в которой соответствуют целям деятельности общественного объединения и его природе. В этом контексте к общественным объединениям применимы механизмы международной и национальной судебной защиты прав человека и гражданина.

В порядке *de lege ferenda* сформулированы предложения о дополнении ФЗ «Об общественных объединениях» положениями, регламентирующими институт правоспособности общественного объединения.

5. Дееспособность общественного объединения как способность своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя обязанности и исполнять их, обусловлена его правоспособностью и зависит от волевой, организационной, а в определенных случаях имущественной готовности реализовывать функции субъекта права. Несоответствие общественного объединения указанным критериям готовности является основанием для ограничения его дееспособности в рамках соответствующей процедуры, применяемой в деле о банкротстве, приостановления деятельности или действия лицензии.

В порядке *de lege ferenda* сформулированы положения ФЗ «Об общественных объединениях», регламентирующие институт дееспособности общественного объединения.

6. В антрополого-правовом дискурсе реализация правосубъектности общественного объединения через высший орган управления (съезд (конференцию) или общее собрание) квалифицируется как непосредственный способ реализации им (объединением) своей правосубъектности, поскольку конкретно-определенная

совокупность физических лиц, образующих данный орган, является единственным источником волеиспособности общественного объединения. Реализация правосубъектности общественного объединения через другие органы квалифицируется как опосредованный способ реализации правосубъектности общественного объединения с использованием органа в качестве правового средства. При этом орган общественного объединения и лицо, выполняющее его функции (использующее его как правовое средство), представляют собой разные правовые явления, во взаимосвязи обеспечивающие реализацию правосубъектности общественного объединения. Данный процесс детерминирован практиками конкретных людей, которые обнаруживаются в результате межличностного диалога как между лицами (учредителями, членами и участниками), образующими волю общественного объединения, так и между указанными лицами и иными лицами, использующими орган в качестве правового средства.

В порядке *de lege ferenda* сформулированы положения ФЗ «Об общественных объединениях», регламентирующие вопросы организации и реализации правосубъектности общественного объединения.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении и углублении научных представлений об общественном объединении как коллективном субъекте права, его правосубъектности и особенностях её реализации.

Практическая значимость результатов работы состоит в том, что выводы и наблюдения автора диссертации, примененный к исследованию инструментарий правовой антропологии могут быть использованы для дальнейшего исследования и усовершенствования законодательства об общественных объединениях, способствуя его дальнейшей гуманизации в целях обеспечения защиты прав и свобод каждого человека, образующего волевою основу правосубъектности общественного объединения. Учитывая междисциплинарный характер исследования, его результаты могут быть использованы в учебном процессе при проведении лекционных и семинарских занятий со студентами, аспирантами, изучающими курсы «Теория государства и права», «История политических и правовых учений», «Юридическая антропология», а также отраслевые юридические дисциплины.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на международных и всероссийских научно-практических конференциях, в том числе: 5-й Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (Ярославль, 2004); XII и XXIV Международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, 2005, 2017); 3-й Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов «Россия в период трансформации: актуальные проблемы» (Ярославль, 2009), VII, VIII и IX научно-практических конференциях «Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых» (Москва, 2015, 2016, 2017).

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 17 статей, 8 из которых – в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Отдельные положения диссертации внедрены в практическую деятельность правового управления Генеральной прокуратуры РФ, научно-исследовательскую деятельность НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, учебный процесс Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта и Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

Структура диссертации определена целью, задачами исследования и состоит из введения, трех глав, включающих в себя семь параграфов, заключения, списка литературы.

Глава 1. Антрополого-правовая сущность общественного объединения

1.1. Антрополого-правовое познание сущности общественного объединения

Природа общественного объединения, как субъекта различных отраслей права, требует своего общетеоретического осмысления с применением методологии, позволяющей объяснить её многогранность, связанность с реальными потребностями человека. На сегодняшний день «человеческое измерение» правовых явлений составляет предмет антропологии права. Такой «...взгляд предполагает рассмотрение права во всех его проявлениях сквозь призму носителя правового качества общественных отношений – человека»¹. «При этом любая юридическая проблема может и должна, как представляется, рассматриваться с антропологической точки зрения»².

Антрополого-правовое познание любых правовых явлений, в том числе сущности общественного объединения определяет человека творцом права или, по выражению древнегреческого философа Протогора, «мерой всех вещей»³. «Человек – существо многомерное. Можно выделить по крайней мере три фундаментальных измерения его бытия: а) природно-биологическое; б) социальное; в) духовно-практическое. Первый и второй планы – адаптационные (в одном случае человек приспосабливается к физической среде, в другом – к социальной). Третий план бытия ориентирует человека на свободное и творческое самоосуществление по законам добра и красоты. Утверждение, что сущность человека – это ансамбль всех общественных отношений, остается справедливым и сегодня, но только в рамках социального интервала, который несводим к биологическому и из которого нельзя вывести духовно-практический»⁴. «Понятно, что юридическая антропо-

¹ Социальная антропология права современного общества: монография / И.Л. Честнов, Н.В. Разуваев, Л.А. Харитонов, А.Э. Черноков; под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2006. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ Методологические основы антропоцентризма можно обнаружить в работах древнегреческого философа Протогора, сформулировавшего мировоззренческое суждение о том, что «человек есть мера всех вещей: для реальных – их реальности, для нереальных – их нереальности». См.: Новая философская энциклопедия / научно.-ред. совет: В. С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. М., 2000. Т. 3. С. 374–375.

⁴ Лазарев Ф.В., Трифонова М.К. Философия. Симферополь, 1999. С. 297.

логия может плодотворно исследовать человека именно в социальном интервале, поскольку в праве объективированы собственно социальные отношения»¹. В границах социального интервала осуществляется юридическая деятельность человека, возникают и прекращаются связи с правом и отношения с субъектами правоприменения, среди которых государство.

«Антропологический «поворот» полагает человека во всех его проявлениях, прежде всего, как существа социокультурного, центром социальности и, тем самым, правовой системы. Именно человек создает правовую реальность, он же ее воспроизводит своими действиями и ментальной (психической) активностью. Поэтому субъектом права эмпирически всегда является человек – носитель статуса физического или должностного лица, либо коллективного субъекта»².

Перспективность использования антрополого-правового подхода в познании сущности общественного объединения, прежде всего, обнаруживается на фоне проблем, так и нерешенных юридическим позитивизмом: о наличии особой воли и интереса, о правовой природе органа управления, о вине и т. д.

Очевидно, что дальнейший анализ сущности общественного объединения в контексте отраслевого позитивизма не сдвинет проблему, имеющую межотраслевой и общетеоретический характер.

В настоящее время разные отрасли права рассматривают те грани природы общественного объединения, которые задействованы (проявляют себя) в регулируемых ими отношениях, не ставя перед собой задачи объяснения сущности всего явления. Например, в сфере конституционно-правовых отношений можно выделить проблему распространения на общественные объединения прав и свобод человека и гражданина. В сфере административных и уголовных правоотношений ведутся дискуссии об определении вины общественного объединения как основа-

¹ Креминский А.И. О некоторых аспектах юридической антропологии // Культура народов Причерноморья. 2000. № 13. С. 151.

² Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб., 2012. С. 167.

ния ответственности за совершенные административные правонарушения и преступления.

В сфере гражданских правоотношений проблема лежит в плоскости имущественных и личных неимущественных отношений, автономии воли общественно-го объединения как юридического лица и его имущественной самостоятельности. При этом решение обозначенной проблемы усложняется позицией ряда цивилистов об отсутствии необходимости дальнейшего объяснения природы юридического лица, которое воспринимается ими исключительно как юридикотехническое понятие, предназначенное для олицетворения «лиц или вещей» в качестве правоспособных субъектов, а многочисленные теории, объясняющие сущность юридического лица, по их мнению, не способствуют практическим целям в силу их небольшой научной ценности¹. Однако, как верно отмечает профессор О.А. Серова, «не отдельные теории представляют собой ценность, а именно их совокупность, дающая обобщающее представление о сущности такого сложного явления, каким является категория юридического лица в правовой доктрине. Давая оценку той или иной теории, пытающейся объяснить сущность, правовую природу юридического лица, нужно четко представлять, что любая научная концепция является продуктом своего времени»². Поэтому наша задача с использованием инструментария юридической антропологии проанализировать теории о сущности юридического лица, применив их к объяснению природы правосубъектности общественного объединения.

Следует отметить, что позиция цивилистов вполне объяснима контекстом имущественных (экономических) отношений, определяющих существование и развитие гражданского права, гуманизация которого никогда не была их главной задачей. В результате реальные человеческие потребности и права становятся второстепенными, а сам человек все больше растворяется в нормах права, регули-

¹ См.: Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть: учебник / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. М., 2008. С. 223.

² Серова О.А. Теоретико-методологические и практические проблемы классификации юридических лиц современного гражданского права России: дис. ... д-ра. юрид. наук. Самара. 2011. С. 22.

рующих хозяйственный оборот. В таких условиях трудно воспринимать общественное объединение как реальное объединение граждан, реализующих свои права, и тем более анализировать его сущность в «человеческом измерении» права. Привычнее подогнать это формирование под категорию юридического лица, назвать его фикцией и продолжить наращивать объемы нормативно-правового регулирования отношений с ее использованием. Объяснение сущности юридического лица с позиций фикции как научного приема свойственно германскому, французскому и англо-американскому праву¹ и давно уже стало закономерностью для российской и советской науки².

Фикционный подход оказался наиболее приемлем для государства и его отдельных представителей, считающих себя центром всего правового, определяющим кому следует быть субъектом права и при каких условиях. По справедливому замечанию Н. Рулана «иначе и быть не может, так как государство способно укреплять свою власть не иначе, как ослабляя и отрицая промежуточные категории, к которым относятся и индивиды»³, а тем более их сообщества. Именно так право начинает служить интересам отдельных личностей, обеспечивающих его исполнение мерами организованного государственного принуждения. Неудивительно, что одним из основоположников понимания юридического лица как отвлеченного понятия (*nomen intellectuale*), правового наименования (*nomina sunt juris*), фикции (*persona ficta*), не имеющей воли, стал римский папа Иннокентий IV⁴. Впоследствии его взгляды развил Фридрих Карл фон Савиньи, создав полноценную теорию сущности юридического лица. Как отмечает Н.С. Суворов, «в юриспруденции учение Савиньи получило название теории олицетворения. Однако это название не совсем правильное, так как не указывает на сущность теории,

¹ Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 173–175; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 89; Грибанов В.П. Юридические лица. М., 1961. С. 13.

² Белов В.А. Учение о сделке в российской доктрине гражданского права (литературный обзор) / Сделки: проблемы теории и практики: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2008. С. 115.

³ Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов. М., 1999. С. 245.

⁴ См.: Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000. С. 54; Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. СПб., 1888. С. 18–20; Дювернуа Н.Л. Конспект лекций по гражданскому праву. Вып. 2. СПб., 1886. С. 31–32.

которая состоит в том, что допускаемая этой теорией личность есть вымышленная, в действительности реально не существующая, фингированное существо, а не живое явление реального мира»¹.

Оценивая теорию фикции, вслед за ее противниками мы делаем вывод, что только в силе закона нельзя определить субъектом того, кто таковым не является. Если правопорядок признает соединение людей юридическим лицом, то это не означает создание нового субъекта права. В данном случае имеет место признание государством в объективно существующем явлении необходимых и достаточных свойств для признания его субъектом права. Так происходит и с общественными объединениями, которые считаются созданными с момента принятия решений, указанных в статье 18 ФЗ «Об общественных объединениях». Однако в этой же норме содержится дополнительное требование о государственной регистрации данного объединения, если оно собирается осуществлять свои права в сфере имущественного оборота.

Необоснованным, на наш взгляд, будет подмена фикционистами воли общественного объединения (юридического лица) волей его представителя. Действительно, как и любой субъект права, общественное объединение, являющееся юридическим лицом, может иметь представителей, но от этого их воля не становится его. Не соответствует действительности также основной тезис теории фикции, признающий субъектами права лишь живых людей. Как показывает история возникновения общественных объединений, первыми правовыми образованиями (субъектами права) были не отдельные лица, а их совокупности – род, община, а впоследствии государство, которое, по сути, являясь публичным юридическим лицом, представляло собой объективно существующие общественное явление. На данное обстоятельство указывали профессора Ю.С. Гамбаров и С.Н. Братусь². Профессор Н.С. Суворов в качестве разновидностей юридического лица видел муниципалитеты, провинции, городские общины, к которым применение фикций и абстракций чрезвычайно затруднительно. Поэтому ученый считал юридическим

¹ См.: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 69.

² См.: Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1. С. 448–449; Братусь С.Н. Указ. соч. С. 103.

лицом некую социальную реальность, «если понимать это слово не как синоним вещи, подлежащей внешним чувствам, а как противоположность чистому порождению фантазии»¹. Подобным образом, на наш взгляд, следует воспринимать и общественные объединения, волевою основу которых так же составляют реальные люди. При этом следует абстрагироваться от их физической природы.

В свое время отождествление человека как субъекта права с его физической природой, которой нет у юридического лица, в том числе и общественного объединения справедливо раскритиковал профессор И.А. Покровский: «думается, что юридическая реальность есть вообще некоторая особая реальность: самый физический человек, превращаясь в юридический субъект прав, утрачивает в значительной мере свою реальность естественную; для понятия субъекта прав безразличен рост, цвет волос и т. д. В особенности в сфере имущественного оборота право мыслит людей прежде всего в качестве некоторых абстрактных центров хозяйственной жизни. Понятие субъекта прав, таким образом, есть вообще некоторое техническое, условное понятие, которое как таковое вполне применимо и к лицам юридическим»².

Наш современник профессор Г.А. Гаджиев, восприняв данную точку зрения, пишет: «поскольку юридическая жизнь человека – это не то же самое, что его физическая, психологическая жизнь, есть основания предполагать, что она как особая реальность отлична от физической, психологической и иных реальностей»³.

Правовое бытие человека для фикционистов не изменяется в процессе создания общественного объединения, в сфере гражданских правоотношений для них меняется режим использования имущества, которое обретает определенное предназначение, обособляясь от власти первоначального собственника. Человек становится рядом со своим творением в качестве его представителя, пользуясь им как средством достижения целей. В результате появляются суждения о том, что юридическое лицо есть средство, предназначенное упростить управление

¹ Суворов Н.С. Указ. соч. С. 177.

² Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 147.

³ Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М, 2013. С. 21–22.

коллективной собственностью, которая лишь прикрывается фикцией юридического лица (М. Планиоль)¹. Присоединяясь к взгляду французского цивилиста, профессор Ю.С. Гамбаров понимал под юридическим лицом коллективное имущество группы людей. Поэтому юридическое лицо ученый предлагал исключить из «учения о субъекте права», перенеся в «учение об общественном обладании»². Профессор А. ф. Бринц, высказавший идею о том, что исключении юридического лица из права есть исключение чучела из естествознания, понимал под ним целевое имущество.³ Профессор Е.А. Суханов указывает, что «...конструкция юридического лица все более отчетливо проявляет свое существо в качестве персонифицированного имущества, то есть некоего имущественного комплекса, наделенного по указанию закона гражданской правосубъектностью – свойствами «персоны»⁴. Профессор Б. И. Пугинский рассматривает юридическое лицо в качестве правового средства⁵.

Разумеется, указанный подход требует четкой регламентации всех действий человека по отношению к такому средству (юридическому лицу), что ведет к постоянному увеличению объема законов, которые из-за своей отстраненности от реальных потребностей человека сами становятся некоторой фикцией, имитацией права, все более отчуждающей от себя «реального человека». Сам прием фикции в качестве метода исследования применительно к такому объективно существующему явлению как общественное объединение неизбежно ограничивает его познание, как если бы он был использован при объяснении сущности физического лица. Не зря Г.Ф. Шершеневич предупреждал, что «не следует обращаться к фикциям там, где в них нет необходимости»⁶.

Несмотря на недостатки в объяснении природы юридического лица некоторые аргументы сторонников метода фикции вполне приемлемы для обоснования самостоятельной правосубъектности общественного объединения как реального

¹ См.: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 169.

² См.: Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть Общая. СПб., 1911. С. 452.

³ См.: Герваген Л.Л. Указ. соч. С. 54–58.

⁴ Суханов Е.А. О правовом статусе образовательного учреждения // Вестник ВАС РФ. 2002. №11. С. 62–63.

⁵ Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 161–162.

⁶ Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 118–119.

социально-правового явления. Так, немецкий юрист Виндшейд, воспринимая юридическое лицо в качестве фикции, которая существует в человеческом воображении, справедливо обращал внимание на реальность его основы (субстрата) – общности граждан, которая формирует самостоятельное существо, не совпадающее с суммой отдельных лиц¹.

В целом критическая рефлексия понимания общественного объединения через категорию юридического лица, воспринимающуюся в качестве фикции, позволяет увидеть в ней причину проблем, возникающих в процессе деятельности этого субъекта права (как внутренних, связанных с корпоративными спорами, так и внешних, связанных с нарушением норм закона). Под сомнение ставится его рациональная природа, ее внутренняя непротиворечивость и самодостаточность, польза для человека. В особенности, когда общественные объединения используются как «средство» для совершения преступлений.

В частности, Р.В. Жубрин обращает внимание, что «для целей легализации преступных доходов создаются и переоформляются не только коммерческие, но общественные некоммерческие организации. Такие организации создаются юридическими конторами путем регистрации в органах юстиции. Для этого оформляются фиктивные документы о проведении учредительного собрания, устав, заключается договор банковского счета. Общественная организация также может быть приобретена за определенную плату. После этого обеспечивается избрание «своего» человека руководителем организации, передаются учредительные документы, оформляется новая банковская карточка»².

Антрополого-правовой тип правопонимания позволяет увидеть (определить) в основе общественного объединения как субъекта права волю коллектива людей и, тем самым, показать, что оно не отчужденная от человека фикция, а форма его юридического бытия, созданная им правовая реальность. «Именно че-

²⁴ См.: Герваген Л.Л. Указ. соч. С. 45–47.

² Жубрин Р.В. Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты. М., 2011. С. 138–139.

ловек, а не абстрактная юридическая форма или статус, конструирует правовую реальность и воспроизводит ее своими практиками»¹.

Человек включается нами в антрополого-правовую модель познания сущности общественного объединения как единственный источник воли и в этом качестве определяет содержание субъекта права. Воля является той первичной субстанцией, которая присутствует во всех формах человеческого бытия, как индивидуальных, так и коллективных. По справедливому утверждению профессора С.И. Архипова «именно воля позволяет разграничить субъекта от объекта права, правовое лицо от юридического мопса и именно воля обеспечивает лицу возможность участвовать в правоотношениях»².

В своем исходном состоянии воля абстрактна и неопределенна, а значит свободна, «так что свобода составляет ее субстанцию и определение...»³. Она есть содержание человека как природно-биологического существа и в этом проявляется ее реальность. И здесь мы солидарны с Г. Гегелем, что «...свобода действительна лишь как воля, как субъект»⁴. Каждый человек обладает личностно свободным бытием, еще не определенным нормами права, тем экстрактом, который в дальнейшем составит основу любой формы юридического бытия человека. Такая непредзаданность воли уходит своими корнями глубоко в природу человека, во времена раннепервобытных общин, когда индивид и общность существовали в неразрывной связи, о чем мы будем вести речь в дальнейшем.

Вследствие своей неопределенности воля однородна и представляет собой «...всю совокупность личности, или как особую способность, присущую личности», на что обратил внимание В. Виндельбандт⁵. Являясь источником (носителем) такой воли личность человека сочетает в себе индивидуальное и коллективное начало, которые в последствие конкретизируются в рамках социальных (правовых) отношений, общений и предметной деятельности, образуя правовую волю.

¹ Социокультурная антропология права: коллективная монография / под. ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб., 2015. С. 6.

² Архипов С. И. Субъект права. Теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 44.

³ Гегель Г.Ф. Философия права: пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов, В.С. Нерсисянц. М., 1990. С. 67.

⁴ Гегель Г.Ф. Там же. С. 68.

⁵ Виндельбандт В. О свободе воли / под ред. В. В. Битнера. СПб., 1904. С. 11.

И в этом качестве по справедливому утверждению профессора С.И. Архипова «в правовой воле выражается идея деятельной, рациональной свободы в праве, свободного самовыражения и самоопределения лица. Она не раскрывает всех свойств, качеств правовой личности (следовательно, не исключает иных аспектов понимания субъекта права), но дает представление о самом главном, что есть в ней, а именно о том, что правовая личность есть решающая инстанция в праве. В этом плане понятие воли можно считать объединительным, интегративным для других понятий, раскрывающих различные аспекты, стороны явления, именуемого «субъектом права»¹.

В правовом измерении такая воля является первичной основой субъекта права. Профессор С.И. Архипов пишет: «само по себе лицо без воли – лишь правовая внешность (пустая правовая оболочка), воля составляет внутреннюю субстанцию лица как субъекта права, как правовой личности. Поэтому лишь условно можно отделить волеспособность от правового лица, лишить его внутреннего содержания, правовой субстанции»².

В дальнейшем воля определяется в конкретной форме юридического бытия человека (коллективной и индивидуальной). Она становится обусловленной субъективными правами и обязанностями, но главное нормативным порядком ее объективации. В таком качестве воля человека составляет содержание субъекта права, в том числе физического лица и общественного объединения. Как указывает профессор С.И. Архипов «...в центре правовой системы в качестве первичного и исходного субъекта права должен быть... человек (как единая правовая личность), объединяющий в себе и частноправовые роли в гражданских, семейных, иных «частных» отношениях, и публично-правовые функции главы государства, министра, военнослужащего, налогового инспектора, другого публичного деятеля. Человек – как основатель, творец государства, частных корпораций и всей системы права»³.

¹ Архипов С.И. Указ. соч. С. 49.

² Архипов С.И. Указ. соч. С. 144.

³ Архипов С.И. Указ. соч. С. 249.

Определение воли происходит в процессе ее объективации во внешних отношениях для всех других волей (субъектов). «Субъективная воля может существовать в качестве правовой воли лишь тогда, когда она стремится к объективации, к реализации в правовых отношениях»¹. Объективация воли позволяет выявить реальное правовое положение ее носителя (человека в праве) и тем самым показать его взаимосвязь и взаимообусловленность с той или иной формой юридического бытия с точки зрения антрополого-правового дискурса. На этой стадии единичная воля одного лица соотносится с другой единичной волей (с другим лицом) и так начинается их коммуникация, непосредственное правовое общение (правовой диалог). В результате воля общественного объединения получает свое внешнее выражение в договорах, локальных актах и других формально-определенных решениях.

Объективация воли тем самым напрямую связана с процессом правового взаимодействия (коммуникативного, диалогичного) между людьми как единственными источниками воли. Как отмечает профессор А.В. Поляков «любое взаимодействие предполагает одинаковое понимание того, что следует делать, и ожидание того, что другой субъект взаимодействия будет такие действия осуществлять»². В результате такой правовой субъективации конституируется личностное правовое бытие, как индивидуальное, так и коллективное.

Именно практики «...правовой субъективации являются базой размещения реального субъекта права...»³. В сущности, они и позволяют определить реальность субъекта в праве (реального субъекта права). Процесс субъективации правовой личности общественного объединения состоит в переходе человека из одного правового состояния в другое. Более подробно этот процесс мы рассмотрим во втором параграфе второй главы настоящего исследования.

Таким образом, воля человека является базисом антрополого-правового дискурса и все правовые образования, в том числе субъект права и общественное

¹ Архипов С.И. Указ. соч. С. 54 – 55.

² Поляков А.В. Коммуникативно-феноменологическая концепция права // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013. С. 97.

³ Социокультурная антропология права... С. 336.

объединение, выстраиваются вокруг него и в связи с ним. Поэтому мы солидарны с мнением профессора Ю.И. Гревцова, что «необходимо стремиться исследовать природу социальных явлений, прежде чем приписывать им какую-либо причину (следствие). Данный методологический принцип акцентирует внимание на том, что именно поведение, деятельность участников общения сохраняет или изменяет общество и его институты, создавая, наполняя смыслом (или лишая значений) те или иные элементы, институты общества»¹.

Такой подход существенно расширяет познание общественного объединения, в том числе являющегося юридическим лицом: с его позитивистского восприятия как субъекта конкретной отрасли права до антрополого-правового восприятия в качестве юридической личности, на которую распространяются определенные права и свободы человека и гражданина. Именно в таком качестве общественное объединение является социальной реальностью, о которой говорили в своих работах профессора И.А. Покровский, Д.М. Генкин и др.²

В познании этой реальности важно понимать ее внутреннее устройство и предназначение. Внутреннее устройство общественного объединения раскрывается в особенностях ее структуры, определяющей предназначение и будущее развитие этой юридической личности. Анализ структуры общественного объединения способствуют такие перспективные подходы в рамках антропологической методологии, как генетическая и структурная деконструкция.

Генетическая деконструкция позволяет определить исходный момент формирования юридической личности общественного объединения, как исторический, так и правовой. Этот подход мы будем использовать в сочетании с методом социальной реконструкции, направленном на выявления тех первоначальных правовых форм коллективного (совместного) существования человеческих общностей, которые могли стать прообразом современных общественных объединений. При этом необходим анализ эволюции указанных форм с древнейших времен до

¹ Гревцов Ю.И. Социология права: Статус. Метод. Предмет // Правоведение. 1996. № 1. С. 51.

² См.: Покровский И.А. Указ. соч. С. 157; Генкин Д.М. Юридические лица в советском гражданском праве // Проблемы социалистического права. 1939. № 1. С. 91; Генкин Д.М. Значение применения института юридического лица во внутреннем и внешнем товарообороте СССР // Сб. научных работ МИНХ. Вып. 9. М., 1955. С. 9.

настоящего времени. Так мы увидим качественные изменения содержательной формы общественного объединения и сможем спрогнозировать их дальнейшее развитие.

В том числе и для целей прогнозирования «генетическая деконструкция должна быть дополнена деконструкцией структурной, то есть анализом современности»¹. Здесь основное внимание уделяется смыслу, который законодатель вкладывает в понятие общественного объединения, как оно «...воспринимается правоприменителем, доктриной и обыденным правосознанием»². Пример использования данного подхода мы приводили выше, показав «негативную» сторону восприятия общественного объединения в качестве фикции. Структурная деконструкция позволяет увидеть истинную природу указанной юридической личности, преодолев ее истолкование в угоду политической конъюнктуры.

Следует обратить внимание на отличие понятий «структура» и «признаки», которые в основном и исследуются в процессе анализа правового положения общественных объединений. Признаки – это достаточное условие, при котором можно сделать вывод о наличии явления в объективной реальности, в то время как структура – это относительно устойчивое единство элементов, которые остаются неизменными при различных преобразованиях правового положения общественного объединения и зачастую определяют его сущность, правовую природу (инвариантный аспект)³.

Таким образом, структура общественного объединения первична по отношению к его признакам, которые констатируют факт наличия сформированного правового явления в объективной реальности. Следует отметить, что признаковый анализ, в особенности общественного объединения как юридического лица полностью согласуется с научно-исследовательской программой позитивизма. «Суть позитивистского метода состоит в требовании подтверждения научных суждений фактами – эмпирическими данными. Так как последние выражают внешние при-

¹ Социальная антропология права современного общества: монография / И.Л. Честнов, Н.В. Разуваев, Л.А. Харитонов, А.Э. Чернооков; под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2006. С. 45.

² Там же. С. 45.

³ Подробнее об этом см.: Артеменков В.К. Инвариантные элементы структуры юридического лица как системной целостности // Журнал российского права. 2012. № 3. С. 56–62.

знаки изучаемого объекта, то исследовать что-либо... [например, общественное объединение] ... необходимо именно по его внешним проявлениям»¹.

«Однако в начале XX в. позитивистская программа (методология)...., [как показал профессор И.Л. Честнов], столкнулась с целым рядом серьезных проблем, поставившим под сомнение ее эвристическую ценность. Главной из них можно считать недостаточность фактического подтверждения как единственного (и единственно возможного для позитивистов) критерия научности»². Советский ученый-юрист Е.Б. Пашуканис, обращая внимание на недостатки нормативизма, выражающиеся в неспособности охватить понятие права в развитии, считал, что предписанная государством общеобязательная норма является действительной лишь в той мере, в какой она практически претворяется в жизнь³. В результате ученый стремился к сочетанию нормативизма с социологическим подходом, замыкающего к методологии антрополого-правовых исследований. Это привело в дальнейшем, в том числе к развитию инструментальной методологии, которую мы применим к объяснению правовой природы органа общественного объединения как средства, предназначенного для реализации его правосубъектности.

Обозначенная Е.Б. Пашуканисом проблема актуальна и в наше время. Как верно отметил профессор В.Д. Зорькин, «что касается теории права, то в ней сейчас конкурируют, с одной стороны, доставшаяся нам в наследство от советского времени жесткая версия юридического позитивизма, отождествляющего право с законом, а с другой стороны, положенная в основу Конституции РФ естественно-правовая доктрина»⁴.

Однако, на наш взгляд, не стоит отвергать наработки позитивистов. Более перспективным представляется их переосмысление в рамках антрополого-правовой (человекоцентристской) парадигмы. «Речь идет о том, чтобы, не теряя достижений юридического позитивизма в разработке догмы права и завоеваний

¹ Честнов И.Л. Методология и методика юридического исследования: учебное пособие. СПб., 2004. С. 28.

² Честнов И.Л. Указ. соч. С. 29.

³ См.: Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М., 1924. С. 160.

⁴ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография. М.: Норма, 2017. С. 40.

юснатурализма в деле защиты прав и свобод человека, суметь найти такое концептуальное соединение этих подходов, в основе которого лежала бы философско-правовая трактовка права как формы и меры свободы человека в общественной жизни».¹

Для этого обратимся к методологической программе антропологического структурализма, сформировавшейся в результате изменения позитивистской модели восприятия правовых явлений. Структурная антропология как научное направление получило свое обоснование в работах французского социолога и философа К. Леви-Строса, полагавшего, что в основе всех человеческих культурных практик лежат общие повторяющиеся структуры и понять отдельные детали возможно только через описание их места в общей системе².

Весьма точно определил механизм применения структурализма профессор И.Л. Честнов, указав на необходимость поиска инвариантной универсальной структуры, которая выражается во внешней форме объекта³. В нашем случае – общественного объединения. «Структура (от лат. structure – строение, расположение, порядок) отражает наиболее существенные взаимоотношения между элементами и их группами (компонентами, подсистемами), которые мало меняются при текущем функционировании системы и обеспечивают существование системы и ее основные свойства»⁴.

Структурализм делает акцент как на внешней связи элементов общественного объединения, которая будет показана нами через категорию «юридическое состояние», так и на внутренней коммуникативной (диалогичной) связи между однородными элементами системной целостности общественного объединения – людьми.

Понятие структуры напрямую соотносится с понятием система, которое характеризует всё множество проявлений некоторого сложного объекта (его элементы, строение, связи, функции и т. д.). Структура в свою очередь выражает то,

¹ Там же. С. 41.

² Подробнее об этом см.: Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М., 2001. 512 с.

³ Честнов И.Л. Указ. соч. С. 31.

⁴ Кононов А.А., Честнов И.Л. Системные исследования норм права: учебное пособие. СПб., 2001. С. 8.

что остаётся устойчивым, относительно неизменным при различных преобразованиях системы. Любая система обязательно структурирована и внутренне организована. Можно сказать, что система зависит от структуры.

Структура общественного объединения является его основой, обеспечивающей ему устойчивость и целостность, сохраняя основные правовые свойства юридической личности при наличии изменяющихся внешних (нормативно-правовых) и внутренних (организационных) условий.

Познание структуры общественного объединения – один из важнейших способов познания всей системы. Собственно, системное исследование начинается по существу лишь тогда, когда именно структура системы становится предметом специального анализа. Выявление структуры общественного объединения как системы относится к специфической теоретической задаче исследования. Именно структура раскрывает упорядоченный, закономерный способ связи элементов системы. Вследствие этого понятие структуры приобретает категориальное значение. Структура системы, таким образом, есть выражение необходимой связи элементов системы со стороны формы и в этом качестве структура есть закон системы. И как закон формы она характеризует момент устойчивости в существовании системы. В то же время она выражает порядок и устойчивость в развитии, сохранение некоторых важнейших свойств и отношений системы при её трансформациях.

Следует отметить, что системный подход в качестве метода исследования любых явлений используется сравнительно недавно. Современные основы системной науки в начале первой половины XX в. заложил А.А. Богданов (Малиновский).¹ Как пишет Д.М. Гвишиани: «...концептуальный аппарат системных исследований имеет ярко выраженную комплексную, интегративную направленность, обусловленную единством познавательных и преобразующих функций. Это единство, составляющее важнейшую особенность системных исследований, заключается в устойчивой ориентации научной деятельности на познание не только и не столько явлений «самих по себе», сколько способов практического

¹ Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2 кн. / отв. ред. Л. И. Абалкин и др. М., 1989.

овладения ими, на изучение сущности комплексных ... проблем вместе с альтернативными путями их решения»¹. Данный подход предполагает рассмотрение предмета исследования как определенной целостности, состоящей из взаимосвязанных между собой элементов². Представление о целостности изучаемой системы, по мнению Э.Г. Юдина, является исходным пунктом всякого системного исследования. Из этого представления естественно вытекают два вывода: во-первых, система может быть понята как нечто целостное лишь в том случае, если в качестве системы противостоит своему окружению – среде. Во-вторых, расчленение системы приводит к понятию элемента³.

Применение системного подхода к познанию общественного объединения как социально-правового явления позволит наиболее точно установить функциональные свойства человека, которые он проявляет во взаимосвязи с другими людьми – элементами общественного объединения как системной целостности, определить его место в структуре юридической личности. Открываются перспективы объяснения природы правосубъектности общественного объединения, основой которой является воля, образуемая человеком. Появляются новые возможности прогнозирования развития системы, выявления наиболее жизнеспособных организационно-правовых форм общественных объединений.

Рассмотрение общественного объединения в качестве системной целостности позволяет под определенным ракурсом исследовать традиционное доктринальное понимание его сущности в качестве юридического лица, объясняемой с позиций «фикционного» или «реалистического» подходов, использовать их для выявления и анализа элементов системы, их функциональной взаимосвязи. И как верно отмечает А.Л. Шигабутдинова «...системный анализ при рассмотрении субъектов права, обеспечивая построение целостной картины объекта, позволит раскрыть механизм придания правосубъектности участникам общественных от-

¹ Гвишиани Д.М. Методологические аспекты системных исследований // Философско-методологические основания системных исследований: системный анализ и системное моделирование. М., 1983. С. 3.

² Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ / отв. ред. А.И. Уемов. М., 1974. С. 18; Акимова Т.А. Теория организации: учеб. пособие для вузов. М., 2003. С. 45.

³ Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978. С. 134–135.

ношений, определить соотношение в нем объективных социальных факторов и субъективной воли законодателя»¹.

В свое время С.Н. Братусь в исследовании сущности юридического лица справедливо предлагал использовать следующую методологию: «обнаружить те предпосылки или элементы, характеризующие коллективное образование, которые в своем единстве определяют признание его юридической личностью»². Именно элементы определяют сам характер связи внутри общественного объединения как системы.

Исходя из общей теории систем, каждая система обладает набором компонентов (элементов)³, которые, мы условно поделим на две группы: инвариантные элементы, то есть элементы, присущие всем подобным системам, и вариативные элементы, которые могут быть уникальными и принадлежать одной или нескольким подобным системам.

Понятие инварианта как величины, остающейся в статичном состоянии при любых внешних преобразованиях, впервые в середине XIX века в научный оборот ввел английский ученый Дж. Дж. Сильвестр⁴. Потенциал инвариантности позволяет исследователю обнаружить в изучаемом явлении универсальные величины, не зависящие от выбора систем отсчета и характеризующие его внутренние свойства. В XX веке инвариантность как модель различных типов отношений между стабильным и мобильным, неизменным и изменяющимся перешагнула границы точных наук и стала общенаучным, общеметодологическим принципом научного познания мира⁵. Важнейшим свойством инвариантов для ученых стала их объек-

¹ Шигабутдинова А.Л. Некоторые аспекты применения системного подхода к исследованию субъектов права // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Том 151, кн. 4. 2009. С. 37.

² См.: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 135.

³ Бертаданфи Л. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем / общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 20.

⁴ Тяпкин А.А., Шибанов А.С. Пуанкаре. Издание 2-е. М., 1982. С. 289. Серия: Жизнь замечательных людей. Выпуск 3.

⁵ В частности, М. Борн писал, что идея инвариантов «является ключом к рациональному понятию реальности, и не только в физике, но и в каждом аспекте мира» (См.: Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 276.); Е. Вигнер указывал на то, что принципы инвариантности дают возможность установить новые корреляции между событиями на основании знания уже установленных корреляций между событиями (См.: Вигнер Е. Симметрия и законы сохранения // Успехи физических наук. 1964. Т. 85. Вып. 4. С. 730–732); А.Д. Урсул определяет инвариантность как «свойство оставаться неизменным при каких-либо изменениях, преобразованиях» (См.: Урсул А.Д. Теоретико-познавательное значение принципа инвариантности // Симметрия, инвариантность, структура: (философские очерки). М., 1967. С. 261).

тивность¹. Сочетая в явлениях различного порядка противоположности неизменного и изменяющегося, стабильного и мобильного инвариант стал диалектической интердисциплинарной категорией, применимой для обоснования универсальности причинности и одновременно выступающей одним из проявлений законов сохранения в природе.

Инвариантность элементов проявляется в их универсальности и неизменяемости относительно структуры, постоянном существовании при любых внешних и внутренних преобразованиях. В структуре общественного объединения такими инвариантами является человеческая воля и цель объединения – основы конституирования субъекта права.

Выявление структуры и закономерностей функционирования ее инвариантных элементов позволяет познать механизм существования общественного объединения в качестве системной целостности в её основных проявлениях, а именно: условия сохранения и поддержания динамического равновесия элементов структуры, условия стабильности системы, механизм структурных кризисов, интеграционные и дезинтеграционные процессы, соотношение сил в системе.

В основе механизма сохранения и развития системной целостности общественного объединения, как и «в основе механизма воспроизводства права лежат две фундаментальные антиномии: 1) действия и структуры; 2) материального и идеального, которые «снимаются» в диалоге как таком взаимодействии, которое предполагает принятие точки зрения другого»².

«Диалог минимально может быть определен как общение, выступающее условием бытия человека»³, а значит и совместного бытия людей в форме общественного объединения. «Диалог – это взаимообусловленность и взаимодополнительность позиции индивида относительно Другого..., [которым]... является конкретный контрагент взаимодействия, как фактический, так и ментально представ-

¹ Манасян А.С. Методологические принципы объективности научного знания и единство науки. Ереван, 1984. С. 275.

² Честнов И.Л. Постклассическая теория права... С. 632.

³ Честнов И.Л. Указ. соч. С. 372.

ленный...»¹. Он «...может быть носителем личностных характеристик и/или безличностных признаков социально значимого другого. Взаимообусловленность и взаимодополнительность осуществляются чрез систему знаков и кодов коммуникации, опосредующих любое социокультурное явление и процесс»². «Содержание диалога – конкретные дискурсивные практики, которыми воспроизводятся сконструированные (и переконструируются) социальные статусы и реализуются потребности людей во взаимодействии, координации усилий»³.

С позиции диалогичности как антрополого-правового метода может быть объяснен процесс формирования и изъявления воли общественного объединения. В дальнейшем будет доказываться, что диалог имеет место между участниками общего собрания, съезда, конференции, являющихся единственным источником воли общественных объединений, между ними и лицами, осуществляющими функции единоличного исполнительного органа общественного объединения. При этом такой диалог обусловлен целью деятельности общественного объединения, с которой должны соотноситься любые действия (воли) лиц, входящих в его структуру, или иных лиц, способствующих реализации его правосубъектности (например, представителей).

«Диалогичность структуры ... [, в том числе и структуры юридической личности общественного объединения] ... состоит в том, что в ней присутствует соотношенность поведения конкретного индивида с ментальным образом этой структуры (моделью) как в мыслительной сфере (внутренний диалог), так и фактических действиях (внешний аспект диалога). При этом диалогичность (а не монологичность) такой структуры состоит в том, что она (институт) признается широкими слоями населения (является легитимной) и поддерживается систематически повторяющимся их поведением»⁴.

¹ Честнов И.Л. Там же. С. 373.

² Честнов И.Л. Там же. С. 373.

³ Честнов И.Л. Диалогическая методология юридической науки // Вестник МГПУ. Журнал Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2016. № 1 (21). С. 50.

⁴ Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания): дис. ... д-ра. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002. С. 297.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что антрополого-правовой подход в целях познания сущности общественного объединения в его «человеческом измерении» является имманентно диалогичным, направленным на изучение взаимодействия, взаимообусловленности и взаимоперехода противоположных сторон его системной целостности (в частности, единичной воли человека в их общую волю, обретающую качество индивидуальной воли общественного объединения; динамичность процесса образования такой воли и статичность нормативно-правового регулирования порядка ее образования; ее имманентность и трансцендентность), а также аналогичных диалогических отношений общественного объединения и однопорядковых ему явлений (юридических лиц, не относящихся в силу закона к общественным объединениям) и во взаимоотношении с метасистемой относительно него (государством).

Антрополого-правовая методология способствует углубленному исследованию взаимообусловленности человека (частного, элемента) и общественного объединения (общего, системы), при которой человек сохраняет свою идентичность и способствует сохранению и развитию системной целостности юридической личности.

Кроме того, правовая антропология позволяет переоценить и адаптировать существующие взгляды на сущность юридического лица в целях познания природы правосубъектности общественных объединений, найти в них точки соприкосновения и изучить многомерность этого субъекта права, существующего в социальной реальности и представляющего собой форму юридического бытия человека. В итоге это способствует гуманизации юридической науки в целом и отдельных ее направлений (гражданского, конституционного, налогового права и др.) в частности.

1.2. Общественное объединение как естественно-правовая форма организации коллективной жизни человека

Антрополого-правовое познание природы общественного объединения невозможно без обращения к истории развития данного института¹, который мы начнем с антропологической реконструкции древнейших форм коллективной человеческой деятельности, впоследствии облеченных в устойчивые правовые формы первых общественных объединений. Это позволит выявить логику совместного существования человеческих общностей на любых этапах их эволюции. «Для юриста-антрополога интересна в этой связи методология социальной реконструкции (так называемая методика палеосоциологических реконструкций) развития первобытного общества»².

Многие современные правовые институты не могли быть смоделированы и приведены в жизнь позитивным правом, которое на определенном историческом отрезке фиксировало уже сложившиеся в общественной жизни устойчивые явления. Возможно, так было и с общественным объединением, в том числе являющимся юридическим лицом, которое, как известно, получило свое правовое оформление в древнем Риме³.

Однако до появления Римского или какого бы то ни было другого государства истории уже были известны устойчивые, естественные (природные) формы организации совместной деятельности людей, направленные на удовлетворение их важнейших жизненных потребностей. Об этом свидетельствуют множество теорий происхождения государства⁴. Ведь каким бы образом ни появился человек на нашей планете, он появился не один. Люди всегда образуют между собой бо-

¹ На неразрывную связь антропологии с историей обращают внимание многие ученые. См., например: Уайт Л. Эволюция культуры. Развитие цивилизации до падения Рима // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М., 2004. С. 47–50.

² Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. М., 2002. С. 93.

³ См.: Ченцов Н.В. Римское частное право: учебное пособие. Тверь, 1995. С. 26; Римское частное право: учебник для бакалавров и магистров / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 2015. С. 140–148.

⁴ Подробнее об этом см.: Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997; Мухаев Р.Т. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 2001; Общая теории права и государства: учебник / под ред. Лазарева В.В. М., 2001; Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 2003.

лее-менее прочные объединения – конкретные социальные общности, вне которых они не могут существовать.

Аристотель в своих работах рассматривал человека как «существо общественное»¹, относя его по образу жизни и действий к «общественным животным», которые живут не разбросанно, а вместе, выполняя определенную функцию в животном коллективе². Эту мысль развил шотландский мыслитель А. Фергюсон, написав, что «человечество, следует рассматривать в группах, в которых оно всегда существовало. История отдельного человека – лишь единичное проявление чувств и мыслей, приобретенных им в связи с его родом, и каждое исследование, относящееся к этому предмету, должно исходить из целых обществ, а не отдельных людей»³. Природу человека как общественного существа, которую можно развить только в обществе, исследовали в своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс⁴.

Человеку первоначально свойственны два инстинкта: инстинкт самосохранения и инстинкт продолжения рода, которые предопределили необходимость сплочения индивидов в устойчивые группы⁵. Одной из первых форм такого объединения стала раннепервобытная община⁶, представляющая собой замкнутую и самодостаточную группу, в которой все члены были равны в своих правах и обязанностях, а различия между сородичами носили естественный характер и были связаны с полом и возрастом⁷.

Раннепервобытная община была не просто совокупностью индивидов, а целостным организмом, деятельность которого упорядочивалась первичными социальными нормами. Профессор С.А. Дробышевский, изучив работы Р.Х. Лоуи, И.А. Хобсля, М. Глукмэна, Л.Д. Поспишила, А.Н. Вачуку и их последователей,

¹ Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 379.

² См.: Аристотель. История животных / пер. В. П. Карпова под ред. Б. А. Старостина. М., 1996. С. 74.

³ Ferguson A. An Essay in the History of Civil Society. Edinburgh. 1767. P. 24.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения: в 39 т. Т. 2. М., 1955. С. 145–146.

⁵ Американский антрополог Э.А. Гобель по этому поводу писал, что «человеческие общества с самого начала встали перед проблемой поддержания мира и внутренней гармонии, более того – проблемой самосохранения себя и индивида». См.: Hoesel E. A. The Law of Primitive Man. Cambridge, 1954. P. 329–330.

⁶ По утверждению В. Р. Кабо «первобытная община – это естественно сложившийся коллектив, который возник одновременно с возникновением самого человеческого общества, с возникновением производства, это форма организации совместного хозяйства первобытного общества». Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 5.

⁷ См.: Мухаев Р.Т. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 2001. С. 34.

отметил, что они «...содержат множество конкретных фактических данных о наличии во всяком нецивилизованном общественном организме, реализующем совокупность нужд своих членов, общеобязательных для последних институциональных социальных норм, а также обеспечивающих их функционирование органов управления...»¹.

Подтверждение этому мы находим в работах профессора Л.А. Морозовой, которая, изучая происхождение государства, описывает следующим образом организацию управления первобытной общины. «На первом этапе первобытного общества управление в общине строилось на началах естественного самоуправления, т. е. той формы, которая соответствовала уровню развития человека. Власть носила общественный характер, поскольку исходила от общины, которая сама формировала органы самоуправления. Община в целом была источником власти, и ее члены непосредственно осуществляли всю полноту последней.

В первобытной общине существовали следующие институты власти: а) лидер (предводитель, вождь); б) совет старейшин; в) общее собрание всех взрослых членов общины, которое решало наиболее важные вопросы жизни.

В первобытном обществе существовали выборность и сменяемость первых двух институтов власти, т. е. лица, входящие в эти институты, могли быть смещены общиной и осуществляли свои функции под контролем общины. Совет старейшин формировался также путем выборов из числа наиболее уважаемых членов общины, по их личным качествам»². Формирование общей воли достигалось согласованием индивидуальных мнений и носило анонимный характер, т. е. осуществлялось всеми членами рода³.

«Первичные социальные нормы закрепляли структуру (распределение ролей)...[групп, осуществляющих власть в общине]..., обеспечивали их воспроизводство и конкуренцию с другими группами, а также адаптацию к природным условиям. Для них же было характерно резкое противопоставление «мы» – «они»,

¹ Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск, 1995. С. 74.

² Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 29.

³ См.: Мухаев Р.Т. Указ. соч. С. 38.

то есть обеспечение конкурентоспособности в основном с другими представителями гоминид – палеантропами (неандертальцами). Именно в борьбе с ними наши предки – неантропы (кроманьонцы) совершенствовались как технические, так и социальные нормы, обеспечивающие сплоченность, коллективизм»¹.

Членов общины также объединял процесс распределения созданного обществом продукта, который опосредовал отношения собственности, которая «была основным «социализирующим» фактором»².

Сам процесс потребления каждым общинником своей доли материальных благ происходил при участии всей общины и под ее контролем, что свидетельствовало о его коллективном характере³. О том, что коллективность является изначальной характеристикой, ставшей необходимым и важнейшим фактором формирования человеческой деятельности, писал еще К. Маркс⁴. Человек сформировался как общественное животное и не способен самостоятельно обеспечивать свою жизнь. Человек нуждался и нуждается во взаимодействии с другими людьми в той же мере, в какой он нуждается в продуктах питания или создающих их средствах труда. Коллективный характер деятельности свойственен человеку от природы. Как указывал К. Маркс «этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства, был, разумеется, результатом слабости отдельной личности»⁵.

Совместный труд, несмотря на неразвитость орудий труда и низкой производительной способности людей, вносил в общность элементы производственной организации, устойчивости и сплоченности. Организационная упорядоченность была основана на общности интересов и целей, среди которых главенствующей была инстинктивная цель выжить. Целостность общности поддерживали социальные нормы.

¹ Честнов И.Л. Постклассическая теория права... С. 259.

² Ковлер А. И. Указ. соч. С. 109.

³ См.: Румянцев А. М. Первобытный способ производства. 2-е изд. М., 1987. С. 24–182.

⁴ См.: Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 48.

⁵ К. Маркс. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич. К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2. Т. 19. С. 404.

Именно целевая связь членов общины формируют в ней системную целостность, становясь ее структурными элементами¹.

Уже в древнейшие времена общность можно было индивидуализировать. Каждый из членов первобытной общности мог определить кто свой, а кто чужой, то есть член другой общности. На неравнозначность ценности соплеменника и чужака в первобытном обществе указывал профессор М.М. Ковалевский². Отличия одной общности от другой, к примеру, проявлялись в дуально-родовой организации, когда индивиды, сами по себе взятые, не состояли в браке, браком были связаны лишь две группы, два рода. Члены родов, составлявших дуальную организацию, жили раздельно. Каждый из родов был самостоятельным социальным организмом, первобытной общины³.

На определенном этапе дальнейшее возрастание объективного социально-экономического единства раннепервобытной общины стало осознаваться ее членами, и первой формой такого осознания был тотемизм⁴. В тотемизме в наглядной форме выражалось внутреннее тождество всех членов, составляющих первобытное объединение, в то же время их отличие от членов всех других человеческих групп⁵. «Каждая община носит имя своего тотема»⁶. В этой связи профессор С.А. Дробышевский делает справедливый вывод о том, что тотемизм в догосударственном обществе приводит к убеждению, что оно состоит только из родных друг другу людей⁷.

С момента появления излишков в производстве возникла реальная возможность использования членами коллектива, созданного в нем продукта не только для физического потребления, но и для иных целей, в частности для дарения чле-

¹ Ковлер А.И. подчеркивает, что «достижению высокой степени сплоченности такой общины способствует полная интеграция индивида в ее структуру, воспринимаемая им же как естественная необходимость» (Ковлер А.И. Указ соч. С. 138).

² Ковалевский М.М. Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии. Сб. 4. СПб., 1913. С. 90.

³ См.: Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 165.

⁴ См.: Shapiro W. Residential Grouping in Northeast Arnhem Land // Man. 1973. Vol. 8. № 3.

⁵ См.: Человек и общество. Кн. 1 / под ред. В.И. Купцова. М., 1993. С. 182–183.

⁶ Честнов И.Л. Постклассическая теория права... С. 252.

⁷ См.: Дробышевский С.А. Об идеях для обеспечения сплоченности догосударственного политически организованного общества // История государства и права. 2015. № 21. С. 13–18.

нам других общин. Так возникла первая форма обмена – дарообмен. В большинстве случаев он происходил между членами разных общин¹.

Зафиксировать у общности наличие отличительных идентификационных признаков можно, выделив и сравнив средства индивидуализации индивида и общности. При этом нельзя согласиться с мнением, что в условиях первобытно-общинного строя индивид еще не выделял себя из социального целого². «Уже в общинах низших охотников-собирателей люди связывали понятие человеческого достоинства с неотчуждаемым личным правом на имя»³. Л.Д. Поспишил в своем фундаментальном труде «Антропология права», обратил внимание на наличие в некоторых локальных группах эскимосов наказания, связанного с присвоением виновному унижающего имени и «каждый раз, когда использовалось унижающее имя, вору публичным и позорящим способом напоминалось о его преступлении»⁴.

Помимо имен у некоторых древних людей можно было наблюдать индивидуальный статус (вождя, жреца, шамана и т. п.). Профессор Т. К. Примак отмечает, что «... индивидуальность выражается в языке, коммуникации, ограничении себя от других людей и в тоже время – соотношения себя с ними. Этот процесс включает, с одной стороны, отношение индивида к сообществу, семье, роду, обществу в целом, с другой – осознания собственной идентичности, что происходит вместе с обозначением «предметов» и имеет как внутренне-субъективную, так и внешне-поведенческую сторону»⁵.

Противопоставление общины и человека мы наблюдаем при наказании последнего за нарушение мононорм, регулировавших общинную жизнь (например, обычаев (табу)). Знаменитый русский социолог и этнограф М.М. Ковалевский, исследуя доклассовое общество, писал: «тот, кто нарушает обычаи, тем самым

¹ См.: Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества. М., 1982. С. 141; Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984. С. 373; Массон В.М. Обмен и торговля в первобытную эпоху // Вопросы истории. 1973. № 1. С. 79; Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л.Е. Куббеля / отв. ред. В.А. Попов. М., 1993. С. 40–70.

² См.: Диденко Н. Г. Право и свобода // Правоведение. 2001. № 3. С. 15.

³ Дробышевский С.А., Протопопова Т.В. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве: монография. Красноярск, 2009. С. 8.

⁴ Pospisil L. J. Anthropology of Law. A Comparative Theory. N. Y. etc.: Harper and Row, 1971. P. 95.

⁵ Примак Т. К. Антрополого-правовое исследование договора: историческая ретроспектива и современное состояние: монография. М., 2008. С. 38.

обнаруживает злую волю по отношению к сородичам и должен быть поэтому извергнут из своей среды»¹.

«В тоже время индивидуальное и коллективное существуют только во взаимосвязи, поэтому принято считать, что если общество не погибает в результате конфликтов, то устанавливается приемлемый баланс между частным и общественным»². К такому выводу в свое время пришел Б. Мур, «... анализируя исторический опыт нахождения приемлемого баланса между частным и общественным у эскимосов и индейских племен, в сельской общине традиционных обществ и в Афинах IV в до н. э., в древнем Израиле и Китае между VI в. и III в. до н. э.»³.

Таким образом, выделившись из многообразия природных явлений, раннепервобытная община предстает перед нами в качестве обособленной формы организации индивидов в системную целостность, которую можно идентифицировать. Элементами системы стали люди, вырабатывающие и изъясняющие общую волю по определенным правилам и в общественно-полезных целях.

Можно предположить, что социальная эволюция межличностной коммуникации внутри данной системы на определенном этапе истории привела к появлению права и первых правовых сообществ⁴. Видимо поэтому Э. Дюркгейм определял право, как «непроизвольный феномен, возникающий из объединения людей в группы, для которых характерно определенное постоянство и устойчивость»⁵. Т. К. Примак, проанализировав отношения в архаичных примитивных обществах, пришла к выводу, что «согласованное взаимодействие приводит к формированию институтов, которые являются одновременно нормативными условиями возможности фактического сосуществования людей, преобразуя их взаимодействие в определенные структурные образования»⁶. Одно из таких структурных образований, основанное на коммуникативной взаимосвязи индивидов, вполне могло со

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 90.

² Примак Т. К. Указ. соч. С. 39.

³ Цит. по: Миронов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // Социс, 2004. № 10. С. 60.

⁴ С точки зрения антропологической коммуникативной парадигмы право есть феномен человеческих коммуникаций, т. е. тех взаимодействий между людьми, которые получают специфический текстуальный смысл, позволяющий отличать право от других социальных явлений (Поляков А. В. Коммуникативно-феноменологическая концепция права // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013. С. 95).

⁵ Цит. по: Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. М., 2000. С. 274–275.

⁶ Примак Т. К. Институт договора: теоретико-правовые вопросы: Монография. М., 2008. С. 62–63.

временем обрести качества субъекта права – общественного объединения, в том числе являющегося юридическим лицом.

Рассматривая право как явление социальной эволюции, С.А. Дробышевский, указывает на то, что «политическая организация общества и право – явления всей человеческой истории вплоть до современности, а не только развитых форм общественной жизни»¹. Схожей точки зрения придерживается С.И. Архипов, утверждая, что «право в своем историческом развитии [...] проходит три главные ступени (стадии), каждой из которых соответствует свой особый состав правовых субъектов и особый характер их взаимосвязей. Первая ступень – это дополитическое (догосударственное) право, здесь главные субъекты – род, племя. Человек на данной ступени еще не выделяется, не обособляется в качестве правового лица, он есть часть социально-правовой тотальности и не мыслит себя вне ее; он – принадлежность рода, племени. [...] Вторая ступень правового развития – это политическое, государственное право. Здесь на первое место в качестве главного действующего правового лица, своего рода суперсубъекта права выходит государство, которое заслоняет собою общество и личность. [...] Право третьей ступени – это право «суверенной», свободной личности, право человека. Ему должен соответствовать другой тип коммуникации, основанный не на идее господства силы, а на идее разумной организации общества, соединения общего начала с индивидуальным»².

Таким образом, каждому этапу эволюции права соответствует свой тип межличностной коммуникации в формах коллективного бытия человека.

Первый тип человеческой коммуникации в форме раннепервобытной общины со временем³ сменяет второй тип, при котором главенствующей формой общественной коммуникации становится государство – один из первых коллектив-

¹ Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб., 1994. С. 17.

² См.: Архипов С.И. Указ. соч. С. 20–23.

³ В данном случае мы придерживаемся следующей периодизации истории развития первобытной общины: 1) до возникновения первобытной родовой общины (первобытное человеческое стадо или «праобщина»); 2) эпоха первобытной родовой общины, в рамках которой выделяют раннепервобытный и позднепервобытный этапы; 3) первобытная соседская (протокрестьянская) община (Бромлей Ю. В. (отв. ред.) История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 19.)

ных субъектов права. При этом общественные объединения стали олицетворять допустимую государством степень свободы индивидов, реализующих свое право на объединение.

Естественная природа данного права позволяет говорить о том, что прообразом общественного объединения является раннепервобытная община, которая при этом обладала самобытными чертами. Прежде всего, ее создание не зависело от чьей-то воли и стало результатом эволюции человека. Общинная форма является формой объективного существования индивидов, преследующая главную их цель – выживание.

На этом этапе она стала первой обособленной формой организации индивидов в целостность, выделившись из многообразия природных явлений, как самодостаточная система, способная формировать и изъявлять волю по определенным правилам в соответствии с заданной целью¹. «В этих условиях..., [пишет профессор В.Л. Гавель] ..., первой и основной целью людей было желание добиться освобождения от господства естественных факторов ... вследствие деиндивидуализации гармонии с естеством, гармонии рода...»².

Дальнейшее усложнение социальной сферы человеческого бытия привело к появлению государства, которое в большей или меньшей степени подвергло естественные коллективные образования нормативной регуляции. При этом, как отмечает профессор И.Л. Честнов «все эти процессы сопровождаются изменением нормативной системы общества. Общая тенденция связана с дифференциацией норм: постепенно отделяются религия, моральные нормы и законодательство»³. В этих условиях происходит обособление (выделение) одних коллективных форм человеческого существования от других. Это проявляется в особенностях регулирования внутренней деятельности, в том числе связанной с образованием и изъявлением коллективной воли. Меняется характер и способ образования цели коллективного бытия: с природной (инстинктивной), обеспечивающей выживание, на

¹ См.: Функ Я.И., Михальченко В.А., Хвалеи В.В. Акционерное общество: история и теория (Диалектика свободы). Минск, 1999. С. 62.

² Гавель В.Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека. Волгоград, 1998. С. 30.

³ Честнов И.Л. Указ. соч. С. 272.

искусственную, формируемую самими людьми в целях поддержания и развития их общности. Выделяются три относительно самостоятельных сферы жизнедеятельности, в то же время не имеющих жестких границ (взаимосвязанных и взаимообусловленных): религиозная, морально-нравственная и правовая. И в каждой из этих сфер формируется определенная форма коллективного человеческого бытия, коллективный субъект.

В религиозной сфере на первый план в качестве коллективного субъекта (воли) выходят различного рода жреческие коллегии. Морально-нравственную сферу долгое время олицетворяли общины. В правовой сфере привилегированное положение среди других коллективных субъектов занимает государство. И каждый из указанных коллективных субъектов мог стать прототипом общественного объединения как субъекта права.

К такому выводу можно прийти в результате историко-культурного анализа становления и развития первых форм ранней государственности и права, складывающихся в разных локальных цивилизациях. Рассмотрим становление коллективных субъектов права в условиях древневосточного и античного право-политогенеза.

Общим в историческом развитии коллективных субъектов в Древнем мире стало появление полисов. Профессор Ю.В. Андреев по этому поводу писал: «безусловно, между такими типичными полисами, как Афины, Спарта, Милет, Коринф, Рим, с одной стороны, и городскими общинами древнего Шумера, Ассирии, Вавилонии, Сирии и Финикии, с другой – существует известное типологическое сходство, выражающееся, например, в общей для них тенденции к автономии и автаркии»¹. Система общинного самоуправления в городах-государствах Запада и Востока на раннем этапе их развития включала в себя чаще всего три базовых элемента: народное собрание, совет старейшин и общинных магистратов или вождей².

¹ Андреев Ю.В. Античный полис и восточные города-государства // Античный полис. Межвузовский сборник / отв. редактор проф. Э.Д. Фролов. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1979. С. 9.

² Андреев Ю.В. Там же. С. 9.

Особенность, выделявшая города-государства Древнего Востока, заключалась в определяющем влиянии храмов на хозяйственную жизнь общины. Храмовая администрация следила за распределением материальных ресурсов среди свободных общинников и контролировала их целевое использование¹. В любом восточном городе храм был крупнейшим земельным собственником и активно участвовал в торговле и кредитных операциях². При этом ведущее место в регулировании отношений внутри храма и общины Древнего востока занимала религия и моральный авторитет жречества, «...позднее, по мере формирования государственного аппарата, перенесенный также на царя и его ближайшее окружение»³.

Храмовый комплекс можно считать коллективным субъектом, воля которого формировалась в результате коммуникации (диалога) между представителями храмового персонала, в том числе жреческой аристократии и объективировалась по религиозным правилам в хозяйственных и религиозных целях. Уже на этом этапе происходит взаимопроникновение экономической и религиозной сфер деятельности данных коллективных субъектов права. При этом с одной стороны они обладают признаками общественного некоммерческого формирования, с другой – коммерческого юридического лица как активного участника хозяйственных отношений, связанных с извлечением прибыли. Однако фундаментальной основой существования этих формирований была и остается религия, сплачивающая вокруг себя разрозненных людей в единую системную целостность.

Другим коллективным субъектом Древнего востока была сельская община, сохранившая структуру управления раннепервобытной общины. Профессор И.М. Дьяконов утверждал, что «община может являться гражданским коллективом, обеспечивающим права свои членов, – прежде всего, права на участие в управлении общиной, на взаимопомощь и на владение землей... Необходимым

¹ Подробнее об устройстве храмового хозяйства на материалах Шумера см.: Тюменев А.И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М., 1956. С. 66; и т. д.

² Подробнее о храмовом хозяйстве Нового Вавилона см.: Белявский В.А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971. С. 108; и т. д.

³ Андреев Ю.В. Указ. соч. С. 11.

условием членства в общине является исполнение обязанностей общинника в вид участия в общественных работах и повинностях, в уплате налогов и т. п.»¹.

По справедливому утверждению В.С. Зобнина и С.В. Орловой «...община представляла собой важнейшую ячейку социальной структуры, которая выступала «нравственным фундаментом» общества. Это проявлялось... в двух аспектах. С одной стороны, община была носителем нравственных ценностей («нравственным ориентиром»). Если лицо не соответствовало ценностным представлениям общинников, оно изгонялось, т. е. общиной производилась оценка лица, и ценности, носителем которых выступала община, являлись критериями оценки. Самостоятельный выход из общины свидетельствовал об отказе от ценностей и, следовательно, безнравственности лица. Иными словами, община в данном случае выражает образ надлежащего поведения, ориентир.

С другой стороны, община передавала и охраняла внутри себя сложившиеся устои. Она выступала «гарантом нравственности», т. е. субъектом общественных отношений, который обеспечивает сохранение и передачу будущим поколениям ценностных ориентиров. Именно для охраны ценностей лицо, обесчестившее себя аморальным поведением, изгонялось из общины»².

«В Древнем Китае, например, основой социальной жизни в течение длительного времени были патронимии (цзун), которые объединяли несколько сотен (до тысячи и более) семей, принадлежавших к одной родственной группе. Структура замкнутых сельских общин с натуральным характером производства... составляла основу социальной жизни в Древней Индии»³.

На начальном этапе своего существования «... община сама выполняет государственные функции..., однако позднее в связи с развитием царской власти ситуация усложняется. Стремясь к объединению страны, цари (с их аппаратом управления и с иными связанными с ними органами) пытаются эмансипироваться от

¹ Дьяконов И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // Вестник древней истории. 1963. № 1. С. 20.

² Зобнин В.С., Орлова С.В. Социально-правовая роль общины в обществе Древнего Вавилона // Концепт. 2015. № 08 (август). ART 15280. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15280.htm>.

³ История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. М., 2004. С. 14.

городских общин, их породивших. Отсюда – непрерывная борьба между царями и городскими общинами. Итогом её становится определённый компромисс. Цари создают централизованное государство, а позднее даже империи, взамен признавая за городскими общинами определённые привилегии и льготы»¹. Однако «дальнейший ход событий приводит к полному извращению первоначально существовавших отношений. Непомерно разросшийся государственный сектор не только подчиняет себе общину экономически и политически, но и начинает эксплуатировать ее в своих интересах»². Как отмечает профессор Т. П. Евсеенко «...государству удаётся выхолостить гражданские права общинников, сделать их формальными и тем самым подготовить ликвидацию свободного гражданства»³.

В таком виде община предстает перед нами в качестве коллективного субъекта права (социальной корпорации), образованном «свободными» общинниками, формирующих и выражающих свою волю в направлении, указанном государством. По мнению профессора Л.С. Васильева «...социальные корпорации были в интересах не только создавшего и усилившего их значимость общества, но также и государства, ибо они являли собой удобный рычаг для управления разросшейся социально-политической структурой. Чиновнику не было нужды вникать во внутренние дела каждой деревни, касты, цеха или секты – ему было достаточно наладить контакт с руководителем корпорации и через него управлять ею. По отношению же к обществу в целом и к государству каждая из корпораций (а их было немало, сферы их влияния могли пересекаться и совпадать, а человек мог принадлежать параллельно нескольким из них – клану, общине, секте) являла собой автономную ячейку, обладавшую известным самоуправлением»⁴. А.Л. Шигабутдинова по этому поводу пишет: «...поглотив породившее его общество и превратившись в самодовлеющую силу, древневосточное государство обрело собственные интересы, лежащие в основе правового регулирования социальных процес-

¹ Евсеенко Т. П. К вопросу о гражданской общине в древнем мире // Античная древность и средние века. Вып. 34: материалы XI Международных научных Сюзумовских чтений (Екатеринбург, 26–28 марта 2003 г.). Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2003. С. 11.

² Андреев Ю.В. Указ. соч. С. 12.

³ Евсеенко Т. П. Там же. С. 11.

⁴ Васильев Л.С. История Востока: в 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 135.

сов. В этой связи включение отдельных лиц или коллективных образований в систему субъектов права на Древнем Востоке определялось в конечном счете государственным интересом как единственно возможным субъективным фактором при данном общественном строе»¹.

В таких условиях были утрачены все завоевания первобытной демократии, которые по началу восточные города-государства унаследовали от предшествующих им территориально-племенным общинам. Воля народа как источника воли государства подменяется волей обособленных олигархических групп и в результате появляется один из самых одиозных режимов – восточная деспотия.

Тотальное влияние государств Древнего Востока на все стороны общественной жизни на длительное время подавило свободное развитие и возникновение новых форм коллективного бытия человека на основе свободной коммуникации и диалогичности, которая является неотъемлемым условием существования общественных объединений.

Совсем по другому пути развивается античная цивилизация. После крушения микенской цивилизации, двигавшейся в направлении восточной деспотии, «...греки были предоставлены самим себе, не испытывали никаких влияний извне и могли сами без чьей-либо подсказки выбрать тот путь развития, который наиболее соответствовал местным историческим и географическим условиям»². «На смену централизованным государствам микенской эпохи пришли мелкие разрозненные общины в масштабе деревни или родового поселка, которые на длительное время стали единственной формой человеческого общежития на всей территории Балканской Греции и островов Эгейского моря. В некоторых местах эти общины, как правило, группировавшиеся вокруг какого-нибудь почитаемого святилища, образовывали какое-то подобие аморфно племенного сообщества...»³.

Этот момент и предопределил формирование свободной межличностной диалогичной коммуникации, став основой для оформления таких коллективных

¹ Шигабутдинова А.Л. Правосубъектность общины Древнего Востока: некоторые историко-правовые аспекты // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 51–52.

² Андреев Ю.В. Указ. соч. С. 20.

³ Андреев Ю.В. Указ. соч. С. 12.

субъектов права как: жреческие коллегии и города-государства (античные полисы)¹.

Как пишет И.П. Грешников, жреческие коллегии образовались задолго до того, как сложилось римское общество, появилось государство и оформилось право, став прообразами общественных организаций. Именно они послужили ядром, вокруг которого из рядовых общин сформировался народ Рима как субъект и гражданское общество, а из сакральных таинств понтификов возникло само право².

В Риме, как представляется, изначально складываются религиозные коллегии двух видов. Первые составляли административно-правовую структуру государства и участвовали в светской общественной жизни древнеримской *civitas*, выполняя ряд магистратских (государственных) обязанностей (авгуры, арвальские братья, весталки, гаруспики, луперки, понтифики, салии, фециалы)³. Вторые, которые мы относим к общественным (частным) объединениям, почитали определенное божество, не входившее в официальный государственный пантеон (*sodalitates*, *collegia sodalicia*). «По свидетельству Гая законы XII таблиц даже предоставили союзам с религиозными целями право вырабатывать для себя уставы, лишь бы они не противоречили закону»⁴. Впоследствии частные религиозные союзы стали клубами для общественного развлечения, а в конце республиканского времени сделались политическими клубами для поддержания кандидатуры того или иного лица, хорошо оплатившего эту поддержку. Вследствие этого религиозные союзы стали источником смут и опасностей для правительства, которое их запретило⁵.

Так,

«...в 56 году издается сенатусконсульт против (*Sodalitales*) частных религиозных

¹ Полис (греч. polis – город, государство; лат. эквивалент – *civitas*) – гражданская община.

² См.: Грешников И.П. Субъекты гражданского права. СПб., 2002. С. 16–17.

³ См.: История религии: учебник: в 2 т. Т. 1 / В.В. Винокуров, А. П. Забияко, З. Г. Лапина и др.; под общей ред. И.Н. Яблокова. М., 2004. С. 200–206.

⁴ Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 140. (607 с.)

⁵ См.: Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. С. 41–43, 198–201.

союзов, а Юлий Цезарь распускает все коллегии, кроме существующих с древних времен¹.

Другой коллективной формой свободной межличностной диалогичной коммуникации (коллективными субъектами права) стали города-государства (античные полисы). «Полис представляет собой не просто высшую и единственно возможную форму общения людей, но и предполагает общность разнообразных людей, ибо одинаковые не могут составить общество»².

Подтверждение этому мы находим в работах профессора Ю.В. Андреева, писавшего, что «...на первый план во внутренней жизни полиса выдвигаются такие органы народного волеизъявления, как народное собрание, суд присяжных, демократический совет и другие учреждения, вытеснившие управленческий аппарат старой аристократической республики. Коллективная воля граждан, выраженная путем открытого голосования в народном собрании, приобретает силу обязательного для всех закона, в чем находит свое выражение один из краеугольных принципов полисной идеологии – принцип подчинения меньшинства большинству, личности коллективу. В результате ... гражданская община практически сливается с государством и уподобляет его себе...»³. В древневосточной цивилизации мы видим обратный процесс отчуждения общины от государства, поставившего преграду на развитии свободной коммуникации между людьми в правовых формах их совместного (коллективного) бытия.

Полис, состоящий из свободных граждан, как коллективный субъект права стал той основой, на которой в дальнейшем развились эллинистические монархии Востока, а впоследствии Римская империя.

Неразрывная связь полиса (формы) и составляющих источник его воли граждан (содержание) дает основание предполагать, что на ранних этапах своего становления Римское государство и народ Рима представляли собой единый коллективный субъект, источником правовой воли которого являлся римский народ

¹ Ельяшевич В.Б. Союзы республиканского Рима // Избранные труды о юридических лицах, объектах гражданских правоотношений и организации их оборота. М., 2007. Т. I. С. 308.

² Козлихин И.Ю. Избранные труды. СПб., 2012. С. 11.

³ Андреев Ю.В. Там же. С. 24.

(*Populus Romanus*), определяющий принципы своего внешнего функционирования посредством институтов публичного правопорядка (*rei publicae*)¹. Государство, таким образом, олицетворяло внешнюю суть субъекта, его «общественные дела» (*res publicae*), «под чем понимались порядок организации структуры, властвующей в интересах всех, определения ее полномочий – в целом и по частям, реализации этих полномочий, включая и принудительные»². Внутреннюю суть составлял римский народ – единственный источник права. Недаром Г. Гроций определял сущность государства как «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы»³. П.Е. Соколовский полагал, что государство следует считать тем древнейшим и первоначальным юридическим субъектом, по примеру которого образовались все другие союзные формации как юридические лица⁴.

Одной из его репродукций, возможно, было и общественное объединение – коллективный субъект права, создаваемый свободным волеизъявлением граждан и определяющий их совместное правовое бытие. Такие объединения стали альтернативой государственным объединениям, в которых граждане служили государству. При этом римские граждане весьма свободно и естественно могли формировать свое правовое бытие, как индивидуальное, так и коллективное, как в сфере государственного управления, так и в частной жизни.

Длительное время образование указанных социально-правовых форм коллективного человеческого бытия как субъектов права не требовало специального разрешения государства, до тех пор, пока последнее не увидело в них угрозы своему существованию. Возможно, это было связано с тем, что по прошествии времени внешняя суть, которую олицетворяли институты власти Римского государства (*rei publicae*), затмила внутреннюю суть (римский народ как источник всего

¹ См.: Артеменков, В.К. Антрополого-правовое познание сущности юридического лица // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 212.

² См.: Омельченко О.А. Римское право: учебник. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 2000. С. 23.

³ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 74.

⁴ См.: Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 33.

правового), исключив *Populus Romanus* из субъектов права, а само право, подчинив интересам «избранных», безмерно опасавшихся за свое благосостояние¹.

И.Б. Новицкий, анализируя причины упразднения свободного порядка образования коллегий, просуществовавшего до конца Римской республики, обратил внимание, что с переходом к монархии такой порядок стал возбуждать подозрение со стороны принцепсов и оказался политически неприемлемым². В результате, как указывает Ж.П. Вальтцинг, на свет появился закон императора Августа *Lex julia de collegiis*, обязательный для всех ассоциаций Рима, Италии и провинций³. Данный закон предусматривал, что «...ни одна корпорация не могла возникнуть (с юридическим ее признанием) без предварительного разрешения сената и санкции императора (так называемая разрешительная система)»⁴. Без него коллегия считалась недозволенной (*illicitum*) и принадлежность к ней сурово каралась.

Однако, «...когда императоры поставили их под жесткий государственный контроль, этот контроль столкнулся с неодолимой традицией, с вековыми привычками народной жизни и никогда не смог стать полным, а необходимость его — очевидной и общепризнанной. Содружества, кружки, застольные компании были столь обильны, возникали столь повсеместно, что провести границу между ними и сообществами с относительно устойчивой организацией, требовавшими поэтому официального статуса, было сплошь да рядом невозможно. На этой неясной грани долгое время просуществовали, например, раннехристианские общины, которые имели совместные трапезы, свое руководство, практику материальной взаимопомощи...»⁵.

В результате когда-то общее для всех право на объединение, восходящее к традициям гражданской общины и к клиентеле, при империи меняет свой характер, становясь компенсацией распавшейся в новых условиях общинной солидар-

¹ Подобный процесс мы наблюдали в государствах Древнего Востока, о чем писали выше.

² См.: Новицкий И.Б. Римское право: учебник. М.: Гуманитарное знание; ТЕИС, 2002. С. 75.

³ Waltzing J.P. Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains. Louvain, 1895. Vol. 1. PP. 115–116.

⁴ Новицкий И.Б. Там же. С. 75.

⁵ Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история. М., 2006. С. 522–523.

ности, о чем писал в своей докторской диссертации Э. Чизек¹. Эти процессы привели к появлению двух сильно разнящихся видов реализации права на объединение – народном (коллегии) и аристократическом (литературно-философские кружки); «...в первых люди стремились укрыться в дружеском общении от официальной жизни все более чуждого им государства, последние сохраняли прямую связь с общественно-политической жизнью и обычно представляли собой что-то вроде политических клубов»².

В условиях разрешительной системы образования коллективных субъектов права человек перестал восприниматься источником всего правового (творцом права), способным к свободной коммуникации внутри коллективной общности государства, иных юридических лиц, в том числе общественных объединений, которые стали по отношению к нему чем-то внешним, не реальным, предназначенным для целей, определенных кем-то, но не им самим.

Примечательно, что после рецепции римского права странами Западной Европы в XII в. юридические лица и общественные объединения повторили путь от свободного (неконтролируемого со стороны государства) создания до разрешительного порядка их регистрации, который начиная с XVI в. и до конца XIX в. применялся повсеместно. Аналогичный порядок предусматривало законодательство дореволюционной России. «Создание обществ было не законным правом граждан, а милостью, даруемой властью по собственному усмотрению»³. Примером тому стало первое общественное объединение России «Императорское вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства», создание которого одобрено Высочайшим рескриптом Екатерины II от 31.10.1765⁴.

Следует отметить, что законодательные акты периода становления общественных объединений XVIII–XIX вв. в России «...приоритетное внимание уделяли не порядку образования общественных формирований, а организации кон-

¹ Подробнее см.: Cizek E. L'epoque de Neron et ses controverses ideologiques. Leiden, 1972. P. 173–256.

² Кнабе Г.С. Указ. соч. С. 295.

³ Туманова А.С. Законодательство об общественных организациях России в начале XX в. // Государство и право. 2003. № 8. С. 82.

⁴ Подробнее см.: Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России (1765–1917). М., 1963.

троля (надзора) за ними. Одним из первых законодательных актов, определявших административно-правовое положение общественных формирований, был Устав благочиния (1782 г.). Данный нормативный акт давал гражданам возможность самим создавать общественные объединения»¹. Вместе с тем «...для создания общественных объединений необходимо было получить разрешения МВД и Минфина. Общественные объединения, которые созданы и функционировали без их разрешения, признавались незаконными»². «Анализ деятельности общественных структур дореволюционной России позволяет говорить о наличии достаточно развитой системы обеспечения жизнедеятельности в социальной, культурной, образовательной и других сферах. Но нельзя не признать, что все общественные структуры в той или иной мере были зависимы от государства, которое жестко контролировало деятельность обществ»³.

Однако идея свободной межличностной коммуникации в форме юридического лица окончательно не смогла быть искоренена и на определенном этапе приобрела новые очертания, когда государственное (политическое) право перестало вмешиваться в процесс создания юридических лиц, и восприняло их как равноправных субъектов, в том числе констатируя факт существования в правовой реальности оформившихся в качестве юридических лиц общественных образований (гражданско-правовых сообществ).

Подтверждением этому является то, что наряду с разрешительным порядком создания юридических лиц, к началу XX века в странах Западной Европы появился явочный порядок, который дает учредителям максимальную свободу в образовании юридических лиц, ибо для их возникновения достаточно факта волеизъявления учредителей, а государственной регистрации не требуется⁴. Концептуальное осмысление идеи свободной коммуникации людей можно увидеть в теориях «социального контрактуализма». Провозгласив принципы договора основой

¹ Ивакин А.А. Административно-правовое положение общественных объединений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2009. С. 14.

² Там же. С. 14.

³ Иванова М.И. Конституционный принцип равенства общественных объединений перед законом в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 14.

⁴ Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 178.

социальных связей, новые концепции, как отмечает профессор Т. К. Примаков «... представляют общественный договор, как некое актуальное гипотетическое, то есть условно представляемое состояние, выражающее соглашение людей относительно базовых, конституционных структур общества, ценности прав человека»¹. Тенденция возрождения данных теорий со второй половины XX века обусловлена, по мнению ученого, в том числе и тем, что «... деятельность государства в качестве иерархического центра показала свою неэффективность, возникло разделение труда между властью и обществом. При этом основная надежда возлагается на усиление роли гражданского общества, в котором начинают формироваться новые структуры саморегуляции в решении проблем, связанных с развитием собственной инициативы и под собственную ответственность»². В таких условиях особое значение приобретают формы гражданской самоорганизации, основанные на свободной межличностной коммуникации, к которым относится и общественное объединение.

Одним из первых законодательных актов, воспринявших широкую автономию общественных формирований стал Высочайший Манифест Императора Николая II от 17.10.1905 «Об усовершенствовании государственного порядка», пункт 1 которого гласил: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»³.

В развитие его положений и впредь до издания общего закона о союзах и обществах государь подписывает Именной Высочайший указ правительствующему Сенату от 04.03.1906 «О временных правилах об обществах и союзах». «Несмотря на сохранение в этом акте пережитков действовавшего ранее концессионного порядка образования общественных организаций, он воплотил в жизнь новый принцип регламентации обществ и союзов. В противоположность предше-

¹ Примаков Т. К. Антрополого-правовое исследование договора... С. 22

² Там же. С. 22.

³ Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. Н.И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 150–151.

ствовавшему законодательству, рассматривавшему образование обществ и союзов как особую милость, даруемую властью в каждом отдельном случае, Правила 4 марта 1906 г. трактовали возможность создания обществ как законное право граждан. Действовавший до принятия Временных правил 4 марта 1906 г. концессионный порядок образования обществ, когда их создание обуславливалось особым в каждом случае разрешением власти, был заменен явочным и регистрационным порядками. По установленному Временными правилами новому порядку легализации обществ, организации, не обладавшие правами юридического лица, учреждались упрощенным явочным путем (простой подачей заявления на имя главы местной администрации), тогда как общества, желающие пользоваться правами юридического лица, должны были регистрировать свои уставы в губернском (городском) по делам об обществах присутствии. В ведении указанных присутствий, руководимых губернаторами (градоначальниками), были сосредоточены все вопросы жизнедеятельности обществ, связанные с их открытием, регистрацией, воспрещением и закрытием»¹.

Восприняло явочный порядок создания обществ и Временное правительство, приняв постановление от 12.04.1917 «О собраниях и союзах», объявившее, что все без исключения российские граждане имеют право без особого на то разрешения образовывать общества и союзы, в т. ч. религиозные, в целях, не противных уголовным законам².

В настоящее время явочный порядок применяется в США, Франции, Швейцарии и других странах. В России в таком порядке согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) образуются общественные объединения. Создаваемые гражданами по своему выбору и без предварительного разрешения органов государственной власти и органов местного самоуправления, т. е. явочным порядком, общественные объединения могут регистрироваться и приобретать права юридического лица, либо функцио-

¹Туманова А.С. Временные правила об обществах и союзах 4 марта 1906 г. и особенности их реализации в западном крае // Збірник наукових прац, присвячених 90-годовщину з дня народження професора І. А. Юхо / Беларускі дзярж. ўн-т, Юрыдычны фак., Юрыдычны каледж. Мінск: Бизнесофсет, 2012. С. 344–345.

²Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Петроград, 1917. № 98. Ст. 540.

нирывать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица (статья 3 ФЗ «Об общественных объединениях»)¹.

Явочный порядок образования общественных объединений вполне соответствует их антрополого-правовой природе, отражающей общественную форму человеческого бытия, в которой индивиды реализуют свои групповые некоммерческие цели. Именно эти формы призваны развивать гражданское общество, в том числе путем тесного взаимодействия с государством.

В то же время для целей обеспечения стабильности хозяйственного оборота в условиях современных реалий действующее общее правило, предусматривающее нормативно-явочный порядок образования общественных объединений, являющихся юридическими лицами (статья 51 ГК РФ), выглядит вполне оправданным. Здесь следует иметь в виду, что тот или иной порядок приобретения общественными объединениями прав юридического лица отражает степень свободы субъектов прав и зависит от уровня их правовой культуры, состояния законности и т. п. И если сложившиеся коммуникативные связи между людьми не представляют опасности для социума, то государство должно гарантировать максимальную свободу правового оформления общественных объединений в качестве юридических лиц, в том числе в явочном порядке.

В общественных объединениях как антрополого-правовых формах человеческого бытия особенно отчетливо проявляется связь целого (человеческой общности) и части (ее членов), при которой сохранение первого является необходимым условием существования второй.

Представляется, что коммуникативная связь внутри любых организационно-правовых форм общественных объединений должна строиться на принципах взаимообусловленности целого и части, при которой соблюдение интересов, прав и свобод отдельной личности как части системной целостности общественного объединения является условием существования общности, что в свою очередь

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.03.2004 № 5-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона «О национально-культурной автономии» в связи с жалобой граждан А.Х. Дитца и О.А. Шумахер» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 1033.

способствует развитию конкретной личности в политическом, религиозном и иных аспектах.

В условиях формирования указанного типа свободной межличностной коммуникации право и государство первостепенной задачей для себя должны определить потребности конкретных граждан, их объединений, моделируя, по выражению С.И. Архипова, «такую форму социальных взаимоотношений, в которой обеспечивается свобода выбора вариантов поведения и достигается совместимость воли участвующих во взаимоотношениях лиц»¹. Обозначенному принципу должны соответствовать любые организационно-правовые формы общественных объединений.

Однако, как верно заметила профессор Примак Т. К. «мы пока не готовы к созданию организационных форм, основанных на коммуникативных началах»². «В целом основная проблема для Российской Федерации заключается в том, что мы всегда имели жестко, иерархически выстроенные структурные образования как по внешним, так и внутренним параметрам»³.

Применение антрополого-правового подхода к объяснению сущности общественного объединения способствует разрешению вечной проблемы отчуждения права от конкретного человека, которая существует с момента появления первых государств⁴, когда природная регуляция коллективных образований была заменена общей нормативной регуляцией, в зависимости от уровня развития общества отодвинувшей в большей или меньшей степени человека от реальных механизмов защиты его прав и свобод.

В особенности остро этот процесс стал проявляться при отнесении общественных объединений к категории юридических лиц, нормативный порядок регламентирования деятельности которых, ориентирован, прежде всего, на экономические (имущественные) потребности субъектов права. В то время как реаль-

¹ Архипов С.И. Указ. соч. С. 22.

² Примак Т. К. Институт договора: теоретико-правовые вопросы... С. 376.

³ Примак Т. К. Там же. С. 381.

⁴ Весьма метко оценил роль государства в жизни общества и личности, известный французский философ П. Вальери, отметив: «Если государство сильное, оно подавляет нас, если же слабое – мы погибаем» (цит. по: Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности: пер. с франц. М., 1993. С. 6).

ные человеческие потребности и права, которые реализуются в форме общественных объединений как юридических лиц, и сам человек растворяются в нормах права, регулирующих хозяйственный оборот. При этом само юридическое лицо становится фикцией, олицетворяющей правовой механизм (конструкцию) объединения лиц, накладывая негативный отпечаток на существование в объективной правовой реальности общественных объединений.

Вместе с тем общественное объединение как социально-правовая система, имея в своей основе человека в качестве волевого элемента, носителя правоспособности, само получает способность быть субъектом права. В этом контексте ни норма права, никакой-либо внешний акт правоприменения не могут и не должны выступать связующим внутренним элементом системной целостности общественного объединения, в том числе являющегося юридическим лицом. Их задача выполнять функции внешнего регулятора его деятельности. Таким элементом может быть только человек – субъект права, создающий структуру юридической личности путем формирования целостной коммуникативной правовой среды гражданского сообщества, общего имущественного фонда и цели деятельности. Любые попытки убрать человека из структуры юридической личности общественного объединения приводят к тому, что оно становится «правовым инструментом», фикцией, обслуживающей экономические, политические и иные интересы отдельных категорий граждан, в том числе криминальные.

Подводя итог изложенному, можно отметить следующее:

1. В основе антрополого-правового подхода к пониманию сущности общественного объединения лежит рассмотрение его в качестве социально-правовой формы жизни людей, в которой человек реализует свои права и свободы. Данный подход способствует соединению общего начала коллективного образования с индивидуальным, обеспечению прав и свобод отдельной личности, позволяет отразить и исследовать различные аспекты межличностной коммуникации, как в общественных объединениях, не имеющих статус юридического лица, так и в конкретных их организационно-правовых формах.

2. Использование антрополого-правового метода социальной реконструкции позволило выдвинуть гипотезу о том, что прообразом общественного объединения является раннепервобытная община – первая социальная форма существования человеческих общностей. Развитие коммуникативных связей внутри данной общности привели к появлению права и государства как одной из первой социально-правовой формы коллективного человеческого бытия. Анализ становления и развития первых форм ранней государственности и права, складывающихся в разных локальных цивилизациях, показал, что прототипом общественного объединения как субъекта права могут быть, по крайней мере, три формы коллективного бытия человека: общины, жреческие коллегии (храмовые комплексы) и государство. По их образу и подобию, возможно, создавались остальные общественные объединения, в том числе юридические лица.

Такой вывод позволяет определить человека в качестве общего волевого начала, которое обеспечивает целостность любой общности как субъекта права, в том числе и общественного объединения.

3. С появлением государства и права граждане продолжили объединяться друг с другом в устойчивые коллективные формирования, что было обусловлено их естественным правом на объединение. С одной стороны, такие объединения создавались по инициативе государства и в его интересах, с другой – по инициативе граждан в целях удовлетворения их частных потребностей. В зависимости от сферы жизнедеятельности (материальной и нематериальной) частные объединения поделились на коммерческие и некоммерческие. Последние в отличие от первых в меньшей степени нуждались во взаимодействии с другими субъектами права и зависели от условий хозяйственного (коммерческого) оборота, представляя собой самодостаточные социально-правовые явления, для существования которых достаточно самого факта объединения граждан в целях достижения общей нематериальной цели. Указанные некоммерческие, негосударственные формирования в последствие стали именоваться общественными объединениями.

4. Государственный контроль за деятельностью общественных объединений находится в прямой зависимости от их влияния на общественные отношения. Ес-

ли деятельность общественных объединений не создает угрозы нарушению прав и свобод других граждан, то государство не вмешивается в процесс их создания и функционирования (явочная система создания). Однако, как только они начинают оказывать деструктивное влияние на общественные отношения, государство устанавливает над ними контроль (разрешительная система создания).

5. Эволюция общественного объединения как правовой формы социально-правовой жизни людей, в которой осуществляется межличностное коммуникативное взаимодействие, соответствует эволюции права в целом.

На первом этапе (догосударственное право) своего исторического развития коммуникативные связи между людьми внутри социальной общности, которой являлась раннепервобытная община, в отсутствие противопоставления части (человека) и целого (общины) носили идеальный сбалансированный характер, поддерживаемый внутренней регуляцией.

С появлением государства (второй этап – государственное право), монополизировавшим право, естественная индивидуальная межличностная регуляция коллективных образований сменилась общей нормативной регуляцией, а человек попал в зависимость от государственных (политических, экономических, религиозных и т. п.) интересов, выраженных нормой права. Дисбаланс социального (человек, его права и свободы) и правового (интересы государства) отразился на свободе межличностной коммуникации граждан в форме общественного объединения, что проявилось в ужесточении контроля за их созданием и деятельностью со стороны государства.

На определенном промежутке эволюции государственного (политического) права вновь зародилась идея свободной межличностной коммуникации (третий этап – право «суверенной», свободной личности, право человека), когда государство не вмешивается в процесс создания общественных объединений, а принимает их в качестве равных субъектов права.

1.3. Понятие общественного объединения в дискурсе антропологического типа правопонимания

Продолжая анализ антрополого-правовой сущности общественного объединения, обратимся к рассмотрению его легального понятия, которое подвергнем теоретическому осмыслению в дискурсе антропологического типа правопонимания.

Согласно статье 5 ФЗ «Об общественных объединениях» под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения. В указанной дефиниции нашли свое отражение следующие признаки общественного объединения: добровольность, самоуправляемость, принадлежность к некоммерческим формированиям, создание по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

Так, признак добровольности означает возможность для граждан без каких-либо препятствий и без учета внешних причин, без понуждений, проявив свободное волеизъявление, вступить в общественное объединение (стать его участником)¹. С одной стороны, данный признак отделяет общественные объединения от субъектов права, учреждаемых органами государственной власти (такую же функцию выполняет признак создания общественных объединений по инициативе граждан), с другой – он свойственен всем юридическим лицам, учреждаемым свободным волеизъявлением физических лиц. Самоуправляемость означает, что определение уставных целей такого формирования происходит по свободному выбору его учредителей², но аналогичным образом определяются уставные цели любого частного юридического лица.

¹ См.: Шашкова О.В. Комментарий к Федеральному закону от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2014.

² Пятин С.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2006.

Отнесение общественных объединений к некоммерческим формированиям указывает на то, что извлечение прибыли не является основной целью их деятельности, а полученная прибыль не распределяется между участниками (пункт 1 статьи 50 ГК РФ). Данный признак отграничивает общественные объединения от всех коммерческих организаций, основной целью которых является извлечение прибыли (пункт 1 статьи 50 ГК РФ).

Создание общественного объединения по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов, отграничивает их от формирований, созданных государством и государственными коллективными субъектами права, в том числе от публично-правовых компаний (подпункт 11 пункта 3 статьи 50 ГК РФ) и государственных корпораций (подпункт 14 пункта 3 статьи 50 ГК РФ). Кроме того, обозначенный признак указывает на коллективный характер общественного объединения, что отличает его от юридических лиц, учрежденных одним лицом (абзац 1 пункта 2 статьи 50.1 ГК РФ).

Следует отметить, что такой способ образования коллективного субъекта права как создание по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, определяет общественную сущность всякого объединения граждан. Ведь, любое объединение граждан уже само по себе является общественным, т. е. негосударственным формированием, на что справедливо указал профессор С.А. Авакьян, включив в категорию «общественные формирования» любые формы негосударственных объединений граждан, в том числе общественные объединения, религиозные объединения, хозяйственные товарищества, территориальное общественное самоуправление¹. В свою очередь общественные объединения обособляются в самостоятельную группу в связи с тем, что они способствуют проявлению интересов граждан в публично значимых сферах их жизни².

Отметим, что, реализуя свое конституционное право на объединение (часть 1 статья 30 Конституции РФ) граждане сами определяют для себя публичную

¹ См.: Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 514.

² См.: Авакьян С. А. Там же. С. 514.

сферу жизни, представляющую для них значение, которая по справедливому утверждению профессора Г.М. Заболотной располагается вне пространства семьи, между государственной властью и частной жизнью индивидов¹. Немецкий ученый Ю. Хабермас определял публичное пространство как «область социальной жизни, где могут обсуждаться дела, представляющие общий интерес, где различия во мнениях могут регулироваться рациональными аргументами, а не обращениями к устоявшимся догмам и обычаям»². В таком контексте публично значимой сферой для объединения граждан может быть любая нематериальная сфера (религиозная, благотворительная, научная, образовательная, спортивная и т. п.).

Нематериальный характер целей общественных объединений обусловлен их некоммерческой природой, что отражает ФЗ «Об общественных объединениях» (статья 5). При этом указанный закон не отрицает общественный статус коммерческих негосударственных организаций, а лишь выводит их из сферы своего действия, что далеко не одно и то же³. Н.А. Любутов пишет, что «... по смыслу ст. 30 Конституции РФ к негосударственным объединениям относятся те коммерческие организации, которые являются объединениями лиц (хозяйственные товарищества и производственные кооперативы)»⁴. При этом автор считает, что понятия «объединение» и «общественное объединение» в статье 30 Конституции РФ употреблялись разработчиками как синонимы⁵.

Таким образом, для ученых-конституционалистов определяющим критерием отграничения общественных формирований как коллективных субъектов права от иных объединений становится их негосударственная природа. Общественное воспринимается ими как исходящее из общества, т. е. от граждан, а не от государства (хотя истории известны и государственные общественные

¹ Заболотная Г.М. Проблема публичной сферы в современной политической теории // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 122.

² Habermas J. Critical Debates. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982. P. 4.

³ Уваров А.А. Вопросы конституционно-правового статуса общественных некоммерческих организаций // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 39–42.

⁴ Любутов Н.А. Конституционное право граждан на объединение: правовая природа и механизм реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 11.

⁵ Подробнее об этом см.: Любутов Н.А. Указ. соч. С. 9.

ния¹). При этом общественным формированием, но не общественным объединением в смысле ФЗ «Об общественных объединениях» может быть, как некоммерческое, так и коммерческое объединение граждан, т. е. общественная сфера не противопоставляется коммерческой сфере жизнедеятельности граждан.

Это вполне соответствует позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой «хозяйственные общества и товарищества по своей сути являются объединениями – юридическими лицами, которые созданы гражданами для совместной реализации таких конституционных прав, как право свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (часть 1 статьи 34 Конституции РФ) и право иметь в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2 статьи 35 Конституции РФ)»².

Более того, в последнее время все больше коммерческих организаций стали заниматься социальным предпринимательством, в основе которого находится «...новый способ социально-экономической деятельности, в котором соединяется социальное назначение организации с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости»³. Стремясь преодолеть дихотомию «коммерческий – некоммерческий», американский исследователь социального предпринимательства К. Альтер обратила внимание, что в практике самых разных компаний оба компонента идут рука об руку – все большее число компаний использует рыночные механизмы для достижения одновременно экономической и социальной ценности, что выражается в создании некоего совокупного блага⁴.

Указанные коммерческие организации вполне подходят под понятие общественного объединения, определяемого профессором С.А. Авакьяном в качестве

¹ См.: Ястребов О.А. Эволюция государственных правительственных общественных объединений в XX веке в России // Юридический мир. 2009. № 3. С. 46–48.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.10.1996 № 17-П по делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 2 Федерального закона от 07.03.1996 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 45. Ст. 5202.

³ См.: Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / отв. ред. А.А. Московская. М., 2011. С. 15.

⁴ Alter, S. K. Social Enterprise Typology. Virtue Ventures LLC. Nov. 27, 2007 (цит. по Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / отв. ред. А. А. Московская. М., 2011).

формы выражения гражданами своих интересов и проявления их общественной (публичной) активности, в публично значимых сферах их жизни¹.

Почему же общественные объединения ассоциируются исключительно с некоммерческими формированиями притом, что они весьма активно занимаются предпринимательской деятельностью и даже становятся банкротами²?

По мнению профессора Т.В. Сойфер: «при объединении лиц для извлечения прибыли, удовлетворения иных материальных потребностей отсутствует главный признак объединения с конституционно-правовых позиций – общие интересы и общие цели у его участников. Каждый из них обладает собственными потребностями, предполагающими получение индивидуальных благ каждым в отдельности. И лишь их единая направленность обуславливает целесообразность объединения совместных усилий»³. Но, ведь и в общественных объединениях каждый из его членов (участников) обладает собственными потребностями нематериального характера, которые они удовлетворяют во взаимодействии друг с другом. А общими интересами и общими целями участников коммерческого юридического лица (например, корпорации) является обеспечение прибыльности организации.

Профессор Е.А. Суханов в этой связи указывает, что под корпорацией в российском праве следует понимать юридическое лицо – коммерческую или некоммерческую организацию, созданную участниками на основании договора для достижения *общей цели* путем объединения и совместного использования имущественных взносов на началах членства⁴. Тем самым ученый подчеркивает наличие общей цели участников, как у коммерческих корпораций, так и некоммерческих, к которым относятся общественные объединения.

Представляется, что некоммерческая природа общественных объединений может быть объяснена в ретроспективе исследования социально-правовой жизни

¹ Авакьян С. А. Указ. соч. С. 514.

² См.: решения Арбитражных судов о признании несостоятельным (банкротом) и введении конкурсного производства в отношении Городской общественной организации «Молодежный жилой комплекс транспортных строителей» (решение Арбитражного суда Новосибирской области от 09.02.2011 А45-15098/2010); Общественной организации «Профессиональный союз московских транспортных строителей» (решение Арбитражного суда города Москвы от 30.07.2012 № А40-95595/11).

³ Сойфер Т.В. Некоммерческое юридическое лицо как форма реализации конституционного права на объединение // Законодательство и экономика. 2012. № 2. С. 18–29.

⁴ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 43.

любого общества¹. Мы для примера обратимся к истории римского общества, где существовала дифференциация на труд и отдых.

Так, служение общественно-полезным целям во благо *res publica* считалось для римлян трудом, работой (*negotium*), в то время как времяпрепровождение в личных целях являлось для них отдыхом, досугом (*otium*)², который они проводили сообща за общей трапезой (*сена*), обсуждая насущные проблемы жизни. В этих целях граждане объединялись в различные рода коллегии. «Применительно к ним римские юристы обычно пользовались выражениями *personae vice funge, privatorum loco haberi*, дабы показать, что нечто, не будучи естественным человеческим лицом, функционирует в гражданской жизни вместо такового лица, обслуживается как таковое лицо. Иногда подобный субъект косвенно или прямо назывался *persona*, т. е. лицо»³.

Известный знаток античности Г.С. Кнабе писал, что римские граждане даже завещали часть своих денежных средств на то, чтобы «их односельчане или члены их коллегий устраивали регулярно совместные трапезы»⁴. «Совместная трапеза была неременной чертой тех общинных, коллегиальных, культовых, дружеских организаций и кружков, в которых протекали досуг римского гражданина, а во многом также его общественная и повседневно-практическая деятельность»⁵, «...римская сена – всегда форма общения и консолидации малой социальной группы, всегда совместная трапеза членов некоторого относительно устойчивого микросообщества. Такие микрообщности образовывали непосредственную фактуру жизни римлянина»⁶, который всегда принадлежал «...какому-либо ограниченному множеству, микрогруппе, обязательно имевшей свой культ и, соответственно, свои застолья, свои *sacra mensae*»⁷. К подобным объединениям, прежде всего, относились дружески-застольные коллегии. К ним также можно отнести

¹ См.: Артеменков В.К. Самодостаточность как историко-правовая детерминанта некоммерческой природы общественного объединения // История государства и права. 2017. № 23. С. 45 - 48.

² Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 2- изд. М., 1976. С. 666–667, 715.

³ Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица... С. 43.

⁴ Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность: Очерки. М.: Искусство, 1986. С. 139–140.

⁵ Кнабе Г.С. Избранные труды... С. 522.

⁶ Там же. С. 522.

⁷ Там же. С. 522.

квартирные и компитальные коллегии в городах, похоронные и домашние коллегии почитания гения господина. В последние «...входили люди различных профессий как из числа рабов, так и вольноотпущенников. Члены этих коллегий пользовались рядом преимуществ: они участвовали в домашних празднествах, религиозных обрядах, трапезах, и каждый член коллегии, в том числе и раб, мог рассчитывать на погребение в фамильном склепе – колумбарии»¹.

Указанные коллегии имели простейшую организационную структуру и представляли собой замкнутое сообщество, которое в наименьшей степени зависело от других субъектов права, представляя собой самодостаточные формирования, предназначенные для совместного времяпрепровождения своих членов.

Представляется, что именно в такой самодостаточности, обусловленной некоммерческим характером деятельности указанных коллективных субъектов права, проявилось их сущностное отличие от хозяйственных предприятий (*societas publicanorum*, *societates argentariorum*), осуществляющих коммерческую деятельность, зависящую от взаимодействия с другими субъектами права в сфере хозяйственного оборота. Кроме того, коммерческие объединения граждан зависят от наличия у них имущества, необходимого для участия в торговом обороте, в то время как у некоммерческих объединений имущество не определяет их правовую природу, а лишь способствует достижению общей нематериальной цели объединившихся граждан.

Следует отметить, что содержание термина «самодостаточность» изучалось еще древними греками в рамках учения об автаркии (греческое «αὐτάρκεια», от «autós» – «сам» и «arkéō» – «нахожусь в достатке»), причем изначально существовало только прилагательное αὐτάρκης, а «αὐτό-» обозначало не только «само-»², но и естественность, совместность, совпадение, личную причастность. Позднее прилагательное «автаркийный» становится синонимом для «достаточный». В диалоге «Государства» Платона говорится о происхождении полиса из потреб-

¹ Античная цивилизация / отв. ред. В. Д. Блаватский; АН СССР. Ин-т археологии. М., 1973. С. 173.

² Само... – часть ряда сложных слов, фиксирующих силу, качество, форму и обеспечивающих особое бытие людей, природных и социальных систем, существование которых рассматривается на их собственной основе (см.: Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: «ПАНПРИНТ», 1998. С. 758).

ности друг в друге самих по себе неавтаркийных людей. По Аристотелю полисная автаркия предполагает удовлетворение нужды не только и не столько в необходимом, сколько в прекрасном – духовное единство («согласие») граждан. Автаркия полиса – это зрелость человеческой общности, достигшая своего полного «природного» развития.

История автаркии как идеи представляет собой историю античной антропологии, которая от представления о тотальной зависимости и несамодостаточности человека перешла к мысли о восполнении человека в социуме (полисе), с крушением полиса – к проповеди внутренней свободы от мира, а затем к преодолению человеческой несамодостаточной природы через слияние с самодостаточным божественным началом в созерцании, молитве, вере¹.

Параллельно этой истории шло развитие общественных объединений, снимавших проблему тотальной зависимости и несамодостаточности человека путем его коммуникации (диалога) с другими людьми, восполнявшим человека в общности себе подобных, обеспечивающих внутреннюю свободу человека, в том числе через общую веру.

В то же время самодостаточность общественных объединений не ограничивает цель их деятельности исключительно удовлетворением потребностей конкретной группы объединившихся граждан. С развитием христианства многие общественные объединения стали ставить перед собой более возвышенные цели оказания поддержки не только своим членам, но и иным социально-незащищенным категориям населения. Так, наряду с церковными учреждениями появились частные благотворительные учреждения². «Особый вид церковного имущества – взносы прихожан на благотворительные цели (*piae causae*), – администрация которого не совпадает с клиром, выступает в гражданском обороте как лицо, способное принимать дарения, заключать сделки от своего имени и проч. (С. 1, 2, 19; 22; Nov., 120, 5–6, а. 544), ничем не отличаясь по юридической кон-

¹ См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин. Том. 1. М., 2000. С. 43–45.

² См.: Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 2011. С. 146.

струкции от фонда современного гражданского права»¹, который может быть учрежден и в организационно-правовой форме общественного фонда.

Некоторые ученые связывают первый опыт союзной благотворительности с рыцарскими орденами, имевшими полудуховную, полувоенную организацию. Так, профессора А.М. Лушников и М.В. Лушникова пишут, что «например, орден Госпитальеров (впоследствии – Мальтийский орден) вырос на базе странноприимного дома или госпиталя, и первоначальным главным направлением его деятельности было предоставление приюта и уход за больными и ранеными пилигримами, приезжающими в Святую Землю поклониться Гробу Господню. Впоследствии орден открыл госпитали не только в Палестине и Сирии, но и в ряде европейских городов (Марсель, Бари, Константинополь и др.). К концу XIII в. этот орден имел около 100 госпиталей»². И сейчас «...основной деятельностью Мальтийского ордена можно назвать благотворительность. В этом сходятся все исследователи, занимающиеся орденом, это видно по составу и количеству аффилированных организаций Ордена, это заявлено на его официальном сайте, а самое главное – это прямо прописано в Конституционной Хартии»³.

Е.А. Абросимова обращает внимание на то, что благотворительные общества являлись добровольными объединениями лиц, созданные с целью оказания помощи нуждающимся деньгами или вещами⁴.

Таким образом, уже в общественной жизни Рима мы встречаем негосударственные, некоммерческие, коллективные, правосубъектные социально-правовые формы человеческого бытия, объединение в которые осуществлялось по добровольному согласию граждан. В исследовательской литературе по истории античности они не имеют общепринятого наименования. Их называют иногда «объединениями» или «сообществами», иногда «ассоциациями», «социальными микро-единицами» или «микроколлективами». Г.С. Кнабе назвал их «социальные мик-

¹ Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов /под редакцией члена-корр. РАН, профессора В.С. Нерсесянца. М., 1997. С. 272.

² Лушникова М.В., Лушников А.М. Курс права социального обеспечения. М., 2009. С. 9–10.

³ Цацка И.П. О суверенитете духовно-рыцарского Мальтийского ордена // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 7 (156). С. 78.

⁴ См.: Абросимова Е.А. Благотворительные организации в Российской Федерации: гражданско-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 12.

рообщности», употребляя наряду с ними «социальные микрогруппы», «социальные микромножества» и т. п.¹ Выделяя из указанного перечня не государственные формирования, мы относим их к категории общественных объединений, которые по признаку самодостаточности, обособляются от иных коммерческих частных формирований.

В толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова прилагательное «общественное» раскрывается через деятельность людей в обществе; обслуживание нужд коллектива; противоположность индивидуальному, предназначенность для всех, для общего пользования; соответствие интересам коллектива². С.И. Ожегов трактовал «общественный» как относящийся к работе по добровольному обслуживанию политических, культурных, профессиональных нужд коллектива³. В большом универсальном словаре русского языка под редакцией профессора В.В. Морковкина «общественный» это такой, который организуется, осуществляется силами социально активной части общества⁴.

Таким образом, признак «общественное» определяет принадлежность объединения к надындивидуальной (коллективной) сфере человеческого бытия, в которой индивидуумы освобождаются от всего частного и существуют в самодостаточном коммуникативном (диалогичном) взаимодействии как единое целое. Основным моментом для них будет осознание того, что единая цель (например, общение друг с другом) может быть достигнута собственными силами и средствами внутри общности. При этом общая воля, сформированная в процессе диалога между объединившимися индивидуумами, определяет общность в качестве лица для всех других субъектов, в том числе и для отдельно взятого члена общности. Этой волей формируются внутренние правила поведения объединившихся лиц, приобретаются права и принимаются обязанности во взаимоотношениях с другими субъектами права.

¹ Кнабе Г.С. Избранные труды... С. 313.

² См.: Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. II. М., 1938. Стб. 729.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1981. С. 386.

⁴ Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. М., 2016. С. 659.

Самодостаточность общественных объединений в публичной сфере проявляется в том, что они сами определяют для себя общественный интерес и могут либо рефлексировать его в себе и для себя, удовлетворяя внутренние потребности сообщества, а могут доводить его до сведения государственно-административных институтов, тем самым воздействуя на них. В особенности это свойственно общественным объединениям, осуществляющим политическую деятельность, когда реальное производство публичной политики доступно только самостоятельным и стратегическим акторам; и те, и другие оказывают реальное влияние на развитие политической системы, руководствуясь при этом собственными целями и следуя собственным самостоятельным стратегиям на основе рефлексии¹. При этом государство, если оно правовое, должно ориентироваться на результаты рефлексии объединений граждан, учитывать их дискурсивные практики. Ведь коллективы (партии, общественные организации и др.), по справедливому мнению Т.Я. Хабриевой и В.Е. Чиркина, являются неотъемлемым институциональным элементом политической системы общества и конституционного строя Российской Федерации².

Самодостаточность объединений граждан является индикатором, позволяющем идентифицировать в коллективном субъекте права то общественное (социальное), которое граждане формируют в диалогичном (коммуникативном) взаимодействии между собой в независимости от меняющихся условий правовой среды. Она проявляется в самом факте объединения граждан между собой, в их внутреннем диалоге (коммуникации) в целях защиты общих интересов и достижения общих целей, в том числе общественно полезных.

Таким образом, общественное объединение может ограничиться обеспечением интересов исключительно объединившихся граждан (феномен закрытых социальных групп), а может быть открыто для неопределенного круга лиц, разделяющих общую цель их деятельности (феномен открытых социальных групп). В любом случае его предназначение не будет частным, личным или индивидуаль-

¹ Беляева Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. 2011. № 3. С. 81.

² Подробнее об этом см.: Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005.

ным, а будет тем общественным, в основе которого находится абсолютная свобода межличностного коммуникативного (диалогического) взаимодействия, объединившихся граждан. Такая свобода определяет самодостаточность общественных объединений, когда каждый из объединившихся находит в лице другого, а все вместе – в лице общности, достаток общения (диалог) в общей сфере их жизнедеятельности (культурной, научной, спортивной, политической, религиозной, экономической и т. д.). В этой коммуникации реализуется общая цель, соответствующая интересам каждого из объединившихся граждан.

В то время как основу коммерческих объединений граждан составляет их относительная свобода, обусловленная необходимостью участия в хозяйственном обороте в целях извлечения прибыли. В таких объединениях важна не сама по себе межличностная коммуникация (диалог), а получаемый посредством нее финансовый результат. Коммерческая организация всегда ориентирована на получение прибыли, и данный процесс для нее не имеет достаточности. Общественному объединению достаточно того, что объединившиеся граждане реализуют общую цель (статья 5 ФЗ «Об общественных объединениях»), которая ориентирована на их нематериальные потребности. При этом, когда пишут о том, что общественное объединение преследует достижение «...общественно полезных целей (преимущественно духовно-культурного и (или) политического характера)»¹, следует иметь в виду, что такой общественно полезный характер деятельности означает его соответствие закону и не более того, иными словами, общественная полезность может быть направлена как ко всему обществу, так и только к членам объединения при условии, если не наносит вреда третьим лицам². Обратим внимание, что ФЗ «Об общественных объединениях» лишь указывает на реализацию общих целей объединившихся граждан, и не требует, чтобы они были общественно полезными (статьи 3, 5). Исключением являются общественное движение (статья 9) и общественный фонд (статья 10), деятельность которых обусловлена реализацией общественно полезной цели.

¹ Шухов Ф.Г. Указ соч. С. 10.

² См.: Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие. М., 2015. С. 54.

Самодостаточность общественных объединений всегда детерминирована нематериальной сферой совместного правового бытия коллектива граждан. В то время как в коммерческих объединениях граждан важна не сама по себе межличностная коммуникация (диалог), а получаемый посредством нее финансовый результат. Коммерческая организация всегда ориентирована на получение прибыли и данный процесс не имеет для нее достаточности. С позиции экономической теории прибыль представляет собой «предпринимательский доход», который выступает как награда предпринимателю за риск и неопределенность, за новаторство¹.

Материальная и не материальная сферы коллективного человеческого бытия не противопоставляются друг другу и могут пересекаться. Это происходит тогда, когда общественные объединения занимаются предпринимательской деятельностью, а коммерческие организации социально-значимой (социальным предпринимательством²).

Однако осуществление предпринимательской деятельности ставит самодостаточность общественного объединения в условия риска, который может привести к невозможности реализации права на объединение ввиду неспособности удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам. В таких случаях общественные объединения даже признаются банкротами, о чем мы писали в начале статьи.

По нашему мнению, право граждан на объединение, изначально обусловленное общими некоммерческими целями, указанными в уставе общественного объединения, не должно ставиться в зависимость от риска предпринимательской деятельности.

В этой связи статью 37 ФЗ «Об общественных объединениях» предлагается назвать «Право общественного объединения на осуществление деятельности, приносящей доход», изложив ее в следующей редакции.

¹ См: Сальникова Ю.Н. О правовом режиме прибыли коммерческих организаций // Предпринимательское право, 2009, № 1. С. 22–26; Никитин А.С. Прибыль в качестве стимула предпринимательской деятельности в развитой рыночной экономике: дис. ... канд. эконом. наук. М., 2000. С. 22–29.

² См.: Лысенко В.В. Социальное предпринимательство как новая форма взаимодействия гражданского общества и бизнеса // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 43–47.

Общественные объединения вправе осуществлять деятельность, приносящую доход от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, если это служит достижению уставных целей, ради которых они созданы, и соответствует этим целям.

Полученные доходы не могут перераспределяться между членами или участниками общественных объединений и должны использоваться только для достижения уставных целей. Допускается использование общественными объединениями своих средств на благотворительные цели, даже если это не указано в их уставах. Кроме того, статью 20 ФЗ «Об общественных объединениях» предлагается дополнить положением, определяющим, что устав общественного объединения должен предусматривать исчерпывающий перечень видов деятельности, приносящих доход от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Самодостаточными по своей природе являются религиозные организации; общины коренных малочисленных народов Российской Федерации; казачьи общества; автономные некоммерческие организации, создаваемые гражданами; ассоциации (союзы). Как верно указывает А.А. Уваров «все они, разумеется, являются общественными объединениями, исходя из смысла статей 13 и 30 Конституции РФ»¹.

Действительно, при ближайшем рассмотрении содержания отдельных организационно-правовых форм некоммерческих организаций, перечисленных в пункте 3 статьи 50 ГК РФ, можно увидеть, что большинство из них подпадают под категорию «общественные объединения». К таковым не относятся адвокатские и нотариальные палаты², публично-правовые компании и государственные корпорации. В то же время, например, религиозная организация, соответствует всем признакам общественного объединения, созданного в целях совместного ис-

¹ Уваров А.А. Вопросы конституционно-правового статуса общественных некоммерческих организаций // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 39–42.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате»; Резник Г. Закон об адвокатуре как жертва конфликта интересов // Российская юстиция, 1998, № 3; Романовская О.В., Романовский Г.Б. Палата: нотариальная и адвокатская (сравнительный анализ) // Нотариус, 2005, № 6.

поведения и распространения веры. «Создание и деятельность религиозных организаций вытекает одновременно и из права каждого исповедовать совместно с другими любую религию как составной части общего права каждого на свободу совести и вероисповедания (статья 28 Конституции Российской Федерации)»¹. Напомним, что не так давно общественные и религиозные организации (объединения) определялись в ГК РФ через одни и те же признаки (статья 117 ГК РФ в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ²).

Автономная некоммерческая организация может быть учреждена на основе имущественных взносов трех и более граждан и (или) юридических лиц в целях предоставления услуг в сферах образования, здравоохранения, культуры, науки и иных сферах некоммерческой деятельности (пункт 1 статьи 123.24 ГК РФ). Социальная направленность указанных сфер деятельности не вызывает сомнения.

Согласно Федеральному закону от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»³ общины малочисленных народов – формы самоорганизации лиц, относящихся к малочисленным народам и объединяемых по кровнородственному (семья, род) и (или) территориально-соседскому признакам, создаваемые в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры (абзац 4 статьи 1); общины малочисленных народов организуются на добровольной основе по инициативе лиц, относящихся к малочисленным народам, достигших возраста 18 лет (пункт 1 статьи 8); принципы организации и деятельности общин малочисленных народов дублируют принципы создания и деятельности общественных объединений (статья 5).

¹ Шухов Ф.Г. Указ соч. С. 74–75.

² Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

³ Собрание законодательства РФ. 2000. № 30. Ст. 3122 (с посл. изм.).

В соответствии с пунктом 1 статьи 6.2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹ (далее – ФЗ «О некоммерческих организациях») казачьими обществами признаются формы самоорганизации граждан Российской Федерации, объединившихся на основе общности интересов в целях возрождения российского казачества, защиты его прав, сохранения традиционных образа жизни, хозяйствования и культуры российского казачества. Казачьи общества создаются в виде хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ, члены которых в установленном порядке принимают на себя обязательства по несению государственной или иной службы.

Таким образом, признаки религиозной организации, автономной некоммерческой организации общины малочисленных народов и казачьих обществ соответствуют признакам общественного объединения.

Отдельные пояснения нужно сделать в отношении потребительского кооператива (статья 123.2 ГК РФ). Его общественная природа проявляется тогда, когда граждане объединяются в целях удовлетворения своих нематериальных потребностей, путем объединения имущественных паевых взносов. Подчеркнем еще раз, что общественное объединение в силу своей самодостаточности, прежде всего, реализует общую цель объединившихся на основе общности интересов граждан, которая может и не быть общественно полезной и представлять интерес только для объединившихся граждан.

Как мы установили выше, проанализировав этимологию прилагательного «общественное», оно может предназначаться как для неопределенного круга лиц (социального слоя общества), так и для конкретных граждан, решивших объединиться. Такое понимание заложено и в определении общественного объединения (статья 5 ФЗ «Об общественных объединениях»), и в отдельных его организационно-правовых формах (статьи 8, 11, 12 ФЗ «Об общественных объединениях»). Представляется, что категория «общественно полезная цель» не должна отождествляться исключительно с пользой для общества в широком смысле и вполне

¹ Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145 (с посл. изм.).

применимо к обществу в его узком значении как совокупности людей, устойчиво связанных между собой теми или иными видами взаимодействия.

Объяснить выделение общественных объединений среди других некоммерческих организаций попытался в своем диссертационном исследовании Ф.Г. Шухов. В качестве критерия разграничения автор предложил использовать степень участия организаций в гражданско-правовых отношениях, т. е. в имущественных отношениях, в гражданском обороте. «Некоммерческие организации, не являющиеся общественными объединениями, как правило, являются активными участниками гражданского оборота. Хотя цель извлечения прибыли не является основной целью их деятельности, тем не менее, эта цель в деятельности таких некоммерческих организаций практически всегда присутствует. В деятельности общественных объединений цель извлечения прибыли может вообще отсутствовать или выражаться в незначительной мере.

Общественные объединения всегда действуют в духовно-культурной либо политической сферах жизни общества, а остальные некоммерческие организации никогда не действуют в политической сфере, а их деятельность в духовно-культурной сфере обычно сопряжена с предпринимательской деятельностью, т.н. деятельностью в экономической сфере жизни общества»¹.

Обратим внимание на то, что активность участия в хозяйственном обороте является оценочным критерием. Многие общественные объединения настолько активно участвуют в экономической деятельности, что становятся банкротами, о чем мы уже писали выше. Поэтому тезис о том, что деятельность некоммерческих организаций в духовно-культурной сфере сопряжена с предпринимательской деятельностью будет справедлив и в отношении общественных объединений.

Утверждение, что «некоммерческие организации никогда не действуют в политической сфере» выглядит весьма категорично в контексте содержания понятия «политическая деятельность», используемого в ФЗ «О некоммерческих организациях» (статья 2). По смыслу данного закона участвовать в политической дея-

¹ Шухов Ф.Г. Общественные объединения как институт гражданского общества: теоретико- и историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2015. С. 176.

тельности может любая некоммерческая организация. Исключением является деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социального обслуживания, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, социальной поддержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты растительного и животного мира, благотворительная деятельность.

Проведенный анализ легальных и доктринальных признаков общественного объединения позволяет сделать следующие выводы.

1. Некоммерческий характер деятельности общественных объединений обусловлен их самодостаточностью, обеспечивающей существование общности граждан вне зависимости от меняющихся условий правовой среды и необходимостью взаимодействия с другими субъектами права. Это связано с тем, что в своем изначальном виде право граждан на объединение отражает их естественную (природную) потребность в межличностной диалогичной коммуникации.

2. В силу своей самодостаточности общественные объединения, прежде всего, реализуют общую цель объединившихся на основе общности интересов граждан, которая может и не быть общественно полезной для других лиц и представлять интерес только для объединившихся граждан.

3. К общественным объединениям следует отнести потребительские кооперативы; общины коренных малочисленных народов Российской Федерации; казачьи общества; автономные некоммерческие организации, создаваемые гражданами; ассоциации (союзы).

4. В дискурсе антропологического типа правопонимания общественное объединение представляет собой самодостаточное, добровольное, самоуправляемое, некоммерческое объединение граждан, преследующих общую цель, закрепленную в уставе общественного объединения.

Глава 2. Системная целостность общественного объединения

2.1. Целеполагание как системообразующий критерий общественного объединения

В антрополого-правовом дискурсе формирование юридической личности представляет собой структурирование волевых качеств человека в системную целостность общественного объединения, системообразующим критерием которой является целеполагание.

Категория «цель» стала предметом специального изучения еще со времен классической античности. Уже тогда Аристотель рассматривал ее как организующий принцип, основу специфики реальности бытия, сохранения его определенности. Принципом и направляющим началом любого явления он видел форму, которая становится внутренней целью каждого объективного процесса. Великий мыслитель обращал внимание на то, «...как природа двойка: с одной стороны, как материя, с другой – как форма, она же цель, а ради цели существует все остальное, то она и будет причиной «ради чего»»¹.

Профессор В.Л. Гавель пишет: «от Аристотеля к нам пришло утверждение, что произведения человеческой деятельности необходимо имеют фиксированную цель. Аристотель согласился с выводами Сократа и Платона об ограниченности и конечности всякой цели человеческой деятельности. Любая частная цель частной же деятельности необходимо соотносится с более общей целью. Имея подчиненный смысл, сами по себе такие цели, являясь субъективными, находят свое обоснование только в соотношении с более общими целями, которые в конечном счете должны быть определены как всеобщие, постоянные, бесконечные по содержанию, например, в соотношении с благом вообще»².

Профессор М.Г. Макаров к наиболее существенным моментам сложности понятия цели справедливо относил: «...расчленение единой категории на два

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М., 1981. С. 99.

² Гавель В.Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека... С. 9.

смысловых модуса – понятие сознательной цели как особой категории познания и практической деятельности человека и понятие объективного структурообразующего момента определенного строения причинно-следственных рядов в ... социальных системах ... Как многие категории, цель не только и не просто понятие высшей степени общности, но и некоторый принцип организации понятий, входящих в ее смысловое поле, в которых выражаются и конкретизируются те или иные ее аспекты»¹.

В настоящем параграфе мы проведем анализ цели во взаимосвязи со средствами ее достижения. В таком сочетании образуется понятие целеполагания как системообразующего критерия системной целостности общественного объединения, определяющего его правовую природу.

В познании сущности общественного объединения как юридического лица многие ученые рассматривали цель его деятельности в качестве основы, конституирующей в нем субъекта права. А. Лассон считал юридическим лицом каждую общепользную цель, которой придается свойство личности². Ф. Аффольтер обратил внимание на то, что возможность и дозволенность цели, наряду с существующей во времени воли учредителя, наличности имущества, достаточности количества участников, являясь реальными фактами, составляют субстанцию корпорации³. Цель в качестве субъекта права (корпорации или учреждения) олицетворяли Ю. Барон, Г.Ф. Пухта, К.Ф. Резлер, Ф.К. Савиньи и др.⁴ Ю. Барон прямо называл юридическое лицо дозволенной постоянной целью, имущественная правоспособность которой санкционирована законом в силу юридической фикции⁵. По мнению Г.Ф. Пухты и К.Ф. Резлера, кроме целей отдельного человека существуют интересы и цели, реализовать которые люди могут, лишь объединившись друг с другом, и для достижения которых требуется имущество. Объективное право устанавливает для таких целей особые права и обязанности, которые не присваиваются отдельному человеку, а принадлежат некоему сообществу в це-

¹ Макаров М.Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Ленинград, 1977. С. 184.

² Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. С. 81–83.

³ См.: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 136.

⁴ См.: Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. С. 28.

⁵ См.: Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. С. 80.

лом¹. Даже противник юридического лица А. Бринц, выступающий за исключение данного понятия из права и замене его на понятие «целевое имущество» (Zweckvermögen) указывал на то, что имущество может не только предназначаться для определенной цели, но и принадлежать этой цели².

Конечно, сама по себе цель, даже конкретно определенная, никогда не станет реальным субъектом права, и придание ей значения воли за счет фикции, распространяющей на нее действия представителей, не образует нового волеспособного субъекта права. Воля представителя так и останется его волей, используя которую он будет управлять вверенным ему имуществом. Однако многие ученые точно подметили необходимость присутствия цели в конструировании юридической личности. И с ними можно согласиться, рассматривая цель как системообразующий критерий общественного объединения, позволяющий структурировать его системную целостность, состоящую из волевых инвариантов, образованных волей людей. Не зря германский юрист Э. Цительман указывал, что для существования корпорации требуется цель, связывающая воли людей в определенном направлении³.

В противном случае олицетворение только цели приведет к возникновению недееспособного (несамостоятельного) субъекта права. Ведь люди, ее сформировавшие, остаются посторонними по отношению к ней субъектами, а без них цель неволеспособна, а значит и недееспособна.

Отсюда вывод, что олицетворение имущества или цели никогда не приведет к появлению полноценного (самостоятельного), волеспособного субъекта права.

Отправной точкой формирования целеполагания и юридической личности общественного объединения, по нашему мнению, является обусловленное внутренними потребностями осознание человеком необходимости взаимодействия с другими людьми для достижения общей цели в той или иной организационно-правовой форме общественного объединения или вне статуса юридического лица.

¹ См.: Гереаген Л.Л. Указ. соч. С. 28.

² См.: Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. С. 46, 54–58; Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. С. 72–79; Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. С. 79–80.

³ Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. С. 90–92.

Как отмечает Ц.А. Ямпольская, гражданин вступает в организацию только тогда, когда имеет личную заинтересованность решения своих проблем или удовлетворения собственных интересов общественными силами¹.

Человеческих потребностей множество. Например, А.Г. Маслоу выделял порядка сорока потребностей, которые распределял на иерархические уровни: низший («потребности нужды») и высший («потребности роста»)². В.А. Иванников, выделяя более пятидесяти потребностей личности, соотносил их с тремя субъектными уровнями: природный субъект, социальный культурный субъект и нравственный субъект³. По мнению Е.П. Ильина в отечественной психологии потребности чаще всего делят на три уровня: материальные, социальные и духовные потребности⁴.

В целом, все разнообразие человеческих потребностей можно свести к двум основным группам: первичные, являющиеся по своей природе физиологическими и, как правило, врожденными и вторичные, по природе своей психологические.

Зачастую всецело удовлетворить свои потребности, а тем более потребность в коммуникации человек может лишь во взаимодействии с другими людьми, выбирая оптимальные формы совместного существования, способствующие достижению единой (общей) цели. Без такого взаимодействия поставленные цели являются труднодостижимыми или недостижимыми вовсе. С.Ю. Филиппова выделила эти цели в отдельную категорию «нереальные правовые цели», которые «...на момент их постановки не обеспечены достаточными правовыми средствами, поэтому для достижения такой правовой цели сначала необходимо получить соответствующие правовые средства»⁵. Р. Иеринг писал, что «некоторые цели до такой степени превышают средства отдельных лиц, требуют столь необходимо соединенного усилия других, что об изолированном преследовании их не может

¹ Ямпольская Ц.А. Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационные аспекты. М., 1972.

² См.: Маслоу А.Г. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаева. СПб., 1999. С. 79, 81, 99, 151 и др.

³ См.: Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб., 2006. С. 147.

⁴ См.: Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2006. С. 41.

⁵ Филиппова С.Ю. Инструментальная методология цивилистического исследования: дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва. 2015. С. 93.

быть и речи»¹. Развивая данную мысль, ученый отмечал, что «...если достижение цели превышает силы отдельного лица, или если при общем ее преследовании цель может быть достигнута вернее и с большей экономией средств; в этом случае соединение, союз вполне соответствует обоюдным интересам»².

Человек может ставить перед собой любые задачи, думать о них, строить планы по их реализации и т. д., однако имеется предел индивидуальных человеческих возможностей для объективной реализации поставленных целей. У общественного объединения также имеются цели, для достижения которых необходимо объединяться с другими субъектами права, создавая новое общественное объединение.

Таким образом, потребности человека определяют его взаимодействие с другими людьми и позволяют в сообществе достигать поставленной цели, являясь начальным моментом создания общественного объединения. При таком понимании цель общественного объединения в основании своего становления связывается с удовлетворением индивидуальных потребностей, которые, по мнению ряда ученых, обуславливают любую цель³. В то же время формируется та статичная основа, которая как закон определяет идеальность отношений, отраженных в категории «цель», на что обращает внимание другая группа ученых⁴. В законодательстве указанные теоретические положения нашли отражения в статье 5 и статье 20 ФЗ «Об общественных объединениях».

Условием успешного объединения является заинтересованность отдельных лиц в достижении общей цели, в основе которой лежит свобода согласования воли и частных интересов. Ф. Энгельс писал: «где нет общности интересов, там не может быть единства целей, не говоря о единстве действий»⁵. Н.С. Суворов указывал, что «индивид для своего естественного эгоизма ставит границы, принимает интересы других людей, с тем чтобы они помогали его собственным интересам.

¹ Иеринг Р. Фон. Избранные труды. Самара, 2003. С. 59.

² Там же. С. 90.

³ См.: Спиркин А. Курс марксистской философии. М., 1966. С. 102; Туровский М.Б. Труд и мышление. М., 1987. С. 126.

⁴ См.: Борзенко А.В. Проблема цели в общественном развитии. М., 1963, С. 8; Философский словарь, М., 1963. С. 496.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения: в 39 т. Т. 8. М., 1957. С. 14.

Так появляется интерес, который не является интересом какого-либо индивида в отдельности, но удовлетворением которого удовлетворяется его собственный интерес»¹. Т.И. Илларионова отмечала, что «...уравнение субъектов всех групп, независимо от экономической мощи и социального положения лица, происходит путем выработки единообразных правовых способов удовлетворения однопорядковых интересов (потребностей)...»².

В процессе создания общественного объединения цель отдельно взятого человека соотносится с целями других, образуя общую для всех цель. Объединяясь для достижения общей цели, люди координируют свою деятельность, подчиняют ее результату, необходимому каждому. В итоге «граждане принимают каждый для себя принципиальное решение – стоит ли им создавать новую организационную структуру, входить в нее, доверяя свою активность, свои имущественные права ей и новым коллегам»³.

Индивидуальная цель, согласованная с другими лицами, образует общую цель, которая является системообразующим фактором существования общественного объединения, его целеполаганием.

Целеполагание человека включает в себя несколько стадий: осознание потребности, возникновение интереса, мотива, формирование цели, выбор средств и методов ее достижения. Об этом писал В.И. Ковалев, указывая, что «осознанная потребность трансформируется в интерес и одновременно выступает мотивом, побудительной причиной к формированию мысленного образа желаемого результата (цели)»⁴.

Целеполагание общественного объединения представляет собой относительно статичную (формально-определенную) категорию, сформированную его учредителями и внешне выраженную в уставе и законе.

ФЗ «Об общественных объединениях» предельно широко трактует категорию цель общественного объединения, называя ее «общей целью граждан, объ-

¹ Суворов Н.С. Указ. соч. С. 122

² Илларионова Т.И. О содержании метода гражданско-правового регулирования // Актуальные проблемы гражданского права: межвуз. сб. Свердловск, 1986. С. 37.

³ Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М., 2004. С. 15.

⁴ Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельность. М., 1988. С. 48.

единившихся на основе общности интересов» (статьи 3, 5 ФЗ «Об общественных объединениях»). При этом общественные объединения свободны в определении своих целей (статья 15 ФЗ «Об общественных объединениях»). Однако статья 16 ФЗ «Об общественных объединениях» устанавливает запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности.

Особенностью цели общественного объединения является ее некоммерческий характер. Это вытекает из системного толкования положений ФЗ «Об общественных объединениях», определяющих общественное объединение как некоммерческое формирование (статья 5), создание которого в качестве юридического лица возможно в конкретных организационно-правовых формах (статья 7), относящихся в силу пункта 3 статьи 50 ГК РФ к некоммерческим организациям.

Кроме того, как было показано выше некоммерческий характер цели деятельности общественных объединений, обусловлен их самодостаточностью, позволяющей существовать вне зависимости от внешнего воздействия со стороны других субъектов права, не являющимися членами (участниками) общественного объединения, в том числе государством. Это связано с тем, что право граждан на объединение по природе своей опосредованно естественной (психологической) потребностью людей образовывать между собой социальные общности и не зависит от внешних субъектов права. Имманентной формой его реализации является объединение граждан между собой в самодостаточную системную целостность.

Под самодостаточной системой понимается система, способная при неизменных условиях окружающей среды как сохраняться, так и разрушаться под действием внутренних причин. Самодостаточность системы возникает и сопровождается избыточностью (запасом прочности и функциональными возможностями) ее самой и предшественницы (той системы, из которой она возникла):

большая избыточность предшественницы обеспечивает некоторый запас прочности самодостаточной системы¹.

Самодостаточность общественного объединения как системной целостности возникает в процессе реализации гражданами своего естественного права на объединение и сопровождается избыточностью ввиду принадлежности к метасистемам² – обществу и государству как самодостаточным социальным группам (системам)³.

Т.В. Сойфер, анализируя конституционное право на объединение, отмечает, что «...общая цель объединяющихся лиц по характеру такова, что в принципе может быть достигнута без регистрации объединения в качестве юридического лица, т. е. без участия в гражданском обороте. Такая возможность заведомо присутствует лишь в случаях, когда сферы деятельности объединений имеют нематериальный общественный характер»⁴.

В природной (естественной) самодостаточности проявляется сущностное отличие общественных объединений от коммерческих юридических лиц, основной целью деятельности которых является извлечение прибыли (пункт 1 статьи 50 ГК РФ), предполагающее обязательное взаимоотношение с другими субъектами права в условиях предпринимательского риска. Кроме того, коммерческая организация зависит от наличия у нее необходимого для ведения коммерческой деятельности имущества, его достаточности для удовлетворения требований кредиторов.

¹ Галкин В.П. Проблемы современности: теоретические аспекты и основы экологической проблемы: толкователь слов и идиоматических выражений: учеб. пособ.: в 3 ч. Ч. 2. Чебоксары, 1997.

² Метасистема – сравнительно новое понятие; чаще всего под ней подразумевается масштабная система, более широкая, чем традиционные системы, в которую каждая исследуемая система входит как составная часть. Сам термин происходит от древнегреческих слов *meta* «между, среди; после» и *systema* «составленное; составление» (См.: Манохина Н.В. Метасистема как объект институционального анализа // Вестник Международного института экономики и права. 2014. № 1 (14). С. 7 (С. 7–16)).

³ Подробнее см.: Момджян К.Х. Введение в социальную философию: учеб. пособие. М., 1997.

⁴ Сойфер Т.В. Некоммерческое юридическое лицо как форма реализации конституционного права на объединение // Законодательство и экономика. 2012. № 2. С. 26.

Коммерческая цель организации предполагает бесконечное стремление к извлечению прибыли. Данный процесс не имеет границ достаточности, что делает категорию самодостаточности неприменимой к коммерческим организациям.

В этой связи Т.В. Сойфер пишет, что «при объединении лиц для извлечения прибыли, удовлетворения иных материальных потребностей отсутствует главный признак объединения с конституционно-правовых позиций – общие интересы и общие цели у его участников. Каждый из них обладает собственными потребностями, предполагающими получение индивидуальных благ каждым в отдельности. И лишь их единая направленность обуславливает целесообразность объединения совместных усилий»¹.

В то же время целеполагание общественного объединения в своей основе содержит общую цель ее учредителей, участников, членов, направленную на удовлетворение их общей потребности в нематериальных благах (духовных, культурных и т. д.). «Целью деятельности общественного объединения должно быть удовлетворение духовных (иных нематериальных) потребностей»².

Некоммерческая цель общественного объединения конкретизируется в его уставе. Из содержания положений пункта 4 статьи 52 ГК РФ, пункта 1 части 1 статьи 20 ФЗ «Об общественных объединениях» следует, что в уставах некоммерческих организаций должны быть определены предмет и цели деятельности.

Таким образом, целеполагание неотделимо от существования общественного объединения и зависит от содержания, которое вкладывают в это понятие лица, стремящиеся достичь результата и удовлетворить свои индивидуальные потребности некоммерческого характера.

Рассматривая категорию цели в контексте системного подхода Д.М. Мехонцева справедливо отмечала, что любая система имеет одновременно две объек-

¹ Сойфер Т.В. Некоммерческое юридическое лицо как форма реализации конституционного права на объединение // Законодательство и экономика. 2012. № 2. С. 26–27.

² Норкин А.И. Правовой статус общественных объединений: проблемы теории и практики: автореф. канд. юрид. наук. М., 1995. С. 6.

тивные цели: цель системы как целого (главная цель – сохранение (развитие) своей целостности, упорядоченности, устойчивости) и цель системы как части (функциональная цель – сохранение (развитие) вышестоящей системы (метасистемы) по конкретному параметру, определяющему соответствующую функцию подсистемы)¹.

Первая цель достигается формальной определенностью (статичностью) целеполагания, обеспечивающего существование общественного объединения, сохранение его системной целостности. Кроме того, целеполагание, изначально определенное идеальным единением волей, составляющих общую цель физических лиц (учредителей) отражает устойчивый интерес данных лиц сохранить (развить) общественное объединение как системную целостность, продолжив в данной форме коллективного бытия коммуникацию и диалог с другими субъектами права.

Функциональная цель обеспечивает сохранение (развитие) метасистемы – гражданского общества и государства, которые в свою очередь стимулируют активность отдельного человека, поддерживая его коммуникативную (диалогичную) связь с другими людьми в форме общественного объединения. В этом заключается саморазвитие системной целостности государства как метасистемы, гарантирующей право граждан на объединение и обеспечивающей воспроизводство новых форм коллективного бытия человека.

Профессор В. Л. Гавель, анализируя общественные процессы, пишет: «воспроизводство структурных компонентов (людей, форм общения материальных средств) относится к сфере функционирования, так как в значительной мере цель ставится опосредованно для любой социальной системы. Процесс развития предполагает не только экстенсивные формы, но и повышение уровня организации общества, сформулированного как цель. Достигнутый уровень предполагает формирование новых общественных потребностей и новых средств их удовлетворения. Над старыми регулятивными системами надстраиваются новые, возникают новые критерии членения и оценки действительности в общественном сознании и

¹ См.: Мехонцева Д.М. О законе целесообразного и оптимального самоуправления и управления. Красноярск, 1988. Деп. в ИНИОН РАН. № 35171. С. 2.

т. д. В совокупности это ведет к переходу от простого функционирования к развитию общественных систем»¹.

Аналогичные процессы складываются и в структуре юридической личности общественного объединения между людьми, составляющими источник ее воли. В то же время целеполагание устанавливает границы воли общественного объединения, определяя способ и характер его действий. Тем самым оно исполняет роль закона, которому должны подчинить свою индивидуальную волю все лица, формируя единую волю юридической личности общественного объединения.

Подтверждение этому мы находим у С.Н. Братуся, обращавшего внимание на то, что цель, ради которой объединяется группа людей, обособляется от других целей. «Эта цель, будучи объективно обусловлена, в сознания людей, которые хотят ее достичь, выступает в качестве фактора, определяющего их деятельность. Поэтому не только воля данной группы людей или отдельного человека определяет цель юридического лица, но и сама цель, поскольку она возникла, определяет и направляет деятельность этой воли»².

С.И. Архипов, соглашаясь с Г. Гегелем, справедливо отметил, что «воля всякий раз, ставя перед собой цель, определяет рамки своего хотения, ограничивает себя»³. Принципиальной особенностью антрополого-правового подхода является то, что такие ограничения устанавливаются самим человеком как источником всего правового и не навязываются ему извне государством. Общественные объединения не должны становиться вспомогательным механизмом реализации идеологических и мобилизационных мероприятий государственного аппарата, как это было в эпоху советского государства⁴, когда они не могли действовать самостоятельно⁵. Однако, уже «в советский период, – пишет Т.Я. Хабриева, – хотя научная мысль была скована официальной идеологией, российские государство-

¹ Гавель В.Л. Указ. соч. С. 61.

² Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве... С. 52.

³ Архипов С.И. Указ. соч. С. 71.

⁴ См: Никулин В.В. Общественные организации в советской политической системе: идеологические и организационно-правовые аспекты, 1920-е годы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2010. № 3. С. 24.

⁵ Соболева Ю.В. Общественные объединения как субъект административного права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 128.

веды исследовали явления, которые могли быть использованы при создании современной концепции правового государства. В частности, в российской науке впервые обосновывались концепции основных социально-экономических прав, статуса общественных объединений. [...] коллективных прав этнических сообществ»¹.

Человек в структуре юридической личности общественного объединения должен быть свободен в определении границ своей коммуникации (диалога) с другими людьми, в том числе путем формирования целеполагания общественного объединения (общей цели деятельности) и выработки внутренних правил общего поведения. Целеполагание общественного объединения раскрывает внутреннюю сторону системной взаимосвязи структурных (инвариантных) элементов, которая отражается в коммуникативном и диалогичном взаимодействии людей. Целеполагание связывает в целостность отдельные элементы общественного объединения, упорядочивает разнонаправленность индивидуальных волевых стремлений каждого из элементов. «Одновременно реализованные цели расширяют возможности целеполагания и делают деятельность все более свободной в смысле богатства методов реализации целей и полного совпадения содержания их постановки и реализации»². В результате происходит юридическая социализация человека о которой пишет Ю.И. Гревцов³, когда «... я беру у моей группы цель, ради достижения которой я должен приложить свою способность «свободного выбора» [...], средства, которые я использую, добиваясь цели, внушенной мне группой, я тоже получаю у группы; они составляют мой капитал...»⁴.

В.Н. Козин выделяет следующие составные элементы, раскрывающие содержание цели: «необходимыми составными элементами цели являются: потребность (общественная или личная, материальная или духовная), средства («вещество природы», стороны, свойства объективного мира, способы удовлетворить потребность), пути, способы практического действия по связыванию того и дру-

¹ Хабриева Т.Я. На путях создания российской модели правового государства // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире. М., 2013. С. 101.

² Гавель В.Л. Указ. соч. С. 26.

³ См.: Гревцов Ю.И. Социология права. Курс лекций. СПб., 2001. С. 66–71.

⁴ Гревцов Ю.И. Указ. соч. С. 172.

гого («приспособление» предметов, являющихся средствами, к удовлетворению потребности)»¹. По мнению ученого цель «всегда выступает как неразрывное единство потребности, средств и путей практического действия...»².

Взяв за основу такое понимание, определим содержание целеполагания общественного объединения через следующие составные элементы: согласованная и взаимообусловленная потребность индивидов в совместной некоммерческой деятельности (основа формирования целеполагания, её соотнесение с будущим результатом деятельности); правовые средства, способствующие достижению цели в процессе реализации правосубъектности общественного объединения (к таким мы относим имущество, орган общественного объединения, его устав и т. п.); способы практического действия по связыванию того и другого (формально-определенные правила использования имущества, формирования и изъятия воли общественного объединения, в том числе посредством использования его органов).

Таким образом, в содержание целеполагания общественного объединения включается не только постановка цели на основе нематериальных потребностей индивидуумов, но и средства, способствующие их достижению, к которым в случае вступления общественного объединения в гражданский (хозяйственный оборот) относится имущество³.

Профессор В.Л. Гавель обоснованно считает, что «...очень важно указание на необходимость материальных предпосылок цели, т. к. цель может иметь «дурную субъективность», т. е. не согласовываться ни с объективными закономерностями, ни с материальными ресурсами»⁴. В особенности это относится к такому общественному объединению как общественный фонд, имущество которого способствует реализации нематериальной цели объединившихся граждан. «Для того, чтобы быть реальными, а не беспочвенными мечтаниями, цели должны отражать объективные закономерности предмета целеполагания и материальные возможно-

¹ Котин В.Н. Процесс познания цели: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Калинин, 1968. С. 4.

² Котин В.Н. К проблеме определения понятия «цель» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. Философия. 1968. № 1. С. 34.

³ См.: Артеменков, В.К. Целеполагание как системообразующий критерий общественного объединения // Политика и общество. 2018. № 1. С. 25 - 34.

⁴ Гавель В.Л. Указ. соч. С. 23.

сти реализации. Только в этом случае результатом целеполагающей деятельности будет достижение желаемого, превращение модели в реальность»¹.

В этой связи вполне оправданно законодательное закрепление права собственности общественных объединений, являющихся юридическими лицами, на земельные участки, здания, строения, сооружения, жилищный фонд, транспорт, оборудование, инвентарь, имущество культурно-просветительного и оздоровительного назначения, денежные средства, акции, другие ценные бумаги и иное имущество, необходимое для материального обеспечения деятельности общественного объединения, указанной в его уставе (статья 30 ФЗ «Об общественных объединениях»).

В то же время вызывает возражение закрепление в законе права общественных объединений осуществлять предпринимательскую деятельность. На необходимость ограничения такого права указывают и цивилисты².

Оценивая значение института юридического лица в гражданском праве профессор Е.А. Суханов, поясняет, что «надо прежде всего ясно понимать, что конструкция юридического лица создает известную опасность для имущественного оборота, ибо его учредители заведомо ограничивают свою ответственность перед всеми другими его участниками, по сути, перекладывая на них свои имущественные риски. Поэтому использование конструкции юридического лица всегда связано с определенными ограничениями, составляющими известные гарантии для участников имущественных отношений от возможных злоупотреблений этим институтом (к числу которых относится, в частности, требование наличия минимального уставного капитала) ...»³.

Общественные объединения, являющиеся юридическими лицами, в этой связи представляют опасность не только для хозяйственного оборота, но и для самих себя, рискуя в случае неисполнения обязательств имущественного характера, разрушить целостность объединения граждан. При том, что имущество обще-

¹ Гавель В.Л. Указ. соч. С. 58.

² Суханов Е.А. Опасные юридические лица // «ЭЖ-Юрист». 2008. № 47.

³ Суханов Е.А. О Концепции развития законодательства о юридических лицах // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 9.

ственных объединений не имеет своим предназначением быть использованным в целях осуществления предпринимательской деятельности, а сопутствует нематериальной цели объединившихся граждан. Именно в этом качестве как средство достижения общественно полезной цели оно включается нами в целеполагание некоторых общественных объединений, являющихся юридическими лицами (например, общественного фонда). Ведь как писал профессор Р. Иеринг: «ни у личности, ни у общества, ни у государства мы не найдем такой цели или такой задачи, которым бы имущество не споспешествовало самым действительным способом»¹.

Наличие необходимых средств, способствующих общественному объединению в достижении цели, в том числе имущества делает его целеполагание конкретным, закладывая в ее основу объективную и реально-достижимую цель определенными методами и средствами. В этом отличие целеполагания юридической личности общественного объединения от цели-мечты человека, «... которая не содержит конкретного знания и не связана со средствами осуществления, т. е. предмет цели-мечты существует отдельно от средств, или они еще не найдены»². Для реализации правосубъектности (целеосуществления) необходимо достичь баланса между реальными возможностями (готовностью осуществлять деятельность) и средствами их достижения, к которым могут относиться и материальные средства.

Однако превозносить значение имущества для общественных объединений, олицетворяя его в качестве субъекта права, не следует, т. к. это неминуемо ограничит их познание лишь целями хозяйственного оборота. Поэтому вполне объяснимо, что к отношениям по осуществлению некоммерческими организациями своей основной деятельности, а также к другим отношениям с их участием, не относящимся к предмету гражданского законодательства (статья 2 ГК РФ), правила ГК РФ не применяются, если законом или уставом некоммерческой организации не предусмотрено иное (пункт 6 статьи 50 ГК РФ). Это позволяет сделать вывод о

¹ Иеринг Р. Фон. Указ. соч. С. 55.

² Гавель В.Л. Указ. соч. С. 26.

том, что законодатель не обязывает общественное объединение, являющиеся некоммерческим юридическим лицом, уставом которого не предусмотрено осуществление приносящей доход деятельности, иметь имущество для того что бы стать участником (субъектом) правоотношений, не относящихся к предмету гражданского законодательства.

В настоящее время согласно статье 37 ФЗ «Об общественных объединениях» общественные объединения могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению уставных целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям. Общественные объединения могут создавать хозяйственные товарищества, общества и иные хозяйственные организации, а также приобретать имущество, предназначенное для ведения предпринимательской деятельности.

Такое право размывает сущность общественного объединения как самодостаточного некоммерческого формирования, создает угрозу его системной целостности, ставя в условия предпринимательского риска.

В случае создания общественным объединением хозяйственного товарищества, общества или иной хозяйственной организации возникает целевой диссонанс, вызванный наложением некоммерческой цели общественного объединения на коммерческую цель, учрежденных ей организаций. Ведь изначально граждане объединяются в целях удовлетворения своих нематериальных потребностей, достижение которых не находится в прямой зависимости от необходимости участия в торговом обороте.

Это не исключает возможности получения общественными объединениями сопутствующих их основной цели материальных ресурсов, в том числе в виде пожертвований (статья 582 ГК РФ). Однако получение таких ресурсов не должно быть их самоцелью.

Обращают на себя внимание новые тенденции гражданского законодательства, отошедшего от понятия «предпринимательская деятельность некоммерческих организаций» в пользу регулирования приносящей доход деятельность, если это предусмотрено уставами некоммерческих организаций, лишь постольку, по-

скольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям (пункт 4 статьи 50 ГК РФ).

Профессор Т.В. Сойфер в этой связи отмечает, что «с позиций экономической теории некоммерческие организации, как и все иные субъекты рыночной экономики, заботятся о собственных доходах, что способно сосуществовать с их основной целью, состоящей в достижении общественно полезных благ. Подобное сочетание достигается посредством подчинения экономических интересов некоммерческих организаций их стремлению как можно полнее реализовать свое общественное предназначение»¹.

Полагаем, что общественные объединения, являющиеся некоммерческими юридическими лицами, составляют обособленную группу некоммерческих организаций, именно в силу их природной самодостаточности, обусловленной самим фактом объединения граждан в целостность, существующей для них и ради них, а уже потом для пользы остальных. Поэтому в целеполагание общественных объединений не включается коммерческая цель деятельности, но и не отвергается получение ими дополнительных материальных ресурсов в результате самого существования такого объединения, в особенности если оно преследует достижение общественно полезных целей.

В силу прямого указания ФЗ «Об общественных объединениях» общественными объединениями, преследующими общественно полезные цели, являются общественное движение (статья 9) и общественный фонд (статья 10). В деятельности других общественных объединений такая цель законом не исключается, что соответствует признаку их самодостаточности. Ведь объединение граждан остается самодостаточным при осуществлении любой некоммерческой цели, удовлетворяющей как потребности только объединившихся граждан, так и других лиц, общества и государства. Поэтому государство не только обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений, но и оказывает поддержку их деятельности, законодательно регулирует предоставление им нало-

¹ Сойфер Т.В. Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 25–26.

говых и иных льгот и преимуществ. Государственная поддержка может выражаться в виде целевого финансирования отдельных общественно полезных программ общественных объединений по их заявкам (государственные гранты); заключения любых видов договоров, в том числе на выполнение работ и предоставление услуг; закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в рамках выполнения различных государственных программ у неограниченного круга общественных объединений в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (статья 17 ФЗ «Об общественных объединениях»).

Целеполагание общественного объединения конкретизируется в зависимости от его организационно-правовой формы (здесь уместно вспомнить суждения Аристотеля о форме, она же цель), упорядочивающей структурные элементы (воли) в единое целое и определяющей основные параметры функционирования системной целостности, выбор и использование правовых средств, направленных на достижение цели, содержание этой цели (коммерческое или некоммерческое) и т. д. Как пишет профессор М.Г. Макаров: «цель, таким образом, относясь к категориальной группе детерминизма, близка в то же время другой группе категорий, выражающих закономерность расположения связей явлений, существенные черты расчлененности и строения действительности. Расположение категории цели в месте соприкосновения, взаимоналожения указанных двух категориальных групп дает, в частности, повод для отождествления ее с формой, целостностью, порядком, структурой»¹. Предназначение организационно-правовой формы с точки зрения закона, придающего ей формальную целевую определенность, точно описала профессор О.А. Серова, указав, что эта «...форма является законодательным средством, приемом юридической техники, закрепляющим на уровне закона определенные параметры создания, функционирования и прекращения деятельности участников оборота»². Под «организационно-правовой формой юридического

¹ Макаров М.Г. Категория «цель» в марксистской философии... С. 184.

² Серова О.А. Указ. соч. С. 16.

лица» ученым «...понимается индивидуализирующая совокупность признаков конкретных правовых моделей классификационных видов юридического лица, определяющих назначение и сферу их применения в обороте»¹. Остается только найти приемлемый баланс между естественным возникновением новых договорных объединений лиц для осуществления совместной целевой деятельности в организационно-правовой форме общественного объединения и их законодательным оформлением. На что справедливо обратила внимание О.А. Серова, исследовав эволюционный принцип развития системы юридических лиц: «необходимо упреждающее формирование новых организационно-правовых форм, способных удовлетворить возникающие общественные потребности и обеспечить последующую трансформацию договорных конструкций в модель юридического лица»².

Таким образом, целеполагание представляет собой системообразующий критерий общественного объединения как системной целостности, необходимый для формирования в нем качеств субъекта права, который способен функционировать в правовой реальности через коммуникативную и диалогичную активность волевых элементов (людей, составляющих волевою основу юридической личности общественного объединения). Содержание целеполагания общественного объединения включает в себя следующие составные элементы: согласованная и взаимообусловленная потребность индивидов в совместной некоммерческой деятельности (основа формирования целеполагания, её соотнесение с будущим результатом деятельности); правовые средства, способствующие достижению цели в процессе реализации правосубъектности общественного объединения (имущество, орган общественного объединения и др.); способы практического действия по связыванию того и другого (формально-определенные правила использования имущества, формирования и изъятия воли общественного объединения посредством использования его органов).

¹ Серова О.А. Там же. С. 16.

² Серова О.А. Указ. соч. С. 12.

2.2. Человек как волевой элемент системной целостности общественного объединения

Создание общественных объединений обусловлено непосредственным волеизъявлением человека (физического лица), в результате чего формируется волеспособная юридическая личность – субъект права. При этом непосредственное волеизъявление человека (гражданина) позволяет ему образовывать волевой элемент новой правосубъектной юридической личности (источник её воли), что отражается в нормах права.

Так, под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения (статья 5 ФЗ «Об общественных объединениях»). Общественные объединения создаются по инициативе их учредителей – не менее трех физических лиц (статья 18 ФЗ «Об общественных объединениях»).

Если общественное объединение является некоммерческой корпоративной организацией, то согласно пункту 1 статьи 65.1 ГК РФ ее учредители (участники) обладают правом участия (членства) в ней и формируют ее высший орган в соответствии с пунктом 1 статьи 65.3 ГК РФ. К ним относятся общественные движения и общественные организации, в том числе политические партии и созданные в качестве юридических лиц профессиональные союзы (профсоюзные организации), органы общественной самодеятельности. Волевой элемент общественных учреждений и фондов, являющихся некоммерческими унитарными организациями, образуют их учредители (участники) – физические лица.

Непосредственное волеизъявление граждан при создании общественных объединений отличает их от юридических лиц, создаваемых исключительно публично-правовыми образованиями, в которых воля человека (гражданина), составляя единый источник волеспособности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований присутствует опосредованно.

том, что источником воли Российской Федерации являются её граждане, можно сделать вывод, проанализировав положение части 1 статьи 3 Конституции РФ, согласно которому носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

В понимании современных ученых народ определяется как «совокупность граждан государства, то есть государственно-правовое объединение людей, живущих в государстве и подчиненных принятым ими самими или их представителями законам»¹, «публично-организованная социальная общность»². Идею о народе как источнике власти в свое время развивали мыслители средневековья и Нового времени (М. Падуанский³, Б. Спиноза⁴, Ж.-Ж. Руссо⁵). Профессор Д.И. Луковская, изучив труды Ж.-Ж. Руссо пишет: «...общая воля воплощает гражданскую свободу социально равных индивидов, которую люди приобретают, согласно договору, «в обмен» на естественную независимость. Тем самым общая воля приобретает правовой характер и, в конце концов, облачается у Руссо в традиционные одежды классической доктрины естественного права. Отсюда – безусловная «правота общей воли и ее вечная соразмерность самой себе, пребывающей «вне» изменений общественных форм и т. п. Хорошо известен и ее источник – «природа человека», но на этот раз не «человека вообще», а человека-гражданина, который в этом качестве равен всякому другому человеку-гражданину»⁶. Поэтому народ, являясь носителем общей воли государства, является источником ее власти⁷. На это обстоятельство обратил внимание профессор Б.С. Эбзеев. Анализируя принцип суверенности Российской Федерации, ученый писал, что «суверенитет России основывается на суверенитете ее многонационального народа, воля которого является источником всякой публичной власти (государства, местного само-

¹ Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 178.

² Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001. С. 52.

³ Марсилиус Падуанский. Защитник мира. *Defensor pacis*. М., 2014. С. 64–194.

⁴ Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 2. М., 2013. С. 277–372.

⁵ Нерсесянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений С. 265–284.

⁶ Луковская Д.И. Жан-Жак Руссо / История политических и правовых учений. М., 1989. С. 126.

⁷ Здесь мы разделяем убеждение П.И. Новгородцева о том, что вся власть должна исходить от народа. (Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб., 2000. С. 210.)

управления)»¹. Волю как основу власти также рассматривали профессора М.А. Аржанов², Б.М. Лазарев и А.И. Лукьянов³.

Аналогичные рассуждения мы встречаем у французского теоретика права Л. Дюги, писавшего, что «...французская нация в своем теперешнем составе образует элемент личности французского государства. Последнее есть национальная корпорация, поскольку она облечена суверенитетом»⁴.

Ф.В. Мусатов, исследуя государство как правовую корпорацию, производную от граждан, пишет, что её целью является формирование общей воли – той правовой формы, в которой совмещаются, существуют и реализуются воли первичных субъектов права – граждан⁵. Классическим примером такой правовой формы является прямая демократия в Афинах. Один из ее «отцов-основателей», знаменитый оратор, полководец и стратег Перикл следующим образом описывал положение гражданина и управление в демократическом обществе. «Ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, не благонамеренным гражданином, бесполезным обывателем. Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами и за и против»⁶. Все свободные афинские граждане имели право участвовать в высшем органе государственной власти – Народном собрании⁷. Как отмечает профессор И.Ю. Козлихин: «граждане принимали решения сообща в буквальном смысле этого слова, они ощущали свою общность, так сказать, на эмпирическом, эмоциональном уровне»⁸. Справедливости ради, следует отметить, что в это же время на Ближнем Востоке процветала держава Ахеменидов, правитель которой (великий царь, царь царей) обладал не-

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М., 2009. С. (РГБ. 1.3. начало комментария).

² См.: Теория государства и права: учебник / науч. ред. М.П. Карева. М., 1949. С. 94.

³ См.: Дмитриев Ю.А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества // Государство и право. 1994. № 7. С. 28.

⁴ Леон Д. Конституционное право. Общая теория государства: монография / сост. А.Н. Барков и др. М., 2013. С. 58.

⁵ См.: Мусатов Ф.В. Государство как субъект права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2016. С. 52.

⁶ Хрестоматия по истории Древнего мира / сост. Е.А. Черкасова. М., 1991. С. 168.

⁷ См.: Сергеев В.С. История Древней Греции. СПб., 2002. С. 200, 266.

⁸ Козлихин И.Ю. Избранные труды. СПб., 2012. С. 78.

ограниченной властью. Это позволяет говорить о нем как единственном источнике воли государства, по своей правовой природе представляющего собой учреждение. Такое государство-учреждение, как верно заметил И.А. Ильин, существует для граждан, но не включает их в свой состав¹.

Государство как обособившуюся правовую сущность человека рассматривает профессор С.И. Архипов². Это позволило ученому определить источником общей воли государства-корпорации правовую личность человека как первичного субъекта права, объединенного правовой связью с волей других лиц. «В этой общей воле момент различия интересов субъектов содержится в снятом виде, но главное содержание ее составляет момент совместимости волей, их совместного сосуществования и совместной реализации»³. «Для правового государства, основывающегося на принципе первичности человека как субъекта права, на идее служения государства личности и осуществления им общей правовой воли, основу целостности составляет правовая связь между гражданами, наличие общей правовой воли»⁴.

Укреплению этой связи способствуют общественные объединения, которые Ф.Г. Шухов определяет через категории «институциональный базис гражданского общества» и «форму реализации гражданской активности»⁵.

Вне всякого сомнения, общественные объединения должны стать эталоном развития коммуникативных (диалогичных) связей между людьми, формируя каркас гражданского общества, так как в нем, по справедливому утверждению А.Ю. Сунгурова, «...в наибольшей степени сохранился сегодня приоритет моральных ценностей. Можно надеяться также, что именно отсюда реальные моральные стандарты распространяются на другие части гражданского общества — политическое сообщество (в виде отрицания имморализма в политике) и эконо-

¹ См.: Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Собрание сочинений: в 10 т. / сост. Ю.Т. Лисицы. М., 1994. Т. 4. С. 115.

² См.: Архипов С.И. Указ. соч. С. 368.

³ Архипов С.И. Указ. соч. С. 395–396.

⁴ Архипов С.И. Указ. соч. С. 457–458.

⁵ Шухов Ф.Г. Общественные объединения как институт гражданского общества: теоретико- и историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2015. С. 9.

мическое сообщество (в виде новой этики бизнеса или корпоративной морали)»¹. Поэтому общество, которое претендует на высший уровень самоорганизации, на то, чтобы именоваться гражданским, должно обеспечить создание всевозможных общественных объединений².

Даже в самых заурядных, казалось бы, формах общественных объединений, не ставящих перед собой достижение социально-значимых целей, осуществляется межличностная коммуникация, формирующая основу коллективного бытия новой правосубъектной личности.

Эта способствует становлению и распространению «...вширь тех принципиально новых для российского социума ценностей и мотивов, которые формируют активистскую гражданскую культуру»³.

Таким образом, создавая общественное объединение физические лица становятся источником его волеиспособности, одновременно формируя, к примеру съезд (конференцию) или общее собрание. При этом они переходят в новое юридическое состояние, реализуя собственную персонифицированную, индивидуальную волю.

Для целей настоящего исследования под юридическим состоянием нами понимается сфера правового регулирования элементов общественного объединения как системной целостности, в которой фиксируется их взаимосвязь. В правовой реальности юридическое состояние образуют нормы права и положения устава общественного объединения, которые фиксируют его целеполагание и правосубъектность, их образование, изменение и реализацию, а также определяют средства индивидуализации и специфику целевой взаимосвязанности волевых элементов общественного объединения как системной целостности, складывающейся в конкретной его организационно-правовой форме.

Согласимся с утверждением профессора В.З. Гущина в том, что «...право — не единственный нормативный регулятор определяющий положение обществен-

¹ Сунгуров А.Ю. Становление гражданского общества в Санкт-Петербурге и России // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 55–64.

² Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 450.

³ Воронцова Т.Н. Становление российского гражданского общества и общественные объединения: социокультурные основания и специфика: дис. ... канд. философ. наук. Новочеркасск. 2004. С. 115.

ного объединения в обществе, так как его деятельность регулируется не только правом. Многие социальные нормы вырабатываются самими общественными объединениями (так называемые корпоративные нормы), отраженные и закреплённые в их уставах и других учредительных документах. Они регулируют внутриорганизационные отношения – демократические принципы построения объединения, его структуру, указывают территорию, в пределах которой оно осуществляет свою деятельность, условия и порядок приема в члены общественного объединения, выхода из него, право и обязанности членов объединения, компетенцию и порядок образования руководящих органов, источники образования средств и иного имущества, порядок его использования, формы хозяйственной деятельности и т. д. В совокупности эти нормы определяют корпоративный статут общественного объединения»¹.

Воспринимая германскую правовую доктрину, устав общественного объединения мы рассматриваем в качестве его организационной основы, которая представляет собой длящееся состояние. После возникновения общественного объединения устав полностью отделяется от личности учредителей и начинает независимую правовую жизнь, становясь корпоративной конституцией нового субъекта права. Интересы и воля учредителей замещаются интересами и целями общественного объединения и его участников, которые с данного момента единственные имеют значение².

Формирование юридической личности общественного объединения происходит в результате интернализации человеком норм права и положений устава путем их признания и исполнения. При этом, как отмечает профессор Т. К. Примак «сама норма – это поведенческое ожидание «обобщенного другого», то есть поведение, которого ждет от нас в определенной ситуации любой другой член группы»³. Это позволяет множеству лиц вырабатывать и изъявлять единичную волю общественного объединения.

¹ Гущин В.З. Прокурорский надзор за соблюдением конституционного права на объединение: Вопросы теории и практики: дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 1998. С. 79.

² См.: Schmidt K. Gesellschaftsrecht. 3 Aufl. Koln, Berlin, Bonn, Munchen: Carl Heymanns, 1997. S. 80.

³ Примак Т. К. Антрополого-правовое исследование договора... С. 76.

Данное состояние отражает юридизацию человеческой личности, его бытия, когда человек как существо биологическое, попадая в сферу регуляции права, становится физическим лицом и в силу правового дозволения может обрести новое юридическое состояние, создав общественное объединение.

Юридическое состояние характеризует правовую сторону сущности общественного объединения, а человек как единственный источник воли – антропологическую. В результате их сочетания формируется антрополого-правовая сущность общественного объединения.

Правовую сторону сущности общественного объединения, являющегося юридическим лицом, изучали многие цивилисты. В частности, профессор А.В. Барков указывает, что «юридическое лицо можно определить как совокупность (подсистему) норм, устанавливающих правосубъектность юридического лица, способы ее реализации, порядок приобретения и изменения, а также особенности организационно-правовых форм организации»¹.

Следует отметить, что физическое лицо – категория, характеризующая человека в качестве субъекта права, также является его юридическим состоянием, которое человек обретает в рамках правового дозволения.

Ведь не случайно Г.Ф. Шершеневич в своем «Учебнике русского гражданского права» использует римский термин «*persona*» в значении «маска», а не «лицо», вкладывая в него исключительно юридический смысл. Е.В. Спекторский объяснял это тем, что «понятие физического лица является чем-то надэмпирическим, особым метафизическим придатком к реальному человеку. Это понятие является как бы метафизической маской, личиной, надеваемой на людей юриспруденцией, – подобно той маске с очень широким ртом этрусского происхождения, которую носили римские актеры и которая называлась *persona*»².

Отличие естественной (физиологической) природы человека от правовой природы подчеркивал И.П. Грешников. Ученый писал, что подобно тому, как «физическое лицо» не есть человек, так и «юридическое лицо» не есть конкретная

¹ Барков А.В. Реализация гражданской правосубъектности общественного объединения инвалидов в сфере социальной защиты: монография. Коломна, 2003. С. 70.

² Спекторский Е.В. Юриспруденция и философия // Юридический вестник. М., 1913. Кн. 2. С. 72–73.

организация, ибо конструкция «физическое лицо» – это фикция, посредник между реальным миром и миром права¹. О.А. Серова подтверждает данную мысль в своем диссертационном исследовании. «Несомненно, что человек также является в рамках правовой действительности правовой реальностью. Именно право создает некую искусственную оболочку для функционирования человека как правового института»².

В свое время на это обращал внимание Г.Ф. Шершеневич. Критикуя теорию фикции, он утверждал следующее. «В действительности всякий субъект есть создание объективного права. Субъекты – это те центры, около которых волей закона объединяются юридические отношения, образуя обособленные комплексы. Здесь мы обнаруживаем основную ошибку теории германистов, которые во что бы то ни стало искали в субъекте реальности, тогда как субъект права есть только юридическое представление, все равно, идет ли речь о юридическом или о физическом лице».³ Далее ученый справедливо указывает на то, что «физические и юридические лица есть продукты объективного права, но задачи у них разные»⁴. Объединяет их то, что «...субъектом права эмпирически всегда является человек – носитель статуса физического или должностного лица, либо коллективного субъекта»⁵.

По общему правилу общественное объединение считается созданным с момента принятия учредителями решения о создании общественного объединения, об утверждении его устава и о формировании руководящих и контрольно-ревизионных органов (часть 3 статьи 18 ФЗ «Об общественных объединениях»). При этом правоспособность общественного объединения как юридического лица возникает с момента государственной регистрации данного объединения (часть 4 статьи 18 ФЗ «Об общественных объединениях»).

¹ Грешников И.П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве. СПб., 2002. С. 36.

² Серова О.А. Указ. соч. С. 42.

³ Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 115–119.

⁴ Там же. 123–124.

⁵ Честнов И.Л. Практический поворот в современной философии права // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 71.

Указанные юридические факты и юридические составы являются основаниями перехода физических лиц в новое юридическое состояние.

Особым антропологическим основанием (критерием) перехода в новое юридическое состояние является возраст человека, решившего изменить свое индивидуальное юридическое бытие лица физического на коллективное в форме общественного объединения.

Так, согласно статье 19 ФЗ «Об общественных объединениях», учредителями, членами и участниками общественных объединений могут быть граждане, достигшие 18 лет; членами и участниками молодежных общественных объединений могут быть граждане, достигшие 14 лет; членами и участниками детских общественных объединений могут быть граждане, достигшие 8 лет.

Юридическое состояние, относясь к сфере нормативно-правового регулирования, должно формироваться (закрепляться в законе и уставе) в процессе свободного развития человеческих общностей, отражающем результаты их внутренней правовой коммуникации, основанной на автономии воли. Поэтому обязательными признаками общественных объединений являются их добровольность и самоуправляемость (статья 5 ФЗ «Об общественных объединениях»), а их деятельность основывается на принципах добровольности, равноправия, самоуправления и законности. При этом общественные объединения свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов своей деятельности (статья 15 ФЗ «Об общественных объединениях»).

В свою очередь нормы законодательства об общественных объединениях, являющихся юридическими лицами, в их антрополого-правовом значении должны ориентировать сознание человека на его место в структуре юридической личности и позволять совершать юридически значимые и защищаемые свободные действия, направленные на формирование воли общественного объединения. Но, главное, они должны стать средством регламентации поведения (действий) человека как можно в большем количестве их видов, различных организационно-правовых формах юридических лиц.

Для этого необходимо расширить исчерпывающий перечень организационно-правовых форм общественных объединений, содержащихся в статье 7 ФЗ «Об общественных объединениях», за счет включения в него иных некоммерческих, негосударственных юридических лиц, соответствующих признаку самостоятельности. К таковым мы относим следующие формы некоммерческих, негосударственных организаций: религиозные организации (объединения); общины коренных малочисленных народов Российской Федерации; казачьи общества; некоммерческие партнерства; автономные некоммерческие организации; ассоциации (союзы). Как верно отметил А.А. Уваров «все они, разумеется, являются общественными объединениями, исходя из смысла статей 13 и 30 Конституции РФ»¹.

Следует учитывать, что коммуникативные связи физических лиц, присутствующие в структуре общественных объединений, возникают в процессе их правового взаимодействия по конкретным вопросам осуществления деятельности общественного объединения. При этом нормы права обеспечивают согласованность поведения участников общественного объединения как субъектов права (физических лиц), их взаимодействие между собой. Внутреннее содержание такого согласованного взаимодействия можно определить с позиции профессора Т. К. Примак как «...необходимую потребность и способность к объединению, процесс, направленный на совместную деятельность, установление и поддержание отношений»². Профессор Дж. К. Лафта также считает, что «условием возникновения любой организации выступает необходимость осуществления некой сложной целевой совместной деятельности. При этом появляется инстанция, выполняющая функции объединения, регламентации поведения людей и координации разнонаправленных их условий»³.

Внешним выражением общей правовой связи является согласование индивидуальных волей, формирующих единичную волю общественного объединения.

¹ Уваров А.А. Вопросы конституционно-правового статуса общественных некоммерческих организаций // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 39–42.

² Примак Т. К. Институт договора: теоретико-правовые вопросы... С. 49.

³ Лафта Дж.К. Теория организации: учеб. пособие. М., 2003. С. 13.

Целеполагание общественного объединения в свою очередь, как мы показали выше, определяет границы правовой коммуникации людей в структуре юридической личности, а имущество как правовое средство сопутствует достижению общей цели, объединившихся граждан.

Будучи единственным источником (носителем) воли, человек может утверждать, что олицетворяет собой право и способен созидать свое бытие не только в правовой внешности лица физического, но и общественного объединения (новой форме его юридической жизни).

Поэтому общественное объединение в действующих правовых реалиях закономерно определить через родовую категорию физического лица (сообщества лиц) в юридическом состоянии (новой правовой внешности человека), которое образуют нормы права. При этом следует иметь в виду, что антрополого-правовую сущность общественного объединения отражает социально-правовое свойство человека вырабатывать волю, которую сообщество физических лиц реализует в новом юридическом состоянии, внешне выраженном нормами права и положениями устава.

В указанном доктринальном определении сочетаются антропологический аспект (любое физическое лицо является человеком) и правовой (категории «физическое лицо» и «юридическое состояние» являются правовыми).

Профессор О.А. Пучков, анализируя особенности антропологического знания в правоведении, писал, что оно «...не столько фиксирует внешние аспекты объектов знания (хотя и это важно), сколько вскрывает внутренние характеристики и особенности изменяющегося объекта, а также внутренние, устойчивые, повторяющиеся связи, имеющие в качестве своей основы родовую сущность человека»¹.

Так вот, юридическое состояние отражает правовую сущность общественного объединения, характеризуя внешнюю сторону бытия человека как волевого элемента юридической личности, который в свою очередь составляет его структуру (внутреннее содержание) во взаимосвязи с целеполаганием и имуществом (в

¹ Пучков О.А. Антропологическое постижение права. Екатеринбург, 1999. С. 56.

гражданском обороте). Указанным образом общественное объединение определяется субъектом права для себя и для других.

В свое время профессор Т. К. Примак, рассматривая юридическое лицо в качестве организационной структуры, основу которой составляет объединение субъектов, осуществляющих нормативное взаимодействие, пришла к выводу, что её «внешние рамки задаются императивными предписаниями, внутренние связи выстраиваются по договорной модели. Это позволяет коллективному образованию приобретать необходимую гибкость и быстро реагировать в ответ на угрозы рисков, сохраняя внутреннюю целостность и организационное единство»¹. Указанный вывод в полном объеме может быть перенесен и на общественные объединения.

При таком подходе достигается гармония между внутренней антрополого-правовой сущности общественного объединения, основу которого составляет человек, его права и свободы и внешним нормативно-правовым регулированием его бытия в форме юридической личности общественного объединения. Такое сочетание, на наш взгляд, дает перспективу концептуальному соединению достижений юридического позитивизма в разработке внешней (юридической) формы общественных объединений и завоеваний юснатурализма в деле защиты прав и свобод человека как инвариантного элемента системной целостности общественного объединения.

Использование родовой категории «физическое лицо» указывает на производность правовой личности общественного объединения от лица физического, которое в свою очередь само как субъект права формируется в результате абстрагирования от качеств, связанных с его человеческой природой, не представляющих существенное значение для права. Закономерно, что С.И. Архипов, углубляясь в содержание теоретического понятия субъекта права, создаваемого в результате абстракции, обнаружил перед собой «правовой слепок с человека, приложи-

¹ Примак Т. К. Указ. соч. С. 382.

мый в равной мере к государству, к коммерческой, некоммерческой организации, а также к индивиду»¹.

Разумеется, у физического лица и общественного объединения имеется множество отличий, обусловленных их природой. В новом юридическом состоянии физическое лицо в структуре юридической личности общественного объединения вырабатывает волю соразмерно своей новой природе, за рамками которой остаются все физиологические (биологические) процессы человека.

Схожую позицию высказал профессор С.И. Архипов, анализируя общеправовую сущность юридического лица. Ученый пришел к выводу, что она состоит в том, что «юридическое лицо есть правовая личность, созданная синтетическим путем: посредством выделения, обособления части правовых качеств, свойств, других элементов правовой личности человека (не связанных с его частным, «физическим» существованием) и последующего их объединения в новой форме (в рамках новой правовой внешности) в целях наиболее полной реализации его социально-правовых интересов»².

Человек в качестве физического лица является носителем множества социально-правовых функций, выполняя разные роли (родителя, мецената, учителя, стороны в договоре и т. д.), ему присуще множество потребностей, интересов, привычек, пристрастий, знаний и умений. Юридическое состояние ограничивает разветвленную социально-правовую структуру человека, оставляя только необходимое для своего существования свойство вырабатывать волю, которое, в том числе, необходимо для признания его субъектом права.

Новое юридическое состояние человека функционально организывает его с другими физическими лицами в однородный коллектив и придает коллективу статус субъекта права. Индивидуумы, взаимосвязанные единым юридическим состоянием, неразрывно существуют в рамках целого, в связи друг с другом. При этом субъективная личность каждого мыслится в соотношении с другими и является для всех других единичностью.

¹ Архипов С.И. Указ. соч. С. 121.

² Архипов С.И. Указ соч. С. 79.

Указанным образом граждане реализуют свое естественное право на объединение, закрепленное в части 1 статьи 30 Конституции РФ. Такое объединение может быть нацелено на совместную реализацию конституционных прав, таких как право на свободный поиск, получение, передачу, производство, распространение информации любым законным способом, право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Д.А. Малый проанализировав субъективное конституционное право граждан на объединение сделал вывод о том, что оно реализуется физическими лицами «...как в форме непосредственного объединения друг с другом, так и через юридические лица»¹. При этом его реализация юридическим лицом имеет производный характер «...от соответствующих прав физических лиц – участников этих юридических лиц»².

Согласно статье 3 ФЗ «Об общественных объединениях» право граждан на объединение включает в себя право создавать на добровольной основе общественные объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей, право вступать в существующие общественные объединения либо воздерживаться от вступления в них, а также право беспрепятственно выходить из общественных объединений.

Объединившись в целостность, граждане составляют источник ее воли, что позволяет распространить на общественное объединение механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина. Так, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский суд) исходит из того, что права, которые присущи физическим лицам, могут в определенной мере рассматриваться в свете реализации права на объединение.³

¹ Малый Д.А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук, Саранск, 2002. С. 74.

² Малый Д.А. Указ соч. С. 8.

³ См.: Постановления ЕСПЧ от 26.10.2000 по делу «Хасан (Hasan) и Чауш (Chaush) против Болгарии», от 17.02.2004 по делу «Горжелик (Gorzelik) и другие против Польши» // СПС «Консультант Плюс», от 05.10.2006 по делу «Московское отделение Армии Спасения против России» // СПС «Консультант Плюс», от 01.10.2009 по делу «Кимля и другие против России» и от 10.06.2010 по делу «Свидетели Иеговы» в Москве и другие против России» // СПС «Консультант Плюс».

Например, в § 88 постановления Европейского суда по правам человека от 17.02.2004 указано, что предусмотренное статьей 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на свободу объединения включает также право создавать общественные объединения. Возможность учредить юридическое лицо для осуществления совместных действий в целях защиты взаимных интересов является одним из самых важных элементов свободы объединения, без которого это право не имело бы смысла (см. Постановление Европейского суда по делу «Сидирупулос и другие против Греции» (Sidiropoulos and Others v. Greece) от 10 июля 1998 г., Reports of Judgments and Decisions 1998-IV, p. 1614, § 40)¹.

Далее в § 59 постановления ЕСПЧ от 05.10.2006 повторяется, что право на создание ассоциации является неотъемлемой частью права, изложенного в Статье 11 Конвенции. То, что граждане должны обладать правом создания юридического лица в целях совместной деятельности в области взаимного интереса, является одной из наиболее важных сторон права на свободу ассоциации, без которого это право будет лишено какого-либо смысла².

Аналогичный подход воспринял Конституционный Суд РФ, активно принимающий к своему производству жалобы общественных объединений³. Приведенные примеры национальной и международной судебной практики свидетельствуют об их ориентированности, прежде всего, на антрополого-правовое понимание сущности общественного объединения, в том числе являющегося юридическим лицом, в основе которого лежит свобода ассоциации (межличностной коммуникации и диалогичности) людей.

¹ Постановление ЕСПЧ от 17.02.2004 «Дело «Горжелик (Gorzelik) и другие против Польши».

² Постановление ЕСПЧ от 05.10.2006 «Дело «Московское отделение Армии Спасения (Moscow Branch of the Salvation Army) против Российской Федерации» (жалоба № 72881/01) // СПС «Консультант Плюс».

³ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной».

Ведь как писал И.А. Ильин: «Человек может быть свободен только под законом и перед законом, и эта законная свобода будет тем прочнее и полнее, чем больше человек опирается на внутреннюю свободу»¹. При таком понимании основным конституирующим элементом общественного объединения является человек, его коммуникативные связи внутри общности, позволяющие ей быть воле-способным субъектом права. Только в таком качестве человек может утверждать, что «внутри себя самого он обладает масштабом права»² и способен быть создателем своего правового бытия в форме общественного объединения.

Переход физического лица в юридическое состояние общественного объединения, являющегося юридическим лицом, фиксируется актом органа государственной власти, отражающим момент установления длящейся связи юридического лица с государством в форме контроля.

Указанным образом происходит процедура государственной регистрации общественных объединений в качестве юридических лиц, которая представляет собой акт уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемый посредством внесения в государственный реестр сведений о создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц (статья 1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»³ (далее – ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»)).

Анализируя природу актов регистрации, осуществляемой государственными органами, О.А. Красавчиков писал, что они являются разновидностями актов государственного контроля, которые служат средством выражения государственного отношения к неким гражданско-правовым связям, складывающимся вне инициативы данного органа управления, и содержание которых определяется в соответствии с законом самими сторонами гражданского правоотношения⁴. «Акт регистрации есть специфическая форма взаимоотношений общественных объеди-

¹ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 254.

² Гегель Г.Ф. Философия права... С. 18.

³ Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431 (с посл. изм.).

⁴ См.: Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. 1958. С. 126–127.

нений с государством. Она определяет основные требования к содержанию их уставов, отражающих важнейшие элементы правового статуса общественного объединения... Процедура регистрации предусматривает далее определение соответствия устава общественного объединения требованиям законодательства. Органы юстиции анализируют документы, подтверждающие вид общественных объединений. Такие органы вправе осуществлять проверку достоверности представленных для регистрации документов и иные действия, предусмотренные законодательством»¹. Д.М. Овсянко определяет государственную регистрацию общественных объединений как «...форму государственного контроля за их целевым назначением»².

По нашему мнению, решение о переходе в юридическое состояние может приниматься человеком самостоятельно и не требует специального разрешения государственного органа, который в свою очередь фиксирует факт формирования юридической личности, тем самым выполняя функцию контроля. При этом возникает вопрос о влиянии данного инструмента государственного контроля на правосубъектность юридического лица.

По общему правилу правоспособность общественного объединения как юридического лица возникает с момента государственной регистрации данного объединения (статья 18 ФЗ «Об общественных объединениях»). Эта норма корреспондируется пункту 3 статьи 49 ГК РФ, согласно которому правоспособность юридического лица возникает с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный реестр сведений о его прекращении. И такое правило вполне соответствует существующему положению дел, при котором в исключительной власти государства решать, кто будет субъектом права.

Однако полагаем, что цели контрольной функции государства можно достичь и без указания на момент возникновения правоспособности общественного объединения, закрепив в законе (вместо части 4 статьи 18 ФЗ «Об общественных

¹ Агапов А.Б. Некоторые проблемы информационно-правового обеспечения деятельности общественных организаций в РФ // Государство и право. 1994. № 2. С. 101–102.

² Овсянко Д.М. Административное право: учебное пособие. М., 1997. С. 17.

объединениях») положение о том, что реализовывать правосубъектность общественное объединение как юридическое лицо вправе с момента внесения в единый государственный реестр сведений о его создании. В таком случае государство оправданно поставит под контроль действия общественного объединения, направленные на приобретение и осуществление гражданских прав, создание гражданских обязанностей и их исполнение (дееспособность), и будет исходить из факта существования субъекта права, что согласуется с частью 3 статьи 18 ФЗ «Об общественных объединениях», а не императивно определять момент возникновения его правоспособности. Ведь под государственным контролем должна находиться деятельность общественных объединений, а не их антрополого-правовая сущность, которой должны соответствовать нормы права. В этом плане нам близка позиция С.С. Юрьева, который считает, что «...для более глубокой реализации права на ассоциацию необходимо внести в законодательство норму, согласно которой общественные объединения являются юридическими лицами с момента своего создания. Данное положение будет соответствовать и международным нормам, и исторической традиции, и правовой природе общественных организаций»¹.

Вместе с тем действующий правопорядок относит государственную регистрацию к обязательному атрибуту, определяющему факт существования общественного объединения как юридического лица (часть 4 статьи 18 ФЗ «Об общественных объединениях», пункт 2 статьи 48, пункт 3 статьи 49 ГК РФ). В связи с этим процесс государственной регистрации является неотъемлемой частью процесса формирования юридической личности (создания общественного объединения в качестве юридического лица), в котором переход человека в юридическое состояние должен соответствовать требованиям законодательства о государственной регистрации юридических лиц.

Таким образом, процесс формирования юридической личности физическим лицом обусловлен совокупностью следующих юридических фактов, предусмотренных законом:

¹ Юрьев С.С. Правовой статус общественных объединений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 20.

– согласованием воли отдельных индивидов (учредителей), результатом которого является принятие решения о создании общественного объединения, об утверждении его устава и о формировании руководящих и контрольно-ревизионных органов принимаются на съезде (конференции) или общем собрании;

– принятия уполномоченным государственным органом акта государственной регистрации, определяющего момент возникновения правоспособности общественного объединения как юридического лица.

Подводя итог главы, хотелось бы отметить, что общественное объединение в объективной реальности отражено: в образе своего непосредственного понятия (внутренних свойствах, присущих только ему); во внешнем проявлении – собственности и управление ею; в достижении цели физических лиц, реализации целеполагания и ликвидации общественного объединения.

В антрополого-правовой природе общественного объединения содержится момент социальности и внутренний момент тождества индивидуумов, их коммуникативности и диалогичности, объективирующихся в практиках. Субъективным исходным пунктом общественного объединения может являться акт чьей-то воли; но объективным исходным пунктом является свободное согласие лиц, причем согласие на то, чтобы составить одно лицо, отказавшись в этом единстве от своей природной и единичной личности. Индивид в повседневности остается единичностью, но в то же время имеет отношение и к общности в качестве ее волевого элемента. Формальным условием перехода физического лица в юридическое состояние является принятие решения о создании общественного объединения, об утверждении его устава и о формировании руководящих и контрольно-ревизионных органов.

Переходя в новое юридическое состояние, человек стремится реализовать свое естественное право на объединение, восполнить недостающую ему коммуникацию, вступив в диалог с другим. Отношения между индивидуумами строятся на субстанциональной основе: чувстве целесообразности и законе, они изначально должны обладать предметностью – целью, в системе юридического лица

трансформирующей в целеполагание, которое является элементом единения различных индивидуальных произволов в целое.

Сущностное значение здесь приобретает взаимосвязь человека (правовой воли) и целеполагания как элементов системной целостности общественного объединения – субъекта права.

Глава 3. Антрополого-правовая природа правосубъектности общественного объединения

3.1. Правоспособность и дееспособность общественного объединения

Взаимосвязь между людьми (волевыми элементами), систематизирующим критерием которой является целеполагание образует структуру общественного объединения как системной целостности, у неё возникают качественные характеристики необходимые субъекту права, появляется способность иметь права, своими действиями приобретать и осуществлять их, нести обязанности, создавать их для себя и исполнять (правосубъектность).

Как и многие ученые (П.И. Стучка, С.Н. Ландкоф, С.Н. Братусь, О.С. Иоффе, С.Ф. Кечекьян, Ю.К. Толстой, О.А. Красавчиков, Б.Б. Черепяхин, В.А. Тархов) к структурным элементам правосубъектности мы относим правоспособность и дееспособность¹.

Однако, как верно отметил профессор Ю.И. Гревцов: «Если вдуматься в содержание понятий правоспособности и дееспособности, каждое из которых обозначает способность (способность иметь права, способность своими действиями осуществлять свои права, исполнять обязанности), то становится очевидным, что субъект права (в качестве творения закона) есть лицо, находящееся в состоянии полного покоя и лишь потенциально готовое к действиям. Но не действующее. Потому, что правоспособность не есть обладание субъективными правами, а только возможность такого обладания. Понятие дееспособности также не отражает особенностей реального использования или защиты субъективного права, исполнения юридических обязанностей, а обозначает только способность лица это делать. Получается, что мы кое-что знаем о субъекте права, так сказать, в статике и почти ничего не знаем о действующем субъекте права (в динамике)»².

¹ Подробнее об этом см.: Исаева Т.В. Становление и формирование институтов гражданской правоспособности и дееспособности в XIX – начале XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 107–111; Шигабутдинова А.Л. Правосубъектность и реализация права: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Казань, 2011. С. 7–8, 12, 18.

² Гревцов Ю.И. Субъект права // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб., 2014, Вып. 1. С. 34.

Основой правосубъектности общественного объединения является правоспособность. Антрополого-правовой подход, определяющий человека источником всего правового, позволяет рассмотреть данную социально-правовую категорию не просто в качестве одного из элементов правосубъектности¹, но и как особое правовое свойство, интегративное качество юридической личности, обуславливающую её связь с правопорядком. В таком качестве правоспособность, как указывает профессор С.И. Архипов, является первой стадией (этапом) развития правосубъектной связи, заключая в себе исходное и самое формальное (самое абстрактное) определение субъекта права².

Абстрактность существа правоспособности отмечал в своих работах профессор С.Н. Братусь, указывая, что правоспособность как самостоятельная категория имеет значение и ценность лишь в качестве выражения абстрактно, т. е. общей возможности быть носителем прав и обязанностей³. С.Ф. Кечекьян также считал, что данную категорию нельзя конкретизировать какими-либо правами и обязанностями носителем, которых может быть лицо или ставить в зависимость от норм права, влияющих на возможность поведения субъекта⁴. Изложенная точка зрения на протяжении многих лет последовательно доказывалась С.М. Корнеевым, утверждавшим, что правоспособность является неотъемлемым качеством, основой для правообладания, ее нельзя смешивать с конкретными субъективными правами, приобретение которых означает реализацию правоспособности⁵. Разделяется она и многими современными учеными. В частности, И.П. Политова рассматривает правоспособность в качестве меры возможного поведения субъекта, предоставляемой объективным правом, как юридическую способность⁶.

Базовый характер правоспособности означает её первичную роль в формировании правосубъектной связи общественного объединения с правопорядком.

¹ В юридической литературе распространено деление правосубъектности юридического лица на два элемента: правоспособность и дееспособность. См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948. С. 615; Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. Л., 1957. С. 55–56; Красавчиков О.А. Социальное содержание правоспособности // Правоведение. 1960. № 1. С. 12–25.

² См.: Архипов С.И. Указ. соч. С. 139.

³ См.: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 6–7.

⁴ См.: Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 31–34.

⁵ См.: Советское гражданское право: учебник / отв. ред. В.П. Грибанов, С.М. Корнеев. М., 1979. С. 104.

⁶ Политова И.П. Категория воли в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 9.

По этому поводу профессор Г.Ф. Шершеневич писал, что «дееспособность предполагает правоспособность: дееспособные должны быть правоспособны, тогда как правоспособные могут и не быть дееспособны»¹.

Правоспособность и дееспособность общественного объединения возникает одновременно, что обусловлено вступлением в общность правосубъектных физических лиц, способных к образованию целостности. В ФЗ «Об общественных объединениях» это нашло отражение в положении, согласно которому с момента принятия решения о создании общественного объединения, об утверждении его устава и о формировании руководящих и контрольно-ревизионного органов общественное объединение считается созданным (статья 18).

Законодатель считает этого достаточным для установления связи между образовавшимся сообществом граждан и правопорядком, что позволяет говорить о наличии у данного общественного объединения социальной предпосылки быть субъектом права, которой и является правоспособность. Как указывает профессор С.Н. Братусь «правоспособность – это только возможность быть субъектом всех тех прав и обязанностей, которые признаны и допущены объективным правом»².

Процесс объединения граждан в системную целостность (реализация их права на объединение) сопровождается формированием совместной цели деятельности, которая становится общей, а не индивидуальной целью (целеполаганием общественного объединения).

Таким образом, если рассматривать правоспособность в качестве первой стадии (этапа) развития правосубъектной связи общественного объединения с правопорядком необходимо подчеркнуть её целевой характер, определяющий общественное объединение в качестве деятельного субъекта права, предназначением которого является удовлетворение неимущественных потребностей объединившихся граждан и как следствие потребностей других людей, общества и государства.

¹ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 62.

² Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 5.

Следует отметить, что в отличие от общественного объединения правоспособность физического лица не имеет целевого предназначения, т. е. его абстрактные способности иметь права и нести обязанности не обусловлены целями дальнейшей деятельности гражданина.

Способности общественного объединения иметь права и нести обязанности также абстрактны, но имеют целевое предназначение, характеризующее его в качестве деятельного субъекта, в том числе юридического лица.

Г.Ф. Шершеневич отмечал: «если живому человеку нужна широкая правоспособность, поскольку своей единичной волей он может ставить себе различные цели и переходить от одной к другой, то юридическое лицо создается волей нескольких лиц, поставивших себе определенную цель... В учреждении нарушение воли учредителя, даже умершего, также привело бы к пренебрежению целью, ради которой осуществлялось пожертвование»¹. В.И. Синайский справедливо указывал, что «юридическое лицо правоспособно лишь в пределах той цели, для достижения которой оно установлено. Юридическое лицо должно иметь специальную правоспособность, дабы не господствовать над человеком»². Е.А. Суханов обосновывает, что «правоспособность юридических лиц предполагается целевой (специальной, ограниченной), допускающей их участие лишь в определенном, ограниченном круге гражданских правоотношений, ибо юридическое лицо по общему правилу может иметь только такие гражданские права, которые соответствуют определенным законом или учредительными документами целям его деятельности, и соответственно может нести лишь связанные с этой деятельностью обязанности»³.

Общественные объединения в свою очередь, как писал М.Я. Пергамент «обладают не только имущественной правоспособностью; им принадлежит частная правоспособность вообще, следовательно, права и обязанности, как есте-

¹ Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 123–124.

² См.: Синайский В.И. Указ. соч. С. 119–121.

³ См.: Суханов Е.А. Юридические лица как участники гражданских правоотношений // Гражданское право: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. М., 1998. С. 189.

ственным лицам, но лишь постольку, поскольку это дозволяется их свойствами и соответствует их целям»¹.

Содержание правоспособности как абстрактной категории, позволяющей определенному носителю социальных свойств быть субъектом права, можно раскрыть с различных сторон, характеризующих способность общественного объединения иметь права и нести обязанности.

С учетом ранее исследованных аспектов антрополого-правового понимания сущности общественного объединения можно указать такие элементы его правоспособности, как: во-первых, способность выступать в праве в качестве самостоятельного (автономного и обособленного) лица (внешняя правовая форма).

В новом качестве своего правового бытия человек в юридическом состоянии проявляет самостоятельность по отношению к другим субъектам права. Это достигается посредством структурирования (обособления) воли индивидуума в источник воли общественного объединения, определяемый её целевым предназначением. Вместе с тем новое юридическое состояние человека – это лишь его внешняя правовая форма, содержанием которой является вся совокупность свойств, качеств, присущих конкретному общественному объединению как субъекту права.

Во-вторых, способность вырабатывать и изъявлять волю (волеспособность как элемент правоспособности), реализовывать свои собственные цели и интересы. Данная способность позволяет формировать правосубъектность общественного объединения. Как верно отметил С.И. Архипов «само по себе лицо без воли – лишь правовая внешность (пустая правовая оболочка), воля составляет внутреннюю субстанцию лица как субъекта права, как правовой личности. Поэтому лишь условно можно отделить волеспособность от правового лица, лишить его внутреннего содержания, правовой субстанции»².

Ранее нами доказывалось, что источником воли общественного объединения являются физические лица, объединившиеся на основе общности интересов

¹ См.: Пергамент М.Я. К вопросу о правоспособности юридического лица. СПб., 1909. С. 8.

² Архипов С.И. Указ. соч. С. 144.

для реализации общих целей. Указанные лица, перейдя в юридическое состояние (создав общественное объединение), становятся его участниками или членами и получают право участвовать в формировании воли общественного объединения, т. е. образуют его волевой элемент.

В этой связи мы делаем вывод о том, что правоспособность физического лица является составляющим элементом правосубъектности общественного объединения, в том числе и его правоспособности. Другими словами, правоспособность общественного объединения формируется на основе правоспособности физического лица как первичного субъекта права. На этот факт обращает внимание и Д.В. Пятков, указывая, что физическое лицо – это гражданская правоспособность человека, но и юридическое лицо имеет тот же субстрат¹.

В-третьих, элементом содержания правоспособности общественного объединения выступает его способность осуществлять правовую деятельность, в том числе правоприменительную, об исполнении правовых решений (нормативных, судебных) и т. п. В отличие от физического лица абстрактная способность общественного объединения быть субъектом права определяет его готовность осуществлять деятельность, реализовывать правосубъектность. Однако в качестве субъекта правовой деятельности правоспособность общественного объединения можно определять лишь безотносительно к конкретному виду деятельности, т. е. абстрактно.

В-четвертых, в качестве элемента содержания правоспособности общественного объединения, обладающего способностью к воле и правовой деятельности, можно назвать его способность быть участником правоотношений, образующих правовую связь между ним и правопорядком. Кроме того, образуя единый источник воли общественного объединения, множество лиц создают и поддерживают между собой правовую коммуникацию, основанную на их индивидуальной правоспособности.

¹ См.: Пятков Д.В. Лица людей // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 33–40.

Рассмотренные элементы (способности общественного объединения), составляющие содержание его правоспособности, образуя особое правовое свойство юридической личности быть субъектом права.

Будучи основанной на правоспособности физического лица правоспособность общественного объединения по отношению к нему всегда будет специальной, что предопределено целевым характером создания общественного объединения как субъекта права. Для общественных объединений, являющихся юридическими лицами, это общее правило подтверждает статья 49 ГК РФ, закрепляющая наличие у юридического лица специальной правоспособности.

В свою очередь из специальной правоспособности можно выделить конкретно-определенную, когда в законе или уставе общественного объединения содержится исчерпывающий (законченный) перечень видов деятельности, которыми оно вправе или не вправе заниматься. Критерием выделения указанных видов правоспособности общественного объединения (специальной и конкретно-определенной) является степень самоограничения правоспособности физического лица (антрополого-правовой фактор), на основе которой формируется правоспособность юридической личности общественного объединения. Природу такого самоограничения можно охарактеризовать как отказ в процессе изменения правового бытия человека (учреждения общественного объединения) от реализации своего субъективного права, составляющего содержание правоспособности физического лица. В результате чего в новом юридическом состоянии у физического лица появляются новые правовые качества.

В соотношении с правоспособностью физического лица правоспособность общественного объединения как коллективного субъекта права будет уже, ибо как указывал О. Гирке, отпадают все права, связанные с человеческой индивидуальностью, например, семейные¹.

Таким образом, исходя из степени самоограничения правоспособности человека при создании юридического лица (антрополого-правовой фактор) можно выделить специальную правоспособность и конкретно-определенную.

¹ См.: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 98.

Определенную дискуссию в ученом сообществе вызвало положение части 3 пункта 1 статьи 49 ГК РФ, согласно которому в случаях, предусмотренных законом, юридическое лицо может заниматься отдельными видами деятельности только на основании специального разрешения (лицензии). Рассмотрим ее в плоскости проблемы правоспособности общественных объединений, являющихся юридическими лицами. Данный вопрос актуален, прежде всего, для общественных объединений осуществляющих предпринимательскую деятельность (статья 37 ФЗ «Об общественных объединениях»), образовательную деятельность (статья 91 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») и деятельность в области использования животного мира (статья 29 Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²).

Так, некоторые ученые считают, что «...при получении юридическим лицом лицензии на осуществление соответствующих видов деятельности его общая правоспособность трансформируется в специальную»³. Ж.А. Ионова относит лицензирование к основаниям возникновения специальной правоспособности⁴. К отдельному виду ограниченной правоспособности относит получение лицензии Н.В. Кванина⁵. Противоположную позицию заняла Н.В. Козлова⁶.

Полагаем, что в отношении общественного объединения – некоммерческой организации предоставление или отзыв лицензии не влияют на его правоспособность. Основной целью, которую преследует лицензирование, является обеспечение безопасности личности, общества и государства⁷. В связи с этим соискателю

¹ Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598 (с посл. изм.).

² Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735 (с посл. изм.).

³ Кванина Н.В. Высшее учебное заведение как субъект права: проблемы частного и публичного права. Челябинск, 2004. С. 43.

⁴ См.: Ионова Ж.А. Правовые проблемы легитимации предпринимательства // Государство и право. 1997. № 5. С. 46.

⁵ См.: Кванина Н.В. О видах правоспособности юридических лиц // Предпринимательское право. 2007. № 2. С. 15–17.

⁶ См.: Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 30.

⁷ См.: Бахрах Д.Н. Административное право: учебник для вузов. М., 1996. С. 45–46; Бельский К.С. Полицейское право: Лекционный курс / под ред. А.В. Куракина. М., 2004. С. 685–687; Валяев Ю.К. Метод разрешения в административном праве России: монография. М., 2009. С. 108; Зайцев К.А. Конституционно-правовой статус юридического лица в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9; Шохин Д.В. Сущ-

выдается разрешение на занятие определенной деятельностью (совершение действий) и реализуется последующий надзор за соблюдением правил и условий ее осуществления государственными органами власти.

В силу пункта 5 статьи 3 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹ (далее – ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности») соискателем лицензии может быть юридическое лицо, обратившиеся в лицензирующий орган с заявлением о предоставлении лицензии. Из этого положения следует, что за получением лицензии в разрешительный орган обращается уже правоспособное общественное объединение, являющееся юридическим лицом и обладающее способностью осуществлять лицензируемый вид деятельности. Вместе с тем реализовать данную способность оно вправе только после получения лицензии. Получив лицензию, юридическое лицо остается способным осуществлять иные виды деятельности. Поэтому не совсем правы авторы, определяющие получение лицензии именно как ограничение содержания уже существующего вида правоспособности².

Таким образом, правоспособность общественного объединения – это его способность как обладателя определенных социально-правовых свойств быть субъектом права, обнаруживая правовые связи с правопорядком, т. е. иметь потенциальную способность к воле и правовой деятельности, участвуя в различных правоотношениях, соответствующих его природе.

Выдача или приостановление (аннулирование) лицензии на осуществление видов деятельности, подлежащих лицензированию, являются актами государственного контроля, оказывающими влияние на реализацию дееспособности общественного объединения, но не на его правоспособность.

Положения статьи 49 ГК РФ относятся как к правоспособности (абзацы 1, 2 пункта 1, пункт 2, абзац 1 пункта 3, пункт 4 статьи 49 ГК РФ), так и дееспособно-

ность и назначение разрешительной системы // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2010. № 6. С. 63–64.

¹ Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

² См., например: Гражданское право: в 4 т. Том 1: Общая часть / под ред. Е.А. Суханова. М., 2008; Кодолова А.В. Особенности гражданско-правового статуса юридических лиц, эксплуатирующих экологически особо опасные объекты // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2009.

сти юридического лица, регулируя осуществление его деятельности (абзац 3 пункта 1, абзац 2 пункта 3 ГК РФ). В целях четкости правового регламентирования разных правовых категорий (правоспособности и дееспособности) и упрощения их применения предлагаем дополнить ФЗ «Об общественных объединениях» положением о правоспособности общественного объединения следующего содержания.

«Способность иметь права и нести обязанности, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в уставе общественного объединения (правоспособность общественного объединения), признается в равной мере за всеми общественными объединениями. Общественное объединение может быть ограничено в правах лишь в случаях и в порядке, предусмотренных законом. Решение об ограничении прав может быть оспорено общественным объединением в суде».

Если правоспособность общественного объединения является социально-правовой основой, образующей его первичную связь с правопорядком, то дееспособность представляет собой развитие этой связи, в которой абстрактные права юридической личности общественного объединения конкретизируются действиями по их приобретению и осуществлению.

Понятие дееспособности общественного объединения не содержит ни ФЗ «Об общественных объединениях», ни ГК РФ, однако это не означает ее отсутствия у данного субъекта права. Следует отметить, что сторонники фиктивности юридического лица, отрицающие у него наличие собственной воли, не признают за ним свойства дееспособности¹.

Вместе с тем, коль скоро общественное объединение, в том числе являющееся юридическим лицом, признается законом субъектом права, оно должно обладать не только правоспособностью, но и дееспособностью². Наличие у общественного объединения, зарегистрированного в качестве юридического лица, са-

¹ См.: Захаров В.А. Создание юридических лиц: Правовые вопросы. М., 2002. С. 33 – 34.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 125.

мостоятельной воли соответствует принципу автономии воли (пункт 2 статьи 1 ГК РФ), на что обращает внимание Д.А. Сумской¹.

Отказывая юридическому лицу в наличии собственной воли, сторонники теории фикции обосновывали это тем, что свою деятельность они осуществляют через органы, действия которых и признаются действиями юридического лица².

Противоположенную точку зрения высказал О. Гирке, считавший, что субъект права, будь то индивид или союз людей, всегда имеет в своей основе волю как пружину внешних движений³. В его представлении корпорации (учреждения) составляют вместе со своими органами единое целое. Из этого делался вывод о том, что организации так же, как и физические лица, обладают дееспособностью. В свою очередь объем дееспособности коллективного субъекта права произведен от объема его правоспособности, который, в свою очередь, определяется целями создания организации, закрепленными в уставе.

В этой связи Н.С. Суворов справедливо пишет о том, что «волевой и целевой моменты одинаково существенны для понятия субъекта права и взаимно обусловлены, ибо без воли не может быть достигнута цель, а без цели нельзя определить направление воли. Юридическое лицо есть носитель человеческой цели, которую правопорядок признает самоцелью через предоставление юридической силы воле, необходимой для достижения цели»⁴.

Как мы установили, в основе воли общественного объединения находится воля человека (физического лица), обусловленная целеполаганием общественного объединения и вырабатываемая по определенным правилам.

Указанное подтверждает Буркгард, считая, что «воля индивида может утратить свой индивидуалистический отпечаток, стать волей не индивидуалистического волевого центра, вступая в пределы, смежные с другими индивидуальными волями, отказываясь от изолированной независимости, связывая себя с ними и

¹ См.: Сумской Д.А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 18.

² См. напр.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. Ч. 1. М., 1997. С. 121; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 254.

³ См.: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 98.

⁴ См.: Суворов Н.С. Там же. С. 124.

взаимодействуя. В результате из отдельных взаимодействующих волей получается нечто такое, что, возможно, не соответствует полностью ни одной из них, но именно поэтому и не есть индивидуальная воля отдельного человека, а есть социальная воля собирательного множества и выразитель тех интересов, на служение которым поставило себя это множество»¹.

Общественное объединение, как и юридическое лицо, есть общественное образование, основой или «субстратом» которого являются люди, находящиеся в определенных отношениях между собой. Об этом в свое время писал С.Н. Братусь, обосновывая, что «будучи субъектом права, юридическое лицо способно формировать и изъяснять волю, составляющую необходимую предпосылку механизма действия права. Эта воля определяется и направляется целью, ради которой создано юридическое лицо. Психологическая воля в данном случае является той предпосылкой, без которой немыслима юридическая воля общественного образования как обьективированной и независимой от отдельных волений сферы возможного и осуществляемого поведения человеческого коллектива. Единство поведения этой группы людей является следствием общих для них условий материальной и духовной жизни, определяется общей целью, поставленной перед ними государством и т. д.»².

Дееспособность гражданина в соответствии с пунктом 1 статьи 21 ГК РФ – это способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их.

Дееспособности общественного объединения можно дать аналогичное определение. Различие будет состоять в способностях физического лица и общественного объединения приобретать права и обязанности, которые они будут создавать для себя и исполнять их, т. е. в правоспособности. Если общественное объединение имеет потенциальную способность участвовать в правоотношениях, соответствующих его природе (правоспособность), то его способность приобре-

¹ См.: Суворов Н.С. Там же. С. 117.

² См.: Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 46.

тать права, создавать для себя обязанности и исполнять их, должна ей соответствовать.

Таким образом, дееспособность общественного объединения напрямую зависит от его правоспособности, обусловленной уставными целями.

В процессе формирования правоспособности общественного объединения абстрактные способности физического лица иметь права и обязанности соотносятся с целеполаганием общественного объединения и его природой, определяя границы правоспособности общественного объединения, имеющие значение для реализации дееспособности.

Дееспособность общественного объединения является продолжением (развитием) его связи с правопорядком, которой предшествовала правоспособность. На этой стадии действующий правовой режим оценивает готовность общественного объединения осуществлять свою целевую деятельность. С наступлением дееспособности оно становится уже не «потенциальным», а реальным субъектом права, способным своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя обязанности и исполнять их. Здесь абстрактные возможности общественного объединения, которые характеризует категория «правоспособность» соотносятся с их практической применимостью в условиях действующей правовой реальности.

Первоначальное состояние дееспособности общественного объединения обусловлено самим фактом объединения граждан в самостоятельную, правосубъектную системную целостность. Внешне это оформляется решением о создании общественного объединения, об утверждении его устава и о формировании руководящих и контрольно-ревизионных органов (статья 18 ФЗ «Об общественных объединениях»). Следующим этапом развития дееспособности общественного объединения является вступление его в гражданский (хозяйственный оборот) в качестве юридического лица. Согласно части 1 статьи 21 ФЗ «Об общественных объединениях» для приобретения прав юридического лица общественное объединение подлежит государственной регистрации в соответствии с ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» с

учетом установленного ФЗ «Об общественных объединениях» порядка государственной регистрации общественных объединений.

На данном этапе определение готовности общественного объединения к осуществлению деятельности в качестве юридического лица происходит на основании изучения документов, представляемых при государственной регистрации создаваемого юридического лица. В отношении общественных объединений этот перечень предусмотрен частью 6 статьи 21 ФЗ «Об общественных объединениях».

Определение дееспособности общественного объединения через категорию «готовности» к осуществлению правовой деятельности шире её классического понимания в качестве способности своими действиями приобретать, осуществлять права, создавать и исполнять обязанности, учитывающей только один из ранее перечисленных аспектов антрополого-правового понимания сущности общественного объединения как правовой внешности. При таком понимании появляется возможность универсализации данной категории, обнаруживающей ближайшую связь человека и общественного объединения, в том числе являющегося юридическим лицом. Ведь готовность к осуществлению правовой деятельности общественных объединений обусловлена не только его внешней организацией, но и антропологическими особенностями людей, образующих волю данного коллективного субъекта права (возраст, состояние психического здоровья).

Предложенное понимание дееспособности позволяет иначе взглянуть на рассмотренную выше проблему соотношения правоспособности и специальных разрешений (лицензий) на занятие отдельными видами деятельности. Теперь наше утверждение о том, что лицензирование отдельных видов деятельности не оказывает влияние на правоспособность общественных объединений, приобретает новое звучание. Ведь, по сути, речь идет об определении государством критериев готовности общественного объединения к осуществлению конкретного вида деятельности, на занятие которого необходимо получение лицензии.

Обращает на себя внимание, что положения статьи 13 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», регулирующие порядок представления соискателем лицензии заявления и документов, необходимых для получения лицен-

зии, и их приема лицензирующим органом, уже предполагают существование юридического лица (общественного объединения), что свидетельствует о наличии у него правоспособности. Как справедливо отметил С.И. Архипов «в отличие от норм, регулирующих правоспособность, законодатель при определении условий, необходимых и достаточных для выдачи лицензии, руководствуется не идеей абстрактной способности (возможности) лица когда-либо осуществлять определенный вид деятельности или отдельную функцию субъекта права, а вполне конкретными критериями определения готовности лица к совершению лицензируемой деятельности»¹.

Подтверждение этому можно найти во многих законах и подзаконных актах, регулирующих виды деятельности, на которые требуются лицензии или специальное разрешение. В частности, согласно части 1 статьи 91 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образовательная деятельность подлежит лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности с учетом особенностей, установленных настоящей статьей. Общественное объединение, являющееся некоммерческой организацией, вправе осуществлять на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности в соответствии с целями, ради достижения которых она создана в одной из организационно-правовых форм некоммерческой организации, или наряду с основной деятельностью в качестве дополнительного вида деятельности. Запрета на осуществление образовательной деятельности общественными объединениями законодательство не содержит.

В соответствии с пунктом 4 Положения о лицензировании образовательной деятельности, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 28.10.2013 № 966 «О лицензировании образовательной деятельности», лицензионными требованиями, предъявляемыми к соискателю лицензии на осуществление образовательной деятельности, являются: наличие на праве собственности или ином законном основании зданий, строений, сооружений, помещений и территорий, необходимых для осуществления образовательной деятельности по

¹ Архипов С.И. Указ. соч. С. 169.

заявленным к лицензированию образовательным программам; наличие материально-технического обеспечения образовательной деятельности, оборудование помещений в соответствии с государственными и местными нормами и требованиями, в том числе в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов, федеральными государственными требованиями, образовательными стандартами; наличие разработанных и утвержденных организацией, осуществляющей образовательную деятельность, образовательных программ в соответствии со статьей 12 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; наличие в соответствии с пунктом 2 статьи 40 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» санитарно-эпидемиологического заключения о соответствии санитарным правилам зданий, строений, сооружений, помещений, оборудования и иного имущества, которые предполагается использовать для осуществления образовательной деятельности, учитывающего в том числе требования статьи 17 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», а также статьи 41 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; и т. д.

Общественные объединения, являющиеся юридическими лицами, в целях осуществления деятельности, связанной с добычей охотничьих ресурсов, обязаны получить соответствующее разрешение (статья 29 Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹). Получению данного разрешения предшествует заключение охотхозяйственного соглашения (п. 2, п.п. 9.1 п. 9 Порядка оформления и выдачи разрешений на добычу охотничьих ресурсов, порядка подачи заявок и заявлений, необходимых для выдачи таких разрешений, и утверждении форм бланков разрешений на добычу копытных животных, медведей, пушных животных, птиц, утвержденного приказом Министра природных ресурсов и экологии российской Федерации от 29.08.2014 № 379). По охотхозяйственному соглашению общественное объединение, являющееся юридическим лицом, обязуется обеспечить проведение мероприятий по со-

¹ Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735 (с посл. изм.).

хранению охотничьих ресурсов и среды их обитания и создание охотничьей инфраструктуры (часть 2 статьи 27 указанного федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ).

Таким образом, целью выдачи разрешения и лицензирования отдельных видов деятельности является определение реальной готовности соискателя лицензии или охотпользователя к их осуществлению, что позволяет отнести данный процесс не к стадии формирования правоспособности общественного объединения, а к стадии установления его дееспособности.

Помимо лицензирования есть и другие институты, определяющие готовность общественного объединения к осуществлению деятельности (реализации дееспособности). Например, в соответствии с пунктами 1, 4 статьи 7 Федерального закона от 22.08.1995 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей»¹ (далее – Федеральный закон № 151-ФЗ) аварийно-спасательные формирования могут создаваться и на общественных началах – общественные аварийно-спасательные формирования. Общественные аварийно-спасательные формирования создаются общественными объединениями, уставными задачами которых является участие в проведении работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций. В дальнейшем указанные общественные объединения осуществляют руководство деятельностью общественных аварийно-спасательных формирований (абзац 5 пункта 1 статьи 13 Федерального закона № 151-ФЗ), что предопределяет статус последних в качестве из структурных подразделений, не обладающих самостоятельной правосубъектностью. В соответствии с пунктом 1 статьи 12 Федерального закона № 151-ФЗ общественные аварийно-спасательные формирования подлежат аттестации в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.

Согласно пункту 12 Положения о проведении аттестации аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований, спасателей и граждан, приобретающих статус спасателя, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 22.12.2011 № 1091 «О некоторых вопросах ат-

¹ Собрание законодательства РФ. 1995. № 35. Ст. 3503 (с посл. изм.).

тестации аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований, спасателей и граждан, приобретающих статус спасателя», обязательными требованиями, предъявляемыми при аттестации общественного аварийно-спасательного формирования, являются, в том числе:

- соответствие аварийно-спасательного формирования организационно-штатной структуре, утвержденной организацией, создавшей ее;

- укомплектованность личным составом, не менее 75 процентов которого составляют спасатели, аттестованные на право ведения тех видов аварийно-спасательных работ, на выполнение которых аттестуется аварийно-спасательное формирование;

- оснащенность в соответствии с нормами обеспечения, утверждаемыми учредителем аварийно-спасательного формирования, аварийно-спасательными средствами, обеспечивающими выполнение заявленных видов аварийно-спасательных работ и принадлежащими этому формированию на ином законном основании на срок не менее срока действия аттестации.

Общественные аварийно-спасательные формирования, не прошедшие аттестацию или не подтвердившие в ходе проверок свою готовность к реагированию на чрезвычайные ситуации и проведению работ по их ликвидации, к проведению аварийно-спасательных работ не привлекаются (пункт 2 статьи 12 Федерального закона № 151-ФЗ).

К институтам, определяющим дееспособность субъектов права, их готовность к совершению отдельных видов деятельности, правовых функций профессор С.И. Архипов также отнёс аккредитацию организаций и их филиалов, представительство; сертификации товаров, работ и услуг; выдачи разрешений на производство отдельных работ и т. д.¹

Завершая рассмотрение проблемы дееспособности общественного объединения, подвергнем более детальному анализу критерии ее определения через категории волевой, организационной и имущественной готовности общественного объединения реализовывать функции субъекта права.

¹ Подробнее об этом см.: Архипов С.И. Указ соч. С. 175–187.

Готовность общественного объединения с точки зрения воли принимать правовые решения определяется наличием в его структуре волевого элемента (правовых качеств объединения людей), обеспечивающего выработку воли. Существование общественных объединений без волевого элемента («пустышек», созданных по поддельным паспортам) создает угрозу правопорядку.

В антрополого-правовом дискурсе интересным представляется вопрос о том насколько право на объединение, реализующееся в форме общественного объединения, зависит от дееспособности его учредителей, участников (членов)?

Волепоспособность общественного объединения как элемент его правоспособности, обусловленный правоспособностью объединившихся физических лиц, ставиться законодателем в зависимость от достижения ими определенного возраста. Так, согласно статье 19 ФЗ «Об общественных объединениях» учредителями, членами и участниками общественных объединений могут быть граждане, достигшие 18 лет; членами и участниками молодежных общественных объединений могут быть граждане, достигшие 14 лет; членами и участниками детских общественных объединений могут быть граждане, достигшие 8 лет.

Таким образом, законодатель связывает реализацию права граждан на объединение (в зависимости от вида общественных объединений) с формированием у них волевых качеств, достижением определенного уровня психической зрелости, показателем которых является достижение гражданином определенного возраста.

Указанная классификация общественных объединений в зависимости от возраста соответствует различным степеням гражданской дееспособности (пункт 1 статьи 21, статьи 26, 28 ГК РФ).

В силу части 1 статьи 18 ФЗ «Об общественных объединениях» общим требованием для создания общественного объединения является объединение не менее трех физических лиц (учредителей), которыми могут быть граждане, достигшие 18 лет, но членами и участниками, например, детских общественных объединений могут быть граждане, достигшие 8 лет. Обратим внимание, что закон в данном случае устанавливает возрастной ценз учредителей общественного объ-

единения только в целях его создания и не содержит условия участия учредителей в дальнейшей деятельности общественного объединения. Такое условие содержит, например, часть 8 статьи 21 ФЗ «Об общественных объединениях», закрепляя, что государственная регистрация детских общественных объединений осуществляется в случае, если в руководящие органы указанных объединений избраны полностью дееспособные граждане.

Таким образом, закон не запрещает всем полностью дееспособным учредителям детского общественного объединения, не являющегося юридическим лицом, выйти из его состава, оставив в нем только членов и участников, достигших 8 лет. Оснований для прекращения и приостановления деятельности такого общественного объединения закон не содержит.

В результате правоспособность обозначенного детского общественного объединения будет всецело обусловлена правоспособностью малолетних. При этом согласно Федеральному закону от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹ родители ребенка (лица, их заменяющие) содействуют ему в осуществлении самостоятельных действий, направленных на реализацию и защиту его прав и законных интересов, с учетом возраста ребенка и в пределах установленного законодательством Российской Федерации объема дееспособности ребенка (пункт 2 статьи 7); они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей (пункт 2 статьи 14.1).

Неясным остается позиция законодателя относительно ограничения реализации права ребенка на объединение до достижения им восьмилетнего возраста. В этом вопросе, по нашему мнению, следует ориентироваться на нормы международного права. Так, согласно статьи 15 Конвенции о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) государства-участники признают право ребенка на свободу ассоциации и свободу мирных собраний.

В отношении осуществления данного права не могут применяться какие-либо ограничения, кроме тех, которые применяются в соответствии с законом

¹ Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802 (с посл. изм.).

и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности или общественной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), охраны здоровья или нравственности населения, или защиты прав и свобод других лиц.

Аналогичное основание ограничения конституционных прав содержит часть 3 статьи 55 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Вряд ли достижение целей, указанных ограничительных мер может быть осуществлено путем установления возрастного ценза лиц, реализующих свое право на объединение. Видимо поэтому Конвенция не определяет минимальный возраст, с которого дети наделяются правом на объединение.

Полагаем, что реализация гражданами естественного права на объединение не должна зависеть от возраста лиц, решивших создать общественное объединение или участвовать в нем. Поэтому установление возрастного ценза учредителей, членов и участников общественных объединений подлежит исключению из части 1 статьи 19 ФЗ «Об общественных объединениях». Достаточно в качестве общего правила указать, что учредителями, членами и участниками общественных объединений могут быть граждане и юридические лица – общественные объединения, если иное не установлено настоящим Федеральным законом, а также законами об отдельных видах общественных объединений.

В таком случае установление в законе конкретных видов общественных объединений (молодежные, детские и т. п.) и их организационно-правовых форм будет способствовать удовлетворению потребности граждан в объединении между собой. При этом граждане смогут реализовать свое естественное право на объединение и вне этих видов и формах, обусловленных возрастом их учредителей, участников, членов и возможностью приобретать права и принимать обязанности юридических лиц. В отличие от установления возрастного ценза ограничения,

связанные с личностью учредителя, участника, члена общественного объединения, устанавливаются в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 19 ФЗ «Об общественных объединениях»).

В законодательстве об общественных объединениях, как представляется, до настоящего времени не урегулирован вопрос о влиянии на дееспособность общественного объединения факта ограничения дееспособности его учредителей, членов, участников, составляющих волевой элемент общественного объединения. Установив возраст учредителей, членов, участников общественного объединения законодатель не упомянул о наличии или отсутствии у них дееспособности.

Таким образом, нет основания считать, что в отношении недееспособных или ограничено дееспособных граждан установлен запрет на реализацию их права на объединение. На них распространяются все права и обязанности, установленные ФЗ «Об общественных объединениях». Более того, согласно Декларации ООН «О правах умственно отсталых лиц» от 20.12.1971 умственно отсталое лицо имеет в максимальной степени осуществимости те же права, что и другие люди (п. 1), имеет право продуктивно трудиться или заниматься каким-либо другим полезным делом в полную меру своих возможностей (п. 3), участвовать в различных формах жизни общества (п. 4). При этом согласно Принципам защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи, принятых Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1991, не допускается никакой дискриминации на основании психического заболевания.

Указанным международным правовым актам соответствует позиция Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в Определении от 23.04.2010 № 13-В10-2¹. В результате анализа положений статей 37 и 55 Конституции РФ, статей 16 и 6 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» суд пришел к выводу, что отсутствие в

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2010 № 13-В10-2 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВС РФ. URL: <http://www.vsrp.ru> (дата обращения: 08.10.2017).

Трудовом кодексе РФ запрета на заключение трудовых договоров с лицами, признанными судом недееспособными, не препятствует признанию такого лица стороной трудовых правоотношений. В доктрине трудового права такой точки зрения придерживаются профессора А.М. Лушников и М.В. Лушникова¹.

«Таким образом, прекращение гражданской дееспособности не влечет за собой прекращение трудовой правосубъектности, однако влияет на ее объем. Учитывая состояние психического здоровья недееспособных лиц, их труд может применяться лишь в ограниченной сфере и должен протекать в особых условиях»².

Учитывая изложенное, работник, признанный судом недееспособным, имеет право на объединение в профсоюзы (статья 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»³).

В особенности актуальна тема участия недееспособных граждан, признанных инвалидами, в общественных объединениях (статья 33 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»⁴). Следует отметить, что вышеуказанное Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2010 № 13-В10-2 вынесено по делу об увольнении инвалида второй группы с детства по психическому заболеванию, признанного судом недееспособным.

Вполне можно себе представить не являющееся юридическим лицом общественное объединение граждан, ограниченных в дееспособности вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами (пункт 1 статьи 30 ГК РФ).

Вместе с тем ограничение и лишение дееспособности вследствие психического расстройства, которое не позволяет гражданину понимать значение своих действий (статья 29, пункт 2 статьи 30 ГК РФ), ставит под сомнение доброволь-

¹ Курс трудового права: учеб.: в 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 771–774.

² Курс российского трудового права: в 3 т. Т. 3 / науч. ред. проф. Е.Б. Хохолов. СПб., 2007. С. 150–151.

³ Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 148 (с посл. изм.).

⁴ Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563 (с посл. изм.).

ность его участия в общественном объединении и способность наравне с другими его участниками иметь права и нести обязанности, что является условием реализации правосубъектности общественного объединения (статьи 5, 6, 15 ФЗ «Об общественных объединениях»).

В этой связи создание общественных объединений и участие в них граждан, ограниченных в дееспособности или признанных недееспособными, должно находиться под особым контролем и надзором.

Кроме того, в отношении конкретных видов и организационно-правовых форм общественных объединений можно установить ограничения участия в них лиц, признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными. Например, по аналогии с полным товариществом, в которых признание одного из участников недееспособным или ограниченно дееспособным требует для продолжения деятельности товарищества предусмотреть такую ситуацию в учредительном договоре товарищества или заключить между остающимися участниками по этому поводу соглашение (пункт 1 статьи 76 ГК РФ).

2. Организационные условия определяют внутреннее строение юридической личности общественного объединения и внешние механизмы реализации его дееспособности, в том числе через органы.

Внутренние организационные условия устанавливают количественный состав лиц, в своем единстве представляющих волевой элемент общественного объединения. Согласно статье 18 ФЗ «Об общественных объединениях» общественные объединения создаются по инициативе их учредителей – не менее трех физических лиц. Это требование обязательно для общественных организаций, общественных движений, общественных фондов, общественных учреждений и органов общественной самодеятельности.

Кроме того, указанная норма определяет, что количество учредителей для создания отдельных видов общественных объединений может устанавливаться специальными законами о соответствующих видах общественных объединений. Таким примером является Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О полити-

ческих партиях»¹. Согласно пункту 2 статьи 3 этого закона политическая партия должна отвечать следующим требованиям:

– политическая партия должна иметь региональные отделения не менее чем в половине субъектов Российской Федерации, при этом в субъекте Российской Федерации может быть создано только одно региональное отделение данной политической партии;

– в политической партии должно состоять не менее пятисот членов политической партии. Уставом политической партии могут быть установлены требования к минимальной численности членов политической партии в ее региональных отделениях;

– руководящие и иные органы политической партии, ее региональные отделения и иные структурные подразделения должны находиться на территории Российской Федерации.

Следует отметить, что Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» особых требований к количеству учредителей профессионального союза не предъявляет.

Внешние механизмы реализации дееспособности общественного объединения через органы будут детально проанализированы в следующем параграфе.

Организационные условия включают в себя коммуникативно-правовые условия, которые делятся на внутренние и внешние.

Внутренние определяют порядок взаимодействия (взаимосвязи) между людьми, образующими волевой элемент юридической личности. По общему правилу деятельность общественных объединений основывается на принципе равноправия (статья 15 ФЗ «Об общественных объединениях»). Это означает, что все участники (члены) имеют равные права, в том числе в вопросах участия в процессе волеобразования общественного объединения. В вопросах выработки воли общественного объединения также следует ориентироваться на положение статьи 181.2 ГК РФ, регламентирующей порядок принятия решения участников гражданско-правового сообщества.

¹ Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950 (с посл. изм.).

Внешние определяют условия, характеризующие возможности правового взаимодействия общественного объединения как системной целостности, его участия в правовых связях, отношениях с другими субъектами права (коммуникативно-правовые условия). Например, взаимодействие в области осуществления образовательной деятельности производится только на основании лицензии (статья 91 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

3. Условия, характеризующие имущественное состояние общественного объединения, определяются функциональными особенностями его имущественного элемента.

Например, посредством определения величины минимального размера уставного капитала законодатель определяет готовность общественного объединения (некоммерческой организацией), уставом которой предусмотрено осуществление приносящей доход деятельности (пункт 5 статьи 50 ГК РФ), реализовывать дееспособность.

Вопросом, требующим отдельного рассмотрения, является малоизученная проблема ограничения дееспособности общественного объединения. В последнее время эта проблема разрабатывается применительно к юридическому лицу, при этом, ряд исследователей считают невозможным ограничить его в дееспособности¹. Данное утверждение представляется небесспорным.

В отличие от абстрактной категории «правоспособность» «дееспособность» определяет возможность субъекта права своими действиями приобретать права и исполнять обязанности. Соответственно отсутствие дееспособности влечет невозможность приобретения прав и исполнения обязанностей своими действиями².

Выше нами определены критерии готовности общественного объединения к реализации функций субъекта права: волевой, организационный и имущественный.

Несоответствие общественного объединения указанным критериям является основанием для ограничения его дееспособности в рамках соответствующей про-

¹ Плотников В.А. Неосторожность как форма вины в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 65.

² Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 42–43.

цедуры, применяемой в деле о банкротстве, приостановления деятельности или действия лицензии.

Имущественный критерий неготовности общественного объединения реализовывать функции субъекта права является предпосылкой возбуждения в отношении него процедуры банкротства с последующими мерами по ограничению его дееспособности.

О том, что такая процедура может быть применима к общественному объединению, являющемуся юридическим лицом, свидетельствует анализ положений законодательства о несостоятельности (банкротстве) и ГК РФ. Так, согласно пункту 2 статьи 1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») действие настоящего Федерального закона распространяется на юридические лица, которые могут быть признаны несостоятельными (банкротами) в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. В соответствии с пунктом 1 статьи 65 ГК РФ юридическое лицо, за исключением казенного предприятия, учреждения, политической партии и религиозной организации, по решению суда может быть признано несостоятельным (банкротом). Фонд не может быть признан несостоятельным (банкротом), если это установлено законом, предусматривающим создание и деятельность такого фонда.

Учитывая, что в отношении общественного фонда не имеется специального закона, ограничивающего признание его несостоятельным (банкротом), то процедуры, применяемые в деле о банкротстве, распространяются на все виды общественных объединений, являющихся юридическими лицами, кроме политической партии. Данный вывод подтверждает судебная практика по делам о несостоятельности (банкротстве) общественных объединений².

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190 (с посл. изм.).

² См.: решения Арбитражных судов о признании несостоятельным (банкротом) и введении конкурсного производства в отношении Городской общественной организации «Калужское общество инвалидов» (решение Арбитражного суда Калужской области от 11.03.2002 № А-23-3831/01Б-7-275-17-121); Семеновского отделения Марийской республиканской общественной организации Всероссийского общества инвалидов (решение Арбитражного суда Республики Марий Эл от 07.08.2008 № А38-3144/2007-11-101); Городской общественной организации «Молодежный жилой комплекс транспортных строителей» (решение Арбитражного суда Новосибирской области от

В результате вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения, финансового оздоровления, органы управления должника могут совершать исключительно с согласия временного управляющего сделки, связанные с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения прямо либо косвенно имущества должника, балансовая стоимость которого составляет более пяти процентов балансовой стоимости активов должника на дату введения наблюдения; связанные с получением и выдачей займов (кредитов), выдачей поручительств и гарантий, уступкой прав требования, переводом долга, а также с учреждением доверительного управления имуществом должника (пункт 2 статьи 64, пункт 3 статьи 82 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Указанные ограничения по распоряжению собственным имуществом Конституционный Суд РФ охарактеризовал как существенные ограничения дееспособности должника¹.

Ограничения дееспособности общественного объединения, являющегося юридическим лицом, также содержат положения статьи 94 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которым с даты введения внешнего управления прекращаются полномочия руководителя и органов управления должника. Вместе с тем органы управления должника – общественного объединения, в пределах компетенции, установленной федеральным законом, вправе принимать решения об избрании представителя учредителей (участников) должника; о заключении соглашения между третьим лицом или третьими лицами и органами управления должника, уполномоченными в соответствии с учредительными документами принимать решение о заключении крупных сделок, об условиях предоставления денежных средств для исполнения обязательств должника.

09.02.2011 А45-15098/2010); Общественной организации «Профессиональный союз московских транспортных строителей» (решение Арбитражного суда города Москвы от 30.07.2012 № А40-95595/11).

¹См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2001 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 12. Ст. 1138.

В конкурсном производстве компетенция коллегиальных органов управления (общего собрания участников должника) сохраняется в целях заключения соглашений об условиях предоставления денежных средств третьим лицом или третьими лицами для исполнения обязательств должника (пункт 2 статьи 126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Как верно отметила Т. П. Шишмарева, полномочия коллегиальных органов сохраняются также и в случае заключения мирового соглашения, основанием которого выступает гражданско-правовая сделка, если она требует решения органов управления должника или их одобрения (пункт 2 статьи 153, пункт 2 статьи 154 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»)¹.

Неготовность юридического лица с точки зрения организационного критерия (несоответствие ему) реализовывать функции субъекта права влечет приостановление действия его лицензии.

Например, условиями приостановления действия лицензии по основанию, предусмотренному частью 1 статьи 20 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», являются: совершение лицензиатом грубого нарушения лицензионных требований, установленных указанным законом и положениями о лицензировании конкретных видов деятельности; привлечение лицензиата по указанному факту к административной ответственности с назначением наказания в виде административного приостановления деятельности.

При этом перечень лицензионных требований определяет степень организационной готовности юридического лица осуществлять тот или иной лицензируемый вид деятельности, что нашло отражение в части 3 статьи 8 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и других федеральных законах.

Волевой критерий неготовности общественного объединения реализовывать функции субъекта права, обнаруживается вследствие нарушения им Конституции РФ, законодательства Российской Федерации и совершения действий, противоречащих уставным целям. В этих случаях федеральный орган государственной ре-

¹ Шишмарева Т. П. О согласии на совершение сделок должником в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 60.

гистрации или его соответствующий территориальный орган либо Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненный ему соответствующий прокурор вносит в руководящий орган данного объединения представление об указанных нарушениях и устанавливает срок их устранения (часть 1 статьи 42 ФЗ «Об общественных объединениях»).

В случае, если в установленный срок эти нарушения не устраняются, орган или должностное лицо, внесшие соответствующее представление, вправе своим решением приостановить деятельность общественного объединения на срок до шести месяцев (часть 2 статьи 42 ФЗ «Об общественных объединениях»). В данном случае ограничение дееспособности общественного объединения происходит в результате применения в отношении него процедуры приостановления деятельности. В случае приостановления деятельности общественного объединения приостанавливаются его права как учредителя средств массовой информации, ему запрещается организовывать и проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование и иные массовые акции или публичные мероприятия, принимать участие в выборах, использовать банковские вклады, за исключением расчетов по хозяйственной деятельности и трудовым договорам, возмещению убытков, причиненных его действиями, уплате налогов, сборов и штрафов (часть 1 статьи 43 ФЗ «Об общественных объединениях»).

Деятельность общественного объединения может быть также приостановлена в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» (часть 4 статьи 42 ФЗ «Об общественных объединениях»). Так, положения статьи 10 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹ предусматривают в ряде случаев возможность приостановления деятельности общественного объединения. Это влечет за собой запрет пользоваться государственными и муниципальными средствами массовой информации, организовывать и проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование и иные массовые акции или публичные мероприятия, принимать участие в выборах и ре-

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031 (с посл. изм.).

ферендумах; существенно ограничивается право использовать банковские вклады. В то же время данные общественные объединения вправе обжаловать решение о приостановлении деятельности общественного объединения в суд в установленном порядке. Кроме того, они вправе использовать банковские вклады для осуществления расчетов, связанных с их хозяйственной деятельностью, возмещением причиненных их действиями убытков (ущерба), уплатой налогов, сборов или штрафов, и расчетов по трудовым договорам. Следует отметить, что право на защиту от неправомерных действий любых лиц сохраняется за общественным объединением в каждом из перечисленных случаев ограничения его дееспособности, определяя предел данного ограничения.

Таким образом, дееспособность является вторым этапом развития правовой связи общественного объединения с правопорядком, определяющим его способность своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя обязанности и исполнять их.

Дееспособность общественного объединения формируется на основе правосубъектности физических лиц, составляющих его волевой элемент, и может быть ограничена в случаях несоответствия одному из критериев готовности юридического лица реализовывать функции субъекта права.

Учитывая ранее высказанные предложения по дополнению ФЗ «Об общественных объединениях» положением о правоспособности общественного объединения, предлагается дополнить указанный федеральный закон положением о дееспособности общественного объединения следующего содержания.

«1. Способность своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя обязанности и исполнять их, за исключением прав и обязанностей юридического лица (дееспособность общественного объединения) возникает у общественного объединения с момента принятия на съезде (конференции) или общем собрании решения о создании общественного объединения, об утверждении его устава и о формировании руководящих и контрольно-ревизионного органов.

Способность своими действиями приобретать и осуществлять права юриди-

ческого лица создавать для себя обязанности и исполнять их возникает у общественного объединения с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный реестр сведений о его прекращении.

2. Общественные объединения могут приобретать права, соответствующие их уставным целям деятельности, и нести связанные с этой деятельностью обязанности.

3. Общественные объединения могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению уставных целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям. Предпринимательская деятельность осуществляется общественными объединениями в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и другими законодательными актами Российской Федерации.

Общественные объединения могут приобретать имущество, предназначенное для ведения предпринимательской деятельности.

Доходы от предпринимательской деятельности общественных объединений не могут перераспределяться между членами или участниками этих объединений и должны использоваться только для достижения уставных целей. Допускается использование общественными объединениями своих средств на благотворительные цели, даже если это не указано в их уставах.

4. В случаях, предусмотренных законом, общественное объединение, являющееся юридическим лицом, может заниматься отдельными видами деятельности только на основании специального разрешения (лицензии).

Право юридического лица осуществлять деятельность, для занятия которой необходимо получение специального разрешения (лицензии), возникает с момента получения такого разрешения (лицензии) или в указанный в нем срок».

3.2. Реализация правосубъектности общественного объединения

Антрополого-правовое понимание сущности общественного объединения, при котором человек в системе элементов данной юридической личности является единственным источником её волеиспособности предопределяет специфику процесса реализации правосубъектности общественного объединения посредством его органов.

Законодательство содержит императивное требование об образовании органов общественного объединения, что следует из комплексного толкования положений статей 6, 8, 9, 10, 11, 18, 20, 21 ФЗ «Об общественных объединениях». Принятие решения о формировании руководящих и контрольно-ревизионных органов на съезде (конференции) или общем собрании учредителей общественного объединения является одним из условий его создания (статья 18 ФЗ «Об общественных объединениях»).

Таким образом, законодатель применил к общественным объединениям гражданско-правовую конструкцию, используемую в целях регламентации реализации правосубъектности юридических лиц. В соответствии с пунктом 1 статьи 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом (пункт 1 статьи 53 ГК РФ).

В этой связи теоретическое познание механизмов реализации правосубъектности общественного объединения, осуществления им практик, предполагает анализ правовой природы органов юридических лиц, которая в условиях отсутствия единства мнений относительно доктринального понимания сущности юридического лица, раскрывается учеными по-разному.

С одной стороны, сторонники теории фикции, не признающие наличие у юридического лица самостоятельной воли, под его органом понимают представителя, с другой - сторонники реалистической теории, придерживаясь противопо-

ложной точки зрения, настаивают на том, что орган является частью юридического лица¹.

Исторически одним из первых термин «орган юридического лица» стал употребляться в конце XIX века родоначальник органической теории немецкий профессор О. фон Гирке. Ученый подчеркивал, что юридическое лицо имеет внутреннее устройство, состоящее из членов и органов, причем условия приобретения и прекращения качеств члена и органа определяются правовыми нормами. В отличие от индивида юридическое лицо имеет органы в юридическом смысле, которые проявляют действующее в них единство в юридической сфере в соответствии с устройством этого социального организма. Фактически через орган действует само юридическое лицо, а потому здесь нельзя говорить о представительстве целого противопоставленным ему «равнородным» целым. В каждом органе юридическое лицо как общественное целое обладает частицей самого себя².

Многие современные ученые, среди которых В.В. Долинская, Д.В. Ломакин, С.Д. Могилевский, Е.А. Суханов в своих исследованиях рассматривали орган в качестве части юридического лица – структурно обособленного, организационно оформленного подразделения, представленного одним или несколькими физическими лицами и предназначенного для реализации его правосубъектности³.

Однако квалификация органа как части юридического лица требует, на наш взгляд, дополнительного пояснения. Прежде всего, ввиду того, что до настоящего времени сторонники данного подхода, как представляется, так и не объяснили правовую природу того целого (юридического лица), частью которого является орган⁴.

¹ См.: Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. Понятие, виды, государственные юридические лица М., 1947. С. 98; Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица: очерк истории и теории. М., 2003. С. 115 – 125; Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами: правовой аспект. М., 2001. С. 106; Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 149–151, 266–272; Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 473.

² См.: Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. С. 98–100.

³ См.: Суханов Е.А. Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам // Вестник ВАС РФ. 2001. № 3. С. 117; Могилевский С.Д. Указ. соч. С. 107; Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 277–308; Долинская В.В. Закон об акционерных обществах: органы юридического лица // Государство и право. 1996. № 7. С. 59.

⁴ Конечно, если не считать, что юридическое лицо и его воля – фикции, а структурно-обособленная часть организации, которую составляют физические лица, в силу организационного единства с фикцией выражает её волю.

Применительно к тематике настоящего исследования обозначенная проблема решается в рамках антрополого-правового понимания сущности общественного объединения, что накладывает свой отпечаток и на определение правовой природы его органа.

Ранее нами доказывалось, что волевой основой сущности общественного объединения является воля человека, структурированная в юридическую личность общественного объединения вследствие обретения им правового статуса учредителя, члена (участника).

К примеру, в общественных организациях, общественных движениях и политических партиях их члены (участники) образуют высший руководящий орган: съезд (конференцию) или общее собрание (статьи 8, 9 ФЗ «Об общественных объединениях», пункт 1 статьи 24 ФЗ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях»).

Таким образом, конкретно-определенная совокупность физических лиц в юридическом состоянии, являясь общественным объединением (с точки зрения антрополого-правового понимания его сущности), в то же время организована в высший орган управления общественного объединения, ответственный за формирование его воли (в соответствии с законом).

В этом контексте представляется неверной позиция А.А. Кузнецова, согласно которой, общее собрание может быть отнесено к числу законных представителей¹.

В данном случае совокупность физических лиц, организованных в высший орган общественного объединения, является единственным источником его самостоятельной волеиспособности, образуя в своем единстве волевой элемент общественного объединения как системной целостности.

В связи с этим говорить о том, что высший орган общественного объединения является её частью, через которую оно приобретает права и принимает на себя обязанности, следует исключительно в контексте разделения общественного

¹ См.: Кузнецов А.А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 18–19.

объединения как системной целостности на два взаимосвязанных элемента (волевой и целевой). При этом на наш взгляд, квалифицировать данную часть как орган представляется излишним, т. к. по сути, имеет место факт волеобразования непосредственно самим общественным объединением, т. е. реализации им своей правосубъектности.

Уже сейчас законодатель определяет особую роль высшего органа управления корпоративной некоммерческой организации, устанавливая его исключительную компетенцию, к которой относятся наиболее важные вопросы функционирования некоммерческой организации (пункт 2 статьи 65.3 ГК РФ, пункт 3 статьи 29 ФЗ «О некоммерческих организациях»). При этом закон не ограничивает правовую коммуникацию членов корпорации, предусматривая возможность расширения исключительной компетенции за счет вопросов, закрепленных в учредительном документе юридического лица (абзац 10 пункта 2 статьи 65.3 ГК РФ, абзац 10 пункта 3 статьи 29 ФЗ «О некоммерческих организациях»).

Следует отметить, что исключительные полномочия высшего органа управления корпоративной некоммерческой организации не могут быть переданы никакому другому органу некоммерческой организации.

Особое положение высшего органа корпорации отмечается многими учеными. В частности, С.В. Соловьева пишет: «исходя из смысла существования высшего органа управления юридического лица, безусловно, он правомочен решать любые вопросы, касающиеся деятельности юридического лица. Эти вопросы могут входить в компетенцию других органов управления, но если по каким-либо причинам те не могут принять по ним решение, тогда решение принимает высший орган управления. В противном случае деятельность юридического лица может быть парализована, а смысл существования утрачен. При таком подходе компетенция высшего органа юридического лица ограничивается только правоспособностью юридического лица, установленной законом и учредительными документами»¹.

¹ Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. Т. 1. Общие положения о юридических лицах / А.В. Габов, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М.,

Образование самостоятельной воли юридического лица обусловлено процессом согласования решений физических лиц (учредителей, участников, членов), составляющих его волевой элемент. При этом в него не входят такие процессы, оказывающие влияние на волеформирование физического лица (человека), как: чувства, мотивы, побудившие принять решение и т. д.

Как верно заметил С.Н. Братусь, «тот факт, что в гражданском обороте юридические лица выступают от своего имени, не означает, что формирование их воли является автономным процессом, происходящим независимо от воли людей. Право интересуется не психологическим процессом образования воли, а ее объективным выражением, результатом и содержанием, получающим объективное и независимое по отношению к изъявителю воли существование и развитие»¹. Соглашаясь с этой позицией, И.П. Политова справедливо пишет: «нельзя не признать тот факт, что многие внутренние переживания граждан не находят своего внешнего проявления вообще, не говоря уже о каком-то правовом закреплении и правовом выражении этих чувственных явлений»². Д.И. Мейер отмечал, что «... законодательству приходится принимать в соображение волю отдельных членов органа юридического лица и постановить, чтобы или единогласная воля членов считалась волей юридического лица или воля большинства»³.

Общим для всех высших органов управления некоммерческих организаций является формирование воли путем голосования по установленным правилам. Решение указанного органа принимается большинством голосов членов, присутствующих на собрании или заседании. Решение общего собрания или заседания по вопросам исключительной компетенции высшего органа управления некоммерческой организацией принимается единогласно или квалифицированным большинством голосов в соответствии с настоящим Федеральным законом, иными федеральными законами и учредительными документами (абзац 2 пункта 4 статьи 29 ФЗ «О некоммерческих организациях»).

2015. С. 231.

¹ Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве... С. 67.

² Политова И.П. Воля и волеизъявление: монография. М., 2016. С. 11.

³ Мейер Д.И. Русское гражданское право. С. 147.

В результате суть принятого физическими лицами решения составляет процесс волеформирования общественного объединения, поэтому его воля всегда направлена на достижение определенной цели, а принятое индивидами на общем собрании решение является единичным волеизъявлением общественного объединения.

При этом воля общественного объединения в своем имманентном состоянии не зависит от выработки единогласного решения всеми лицами, составляющими волевой элемент данного некоммерческого формирования, сформировавшийся в результате его создания по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей (статья 5 ФЗ «Об общественных объединениях»).

Процесс принятия решения (объективации воли для третьих лиц) может происходить по правилам, установленным законом, учредителями (участниками, членами) общественного объединения. В этом случае происходит формирование воли общественного объединения, т. к. её образуют физические лица (большинство или все), составляющие источник волеиспособности данного некоммерческого формирования. При этом даже один из множества членов высшего органа управления общественного объединения мог бы формировать и изъяслять его волю, если бы это допускал закон. Однако установленный законодателем кворум правомочности высшего органа управления для всех корпоративных некоммерческих организаций определяется присутствием на съезде (конференции) или общем собрании более половины его членов (абзац 1 пункта 4 статьи 29 ФЗ «О некоммерческих организациях»).

Таким образом, для объективации воли общественных объединений (относящихся к корпоративным образованиям) перед третьими лицами законодатель признает достаточным принятие решения большинством членов высшего органа управления.

Начальным моментом формирования собственной воли общественного объединения будет принятое в процессе мыследеятельности решение физического

лица (члена, составляющего высший орган управления) в пределах правоспособности общественного объединения и компетенции органа.

Объективно разграничить процесс мыследеятельности и принятое решение можно только в письменной форме, которая должна стать обязательной для всех решений, принимаемых высшим органом управления общественного объединения.

Абсолютное совпадение воль физических лиц, кроме первоначального акта создания общественного объединения бывает крайне редко, тем реже оно бывает, чем больше индивидов составляет совокупность. Поэтому в целях оптимизации процесса волеобразования и волеизъявления общественное объединение как самостоятельный волеспособный субъект права создает структурированную систему органов, предназначенную для объективирования своей воли, координирования и управления человеческим фактором, выполнения иных организационно-распорядительных функций.

Помимо высшего органа управления общественного управления в его структуре создается единоличный исполнительный орган управления. ФЗ «Об общественных объединениях» предусматривает обязательное формирование во всех общественных объединениях руководящих и контрольно-ревизионного органов (часть 3 статьи 18), сведения о которых должен предусматривать устав общественного объединения (пункт 2 части 1 статьи 20). В том числе с момента принятия указанного решения и утверждения устава общественное объединение считается созданным.

Подобное императивное требование, на наш взгляд, представляет собой излишнюю формализацию процесса создания общественного объединения и является отступлением от принципа свободы определения внутренней структуры общественных объединений, целей, форм и методов их деятельности, закрепленного в части 1 статьи 15 ФЗ «Об общественных объединениях».

Представляется, что в антрополого-правовом дискурсе рассмотрение способов реализации правосубъектности общественного объединения не должно сво-

даться исключительно к познанию этого процесса через орган, природа которого в свою очередь требует дополнительной теоретической проработки.

Содержащиеся в ФЗ «Об общественных объединениях» формулировки, относящиеся к органам управления общественного объединения, позволяют сделать вывод, что законодатель наделяет его способностями осуществлять права и исполнять обязанности (правосубъектностью).

Так, согласно части 4 статьи 8 ФЗ «Об общественных объединениях» в случае государственной регистрации общественной организации ее постоянно действующий руководящий орган осуществляет права юридического лица от имени общественной организации и исполняет ее обязанности в соответствии с уставом. Аналогичная формулировка использована в отношении постоянно действующего руководящего органа общественного движения (часть 3 статьи 9 ФЗ «Об общественных объединениях»).

Можно ли говорить о том, что законодатель воспринимает органы указанных общественных объединений в качестве его представителя, т.е. правосубъектного лица? Противники такой трактовки приводят следующие аргументы в пользу разграничения понятий «орган юридического лица» и «представитель юридического лица»:

- органы юридического лица создаются одновременно с образованием юридического лица, а представители существуют как субъекты права и до их легитимации;

- у органа как такового нет своей правоспособности, дееспособности и интересов, отличных от интересов юридического лица; у представителя они имеются отдельно от правоспособности, дееспособности и интересов представляемого;

- у представителя и органа юридического лица различные источники легитимации. У органа юридического лица правомочия проявляются, прежде всего, на основании устава (положения), тогда как у добровольного и законного представителей они порождаются другими основаниями;

- любое юридическое лицо (за исключением хозяйственного товарищества) не может действовать иначе, чем через орган. Выдача доверенности от имени

юридического лица физическому лицу также происходит через орган. Представляемый же может существовать и действовать сам помимо представителя или наряду с ним;

– при адресовании волеизъявления органу контрагенту известно, что за органом нет другого, отличного от него субъекта. Контрагент направляет свое волеизъявление представителю, зная, что за ним стоит представляемый как самостоятельный субъект¹.

Указанные доводы позволяют сделать вывод о том, что орган юридического лица в отрыве от отдельной правосубъектной личности не является его представителем.

Как верно отметил Д.В. Ломакин «в основе представительской концепции органа юридического лица лежит смешение двух самостоятельных категорий: органа юридического лица как его структурно обособленной части и так называемого людского субстрата, осуществляющего функции органа. Эта эклектика настолько противостоит естественности, что и сам законодатель не всегда в состоянии придерживаться ее до конца»².

Однако это смешение характерно и для концепции органа юридического лица как его структурно обособленной части. Не зря А.А. Кузнецов обратил внимание на то, что сторонники теории органа как явления, отличного от представительства так и не объяснили должным образом игнорирование отдельной правосубъектности лица, осуществляющего полномочия органа³. Так, А.А. Молчанов, рассматривая орган коммерческой организации в качестве ее структурных звеньев, утверждает, что «...это всегда физическое лицо или группа лиц»⁴.

¹ См.: Сумской Д.А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. С. 20–21.

² Ломакин Д.В. Легализация представительской концепции органа юридического лица – необходимость или оплошность законодателя? // Сборник научно-практических статей II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (22 апреля 2015 года, г. Москва) / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М., 2015. С. 27.

³ См.: Кузнецов А.А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 8.

⁴ Молчанов А.А. Гражданская правосубъектность коммерческих организаций: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 102.

Возможно ли разделить эти два понятия и определить особую природу органа общественного объединения в отрыве от лица, выполняющего его функции? Представляется, что да.

Сама этимология слова «орган» (лат. *organum*; греч. *organon* – орудие, инструмент¹; средство², орган) подсказывает, что наиболее соответствует природе органа общественного объединения его понимание как правового средства. При этом использование данного слова в юридическом смысле по аналогии с органом живого организма, употребляемого для обозначения обособленной совокупности различных типов клеток и тканей, выполняющих определённую функцию, представляется излишней биологизацией юридической личности общественного объединения.

«Вопрос правовых средств, – отмечает С.С. Алексеев, – не столько вопрос обособления в особое подразделение тех или иных фрагментов правовой действительности, сколько вопрос их особого видения в строго определенном ракурсе – их функционального предназначения, их роли как инструментов оптимального решения социальных задач. Во всех случаях перед нами фрагменты правовой действительности, рассматриваемые под углом зрения их функций, их роли как инструментов юридического воздействия»³.

«Обозначенная проблематика весьма многогранна и охватывает собой целый ряд частных исследовательских задач: изучение социальной востребованности позитивного права на уровне различных субъектов правовой жизни (в целом общества, отдельных социальных групп, индивидуумов и т. д.), на различных этапах развития конкретного общества и деятельности в сфере правового регулирования (правотворческой, правоприменительной, интерпретационной)»⁴. Главным в теории правовых средств В.А. Сапун считает то, «...какие социальные задачи эти правовые механизмы могут решать, где и в каком порядке их можно использовать в практической правовой деятельности для достижения социально значи-

¹ См.: Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. М., 2004. С. 459.

² См.: В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1989. С. 690.

³ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 218.

⁴ Сапун В.А., Шундилов К.В. Инструментальная теория права и человеческая деятельность // Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 21.

мых результатов»¹. «Инструментальная теория, – отмечает В.С. Бреднева, – ориентируется на практическое (праксиологическое) предназначение права, особое внимание уделяется правовым средствам, различным видам юридической деятельности»².

В контексте выбранного антрополого-правового дискурса инструментальный подход позволит показать особенности (раскрыть собственную ценность) природы органа общественного объединения, отличив его от волеспособных субъектов права³, использующих орган как правовое средство для достижения социально значимых результатов.

Правовым инструментом, посредством которого юридическое лицо, являясь участником имущественного оборота, приобретает субъективные гражданские права и принимает на себя юридические обязанности, называет орган Д.В. Ломакин. Однако, далее ученый присоединяется к толкованию правовой природы органа в качестве структурно обособленной части юридического лица⁴, тем самым оставляя за рамками своих суждений интересующую нас природу органа юридического лица как правового средства.

Следует отметить, что термин «правовое средство» известен ещё правоведам дореволюционного периода, ходя и не получил широкого распространения в доктрине того времени⁵.

В советское время глубокой проработкой данного понятия занимался Б.И. Пугинский, в результате чего ученый пришел к выводу, что «правовое средство – сочетание (комбинация) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их це-

¹ Сапун В.А. Инструментальная теория права в юридической науке // Современное государство и право. Вопросы теории и истории. Владивосток, 1992. С. 20.

² Бреднева В.С. Инструментальная теория права в российском правоведении // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 10 (60): в 3 ч. Ч. 3. С. 32.

³ На отличие правовых средств от субъектов их использования указывал профессор Г.Ф. Шершеневич: «юридические средства обеспечения интересов предполагают именно наличность воли...» (См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 639).

⁴ Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения как составная часть системы гражданско-правовых отношений: на примере хозяйственных обществ: дис. ... доктора. юрид. наук. М., 2009. С. 190.

⁵ См.: Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881; Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908.

лей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества»¹. Как видим основной акцент (подход) в указанном определении делается на связанность правовых средств с юридически значимыми действиями (деятельностью) субъектов права.

На основе указанного определения современные ученые под правовым (юридическим) средством понимают «совокупность правовых инструментов и форм реализации права, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально значимых целей»². В частности, С.Ю. Филиппова пришла к выводу, что правовое средство «должно быть пригодно для достижения любой правовой цели: как двух базовых – правовой цели, сформулированной в норме права, и правовой цели субъектов правореализационной деятельности, – так и конечной правовой цели – предельного понятия, выражающего сущность права вообще»³. В результате чего ученым сформулирована обобщающая дефиниция правовых средств: «правовые средства – это не противоречащие правовым нормам инструменты, предназначенные, пригодные и достаточные для достижения правовой цели»⁴.

Другой подход (акцент), связывает природу правовых средств с нормами права. Как отмечал С.С. Алексеев правовые средства «не образуют каких-то особых, принципиально отличных от традиционных, зафиксированных в общепринятом понятийном аппарате явлений правовой действительности. Это весь диапазон правовых феноменов различных уровней, с той лишь особенностью, что они выделяются и рассматриваются не с позиций нужд юридической практики, а с позиций их функционального предназначения, тех черт, которые характеризуют их как инструменты решения экономических и иных социальных задач»⁵.

При таком понимании под категорию «правовое средство» подходит множество правовых явлений (нормы права, правоотношения, правосубъектность,

¹ Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 132.

² Струнков С.К. Виды юридических средств // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева / отв. ред. В.А. Хохлов, С.А. Шейфер, В.А. Якушин. Тольятти, 2003. Вып. 28. С. 28; Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 67.

³ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М., 2011. С. 53.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 217.

компетенция, субъективные права и обязанности, договоры, юридическая ответственность и т. д.) и это связано с тем, что «любые модули правовой системы выступают средством, посредником между социально значимыми целями, с одной стороны, и желаемым результатом – с другой»¹. «В аспекте инструментального подхода правовые средства обладают всеми свойствами, которые характеризуют право как систему правовых средств: публичностью, обозримостью, конкретностью, реальной применимостью, гарантированностью. Эти свойства и придают правовому средству институционность, а также возможность практического использования»².

В дальнейшем этот подход был воспринят В.А. Сапуном, предложившим рассматривать правовые средства как «институционные образования (установления, формы) правовой действительности, которые в своем реальном функционировании, использовании в процессе специальной правовой деятельности приводят к достижению определенного результата в решении социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе»³.

В этом определении мы наблюдаем влияние догматов позитивистов, связывающих предназначение нормы права с решением общественных и государственных задач. Однако, как верно отмечает С.Ю. Филиппова здесь «...налицо подмена понятия правовой цели, на достижение которой направлено правовое средство, понятием «результат», т. е. понятием того, что фактически было достигнуто в ходе применения правового средства. [...] Закладывая в понятие правового средства результат, а не цель, ученый делает правовое средство заведомо неопределенным и неопределимым»⁴.

Кроме того, основное возражение вызывает сведение правовых средств к *установлениям*, воплощенным в человеческой деятельности.

¹ Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Монография. Саратов, 2003. С. 65.

² Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права.: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 54.

³ Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права... С. 56.

⁴ Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 180.

Для правильного понимания правового средства во главу угла должна ставиться цель общественного объединения, а не норма права. Ранее мы подробно аргументировали, что в определении любой цели заложены потребности и цели людей, которые формируют основу целеполагания общественного объединения, что же касается общества и государства, то они по отношению к нему, как было показано выше, являются метасистемами, представляющими собой правовые явления иного порядка, для которых категории «потребности» и «цели» нуждаются в дополнительной общетеоретической проработки.

Более того, представляется излишним выделять отдельную классификационную группу правовых средств, предназначенных для достижения правовой цели, зафиксированной в правовой норме. Согласимся с мнением С.Ю. Филипповой, что «с позиций логики вполне достаточно обходиться уже имеющимся понятием «норма права», подчеркивая (если этого требует какая-нибудь причина) ее функциональность»¹.

Для целей настоящего исследования продуктивнее взять за основу обособление группы правовых средств исходя из потребностей и целей субъекта право-реализационной деятельности (в частности общественного объединения), сделав разворот от догматической (позитивистской) к социологической юриспруденции в антрополого-правовом ее восприятии.

В этом контексте нам более близка позиция интегративного определения юридических средств А.В. Малько, рассматривающего их как «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально-полезных целей»². С.К. Струнков и К.В. Шундилов так же воспринимают «юридические средства в качестве совокупности *правовых инструментов и форм реализации права*, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально значимых целей»³.

¹ См.: Филиппова С.Ю. Указ. соч. С. 189.

² Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России. М., 2000. С. 88

³ Струнков С.К. Виды юридических средств // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 28. 2003. С. 28; Малько А.В., Шундилов К.В. Указ. соч. С. 67.

В целом, соглашаясь с указанным определением, хотелось бы уточнить, что юридические технологии (средства-действия), которые А.В. Малько относит к правовым средствам, включая в эту категорию все проявления юридической деятельности (правотворческая, правоприменительная, интерпретационная)¹, составляют правовое регламентирование процесса использования субъектом права (осуществление функций) органа в качестве правового средства иного порядка. Как верно указал В.А. Сапун, сама юридическая деятельность «...находится в иной плоскости правовой действительности, ибо она осуществляется с использованием правовых средств. Точнее было бы понимать под правовым средством не саму профессиональную юридическую деятельность, а ее результат в виде разнообразных правовых актов»². Такие акты, например, принимаются в результате деятельности лица, осуществляющего функции органа общественного объединения.

Взяв за основу обозначенный подход сделаем акцент в определении органа общественного объединения как правового средства на его предназначение для достижения не абстрактной цели законодателя, а конкретной цели исследуемого нами коллективного субъекта прав, в основе которой находятся потребности объединившихся людей.

Получится, что орган общественного объединения – это правовое средство, предназначенное для реализации правосубъектности общественного объединения³.

Далее рассмотрим признаки, характеризующие орган общественного объединения как правовое средство и свойства, возникающие в процессе его использования субъектами права.

1. Системность, состоящая из различных инструментов, предназначенных для достижения правовых целей деятельности общественного объединения (его целеполагания). Такими инструментам являются: полномочия, задачи и функции, образующие правовое содержание компетенции органа, которая представляет со-

¹ Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России... С. 89.

² Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права... С. 56.

³ Данное утверждение справедливо и в отношении органов общественного объединения, являющегося юридическим лицом (См.: Артеменков В.К. Орган юридического лица как правовое средство // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10. С. 84–93).

бой совокупность установленных законом или иным правовым актом прав, позволяющих лицам, использующих орган общественного объединения, осуществлять определенные действия по решению вопросов организации управления его деятельностью и представлению вовне.

Компетенция органа как правового средства обусловлена правосубъектностью общественного объединения, границы реализации которой определяют полномочия лиц, использующих орган.

В зависимости от компетенции можно выделить органы общей компетенции, предназначенные для изъявления воли общественного объединения в целом, и органы специальной компетенции, изъявляющие его волю в определенном частном направлении.

Содержание органа (компетенция) определяет его предназначение (направленность), что позволяет различить органы руководящие (съезд, конференция, общее собрание), осуществляющие общее руководство деятельностью общественного объединения, и исполнительные (руководитель), руководящие его текущей деятельностью.

Таким образом, компетенция является правовым содержанием органа, определяя условия его использования субъектами права в целях реализации правосубъектности общественного объединения.

2. Юридическая форма. Данный признак предполагает фиксацию правовых средств в нормах права, локальном акте общественного объединения. Правовая форма органа отражает его структуру, определяя возможность использования правового средства одним, двумя и более лицами в соответствии с компетенцией органа (содержанием).

По конструкции (структуре) формы различаются органы единоличные и коллегиальные. Единоличные органы предназначены для их использования конкретным лицом, которое в рамках компетенции органа самостоятельно осуществляет единоначальное руководство деятельностью общественного объединения (руководитель). Коллегиальные органы (съезд, конференция, общее собрание), предназначены для использования, тремя и более физическими лицами, которые в

порядке, определенном законом и учредительными документами, принимают решения по вопросам, отнесенным к компетенции органа, чаще всего совместно, а в случае расхождения во мнениях – большинством голосов (простым или квалифицированным).

В зависимости от возможности использования органа как правового средства конкретным лицом можно выделить органы, которые используются исключительно лицами, составляющими волевой элемент общественного объединения (например, общее собрание общественной организации) и органы, которые используются иными лицами (например, единоличный исполнительный орган).

3. Принадлежность. Орган является специальным правовым средством общественного объединения, порядок его образования (закрепления за конкретным общественным объединением) определяется законом и уставом.

Данное утверждение представляется необходимым соотнести с позицией С.С. Алексеева, согласно которой правовым средствам не присуща органическая связь с субъектами правоотношений, они лишь развернуты к последним своими потенциальными возможностями, которые субъекты могут использовать, а могут и не использовать¹.

В настоящее время из положения статьи 53 ГК РФ следует, что любое общественное объединение, являющееся юридическим лицом, не может действовать иначе, чем через орган. Таким образом, в условиях действующих правовых реалий орган является обязательным правовым средством, принадлежащим общественному объединению, являющемуся юридическим лицом.

Однако это не означает, что реализация правосубъектности общественного объединения, не являющегося юридическим лицом, должна осуществляться таким же образом.

Ведь ФЗ «Об общественных объединениях» не содержит ни дефиниции, ни предназначения употребляемого термина «руководящий орган общественного объединения». И если в отношении общественных объединений, являющихся юридическими лицами, функциональное предназначение органа объясняется в

¹ См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 222.

пункте 1 статьи 53 ГК РФ и других специальных законах, то в отношении общественных объединений, не обладающих статусом юридического лица, указанная норма применяется по аналогии. Считается аксиоматичным, что такие общественные объединения также приобретают права и принимают на себя обязанности через свои органы. При этом императивного предписания по этому вопросу законодательство не содержит.

В силу части 3 статьи 18 ФЗ «Об общественных объединениях» в любом общественном объединении должны быть сформированы руководящие органы. Однако в отношении общественных объединений, не являющихся юридическими лицами, в законе нет требования, что эти органы должны в дальнейшем функционировать.

Поэтому, на наш взгляд, такие общественные объединения вправе помимо реализации своей правосубъектности через органы приобретать права и принимать на себя обязанности самостоятельно. Под самостоятельной реализацией правосубъектности общественным объединением, не зарегистрированным в качестве юридического лица, мы понимаем её осуществление гражданами, объединившимися на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе данного общественного объединения, без использования органа в качестве вспомогательного правового средства. Именно эти граждане образуют между собой источник волеиспособности общественного объединения. Поэтому их совместное решение, принятое по заранее установленным правилам, будет решением общественного объединения.

Законодательным обоснованием указанной позиции являются положения статей 5, 15, части 3 статьи 20 ФЗ «Об общественных объединениях».

Указанным образом целесообразно реализовывать правосубъектность небольшим по численности общественным объединениям, не являющимися юридическими лицами. Излишним представляется, например, для общественного объединения, состоящего из трех граждан, реализовывать правосубъектность через органы. Данные граждане вполне могут организовать свою деятельность в форме общественного объединения, принимая совместные решения по правилам, уста-

новленным ими в уставе.

В настоящее время аналогичным образом происходит управление деятельностью полного товарищества (пункт 1 статьи 71 ГК РФ) и товарищества на вере (пункт 1 статьи 84 ГК РФ).

Такой же порядок должен стать правилом для всех общественных объединений, в том числе являющихся юридическими лицами. Это подчеркнет их самостоятельность как субъектов права, которые приобретают и осуществляют права своей волей, в том числе при помощи различных правовых средств (органов).

4. Пригодность (предназначенность) для достижения правовой цели. Орган как правовое средство предназначен для достижения конкретной правовой цели – с его помощью общественное объединение приобретает права и принимает на себя обязанности, в том числе юридического лица (абзац 1 пункта 1 статьи 53 ГК РФ). При этом риск недостижения конкретной правовой цели с помощью органа как правового средства лежит на субъекте права, использующим или предоставившим его для использования, т. к. предполагается, что изначально законом обеспечена пригодность правового средства для достижения цели субъекта.

Поэтому лицо, использующее орган как специальное правовое средство, принадлежащее конкретному общественному объединению, должно действовать в его интересах добросовестно и разумно (пункт 3 статьи 53 ГК РФ). Направленность органа на достижение правовой цели определяется соответствием основной цели деятельности общественного объединения нормам права. В связи с этим использование органа в противоправных целях должно влечь негативные последствия как непосредственно для лиц, использующих орган (руководителя, члена коллегиального органа), так и в определенных случаях для общественного объединения, которое должно нести предусмотренную законом ответственность за предоставление, принадлежащего ему правового средства, лицу, которое осуществляет его неправомерное использование.

Так, использование полномочий единоличного исполнительного органа (правового средства) руководителем общественного объединения для совершения

преступления может повлечь его ответственность как руководителя преступного сообщества (часть 3 статьи 41 ФЗ «Об общественных объединениях»).

5. Достаточность. Как верно отмечает С.Ю. Филиппова «субъекту права должен быть непременно предоставлен достаточный набор правовых средств, позволяющий достичь цели. Недостаточность правовых средств влечет те же негативные последствия, что и их непригодность»¹. По справедливому мнению В.В. Глазырина «недостаточность правовых средств, предоставляемых в распоряжение субъекта, которому задана некоторая цель, имеет два одинаково нежелательных последствия: либо цель воздействия не достигается вообще, либо она достигается, но уже незаконными средствами»².

ФЗ «Об общественных объединениях» и ГК РФ, на наш взгляд, предусматривают достаточный набор органов как правовых средств, позволяющих общественному объединению использовать их для приобретения прав и принятия обязанностей, что отражается в наличии системы органов конкретной организационно-правовой формы общественных объединений, их иерархии и компетенции.

Проанализируем, как организован процесс реализации правосубъектности общественного объединения на примере наиболее распространенного его вида – общественной организации.

Изначально, орган как специальное правовое средство закрепляется за конкретной общественной организацией, что находит отражение в ее уставе. Согласно пунктам 2, 4 части 1 статьи 20 ФЗ «Об общественных объединениях» устав общественного объединения должен предусматривать структуру общественного объединения, руководящие и контрольно-ревизионный органы общественного объединения; компетенцию и порядок формирования руководящих органов общественного объединения, сроки их полномочий, место нахождения постоянно действующего руководящего органа. Эти положения корреспондируют пункту 4 ста-

¹ Филиппова С.Ю. Указ. соч. С. 193.

² Глазырин В.В. Согласованность целей и средств правового воздействия как условие его эффективности // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды. М., 1985. С. 50–51.

тии 52 ГК РФ и абзацу 1 пункта 3 статьи 14 ФЗ «О некоммерческих организациях».

Следует отметить, что законодатель не требует указания в уставе сведений о конкретном лице, которое будет осуществлять функции органа (использовать его) или по терминологии ФЗ «Об общественных объединениях» входить в состав руководящего органа. Определение такого лица (его избрание) относится ко второй стадии организации процесса реализации общественным объединением правосубъектности посредством органа.

Например, в общественной организации образуется единоличный исполнительный орган (часть 5 статьи 8 ФЗ «Об общественных объединениях», пункт 1 статьи 30 ФЗ «О некоммерческих организациях»). Наравне с понятием «единоличный исполнительный орган» ФЗ «Об общественных объединениях» оперирует понятием «руководитель общественного объединения» (абзац 4 части 1 статьи 29, часть 4 статьи 19). Согласно статье 273 Трудового кодекса Российской Федерации руководитель организации – это физическое лицо, которое в соответствии с законом и учредительными документами организации осуществляет руководство этой организацией, в том числе выполняет функции ее единоличного исполнительного органа.

Обратим внимание, что трудовое законодательство использует понятие «физическое лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа».

Назначение (избрание) конкретного физического лица руководителем общественного объединения завершает организацию процесса реализации правосубъектности общественного объединения через его единоличный исполнительный орган. Указанным образом общественная организация определяет лицо, которое самостоятельно, без доверенности, будет представлять его интересы во внешних отношениях, совершать внутренние организационно-распорядительные акты управления, используя орган как правовое средство, принадлежащее общественному объединению.

К действиям данного лица вполне применимы отдельные положения о представительстве (Глава 10 ГК РФ), что подтверждается позицией Верховного Суда Российской Федерации.

Так, из содержания пункта 121 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 25) следует, что к органам юридического лица применимы лишь некоторые нормы о представительстве: об источниках полномочий, о запрете совершать сделки представляемого с представителем (пункты 1 и 3 статьи 182 ГК РФ), о последствиях заключения сделок с неуполномоченным лицом (статья 183 ГК РФ) и о последствии выдачи доверенности нескольким представителям (пункт 5 статьи 185 ГК РФ).

Вместе с тем пункт 1 статьи 183 ГК РФ не применяется к случаям совершения сделок органом юридического лица с выходом за пределы ограничений, которые установлены его учредительными документами, иными документами, регулирующими деятельность юридического лица, или представителем, за пределами ограничений, указанных в договоре или положении о филиале или представительстве юридического лица. Такие сделки могут быть оспорены на основании пункта 1 статьи 174 ГК РФ (п. 122 постановления Пленума ВС РФ № 25).

Данные исключения применения пункта 1 статьи 183 ГК РФ вполне объяснимы. Установление ограничений в уставе общественного объединения относятся к внутренней стороне отношений между ним и лицом, выполняющим функции исполнительного органа, которые не должны оказывать влияние на внешние отношения с третьими лицами, для которых орган как правовое средство в силу принадлежности общественному объединению олицетворяет само общественное объединение.

Рассматривая исполнительные органы как представителей, А.А. Кузнецов справедливо указал, что «представляемый не может ссылаться на ограничения полномочий, установленные во внутренних отношениях, перед добросовестным третьим лицом, которое, совершая сделку с представителем, полагалось на со-

держание доверенности, т. е. сделка, совершенная представителем с нарушением такого ограничения, будет являться действительной, хотя и может быть оспорена на основании пункта 1 статьи 174 ГК РФ. Вместе с тем совершение сделки с превышением полномочий, указанных в доверенности, т.е. с нарушением внешних ограничений, влечет применение статьи 183 ГК РФ»¹.

От внутренних отношений между общественным объединением и лицом, выполняющим функции его исполнительного органа, отличаются внутренние преобразования правоспособности общественного объединения путем установления в уставе конкретных целей деятельности.

В данном случае компетенция органа, обусловленная специальной правоспособностью общественного объединения, должна ей соответствовать, а сделка, совершенная лицом, выполняющим функции органа, в противоречии с целями деятельности, определенно ограниченными в учредительных документах юридического лица, может быть признана судом недействительной по иску этого юридического лица, его учредителя (участника) или иного лица, в интересах которого установлено ограничение, если доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать о таком ограничении (статья 173 ГК РФ).

Институт представительства не применим, когда субъектом правореализационной деятельности, использующим орган, является само юридическое лицо. Речь идет об общем собрании общественных организаций, члены которого в единстве своем составляют волевой элемент общественной организации. Данный орган как правовое средство, в отличие от единоличного исполнительного органа, предназначен для волеобразования общественной организации. «Именно общее собрание трансформирует интересы участников в волю юридического лица, которая определяет деятельность юридического лица через другие органы»². Члены общественной организации, использующие высший орган управления, формируют волю организации по определенному вопросу или кругу вопросов, изъявляя

¹ Кузнецов А.А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 19–20.

² Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. Т. 1. Общие положения о юридических лицах. С. 228.

эту волю и обращая свои суждения только внутри общественной организации, к другим участникам корпоративного отношения или работникам.

Законодательным примером использования членами общественной организации общего собрания как правового средства является то, что к их исключительной компетенции относится изменение устава некоммерческой организации (абзац 3 пункта 3 статьи 29 ФЗ «О некоммерческих организациях»).

Таким образом, волеизъявление членов высшего органа управления любой общественной организации – это волеизъявление самой организации.

При таком подходе необходимо различать случаи самостоятельной ответственности общественного объединения (например, за последствия решения, принятого высшим органом управления) и ответственности физического лица, выполняющего функции его органов (например, за последствия решения, принятого руководителем общественного объединения).

Следует констатировать, что применительно к общественным объединениям, обладающих правами юридических лиц, законодатель не раскрывает всей многоаспектности их самостоятельной вины.

Прежде всего, никак не регулируется ситуация, когда принятие юридическим лицом всех возможных мер по предотвращению неблагоприятных последствий своей деятельности, необходимых при той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него по характеру лежащих на нем обязанностей и конкретным условиям оборота, «парализовано» умыслом лиц, выполняющих функцию органов юридического лица. Когда данное лицо, совершает деликт, явно выходя за пределы своих полномочий вопреки интересам юридического лица. По мнению автора, в данной ситуации имеет место деликт физического лица, осуществляющего функции органа юридического лица, но не самого юридического лица. И здесь нельзя утверждать, что юридическое лицо отвечает за действия тех лиц, которые являются его органами¹.

На недопустимость распространения решений органа, принятых за рамками его компетенции, на юридическое лицо в свое время указывал С.Н. Братусь,

¹ См.: Гражданское право: учебник / под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. М., 1944. С. 332.

утверждая, что «юридическое лицо отвечает за вред, причиненный деятельностью его органов, только если орган действовал в сфере своей компетенции, т. е. в качестве органа. В этом случае вина органа является виной самого юридического лица. Когда орган выходит за рамки своей компетенции или действует в собственных интересах, юридическое лицо не несет ответственности за его деятельность, поскольку в подобных ситуациях субъект, осуществляющий функции органа юридического лица, перестает быть органом и превращается либо в частное лицо, либо в группу частных лиц»¹.

Таким образом, в определенных случаях можно связывать невиновность общественного объединения с виновным поведением лица, осуществляющего функции его органа, когда последнее, самостоятельно совершает деликт, выходя за пределы компетенции органа, в личных интересах используя своё положение и положение общественного объединения.

Такая ситуация не должна квалифицироваться как вина общественного объединения за ненадлежащую организацию своей деятельности через систему органов.

Как справедливо указывал С.Н. Братусь, «обоснование ответственности юридического лица виной его органов в подборе кадров, а также недостаточной организации и руководстве их деятельностью вступает в неустранимое противоречие между теоретическим обоснованием ответственности, что нет вины юридического лица, а есть вина его органов, и практическим выводом, что ответственность несет само юридическое лицо как субъект права. По мнению ученого, главный недостаток данной концепции состоит в недооценке процесса образования коллективной воли, в отрицании ее реальности. Ответственность юридического лица нельзя подменять персональной ответственностью его работников или руководителей»².

С позиции антрополого-правового понимания сущности общественного объединения источником его воли являются все его учредители, члены (участни-

¹ См.: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права... С. 206.

² См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 2001. С. 179–181.

ки), и они вправе решить, каким образом будет изъясняться эта воля: по общему согласию всех членов, большинством голосов, каждым или одним членом общественного объединения.

Поэтому один из членов в силу принадлежности к единому источнику воли общественного объединения вполне может быть определен остальными в качестве источника её объективации. В этом случае он самостоятельно формирует и изъясняет волю общественного объединения.

Предлагаемое понимание органа как правового средства, по нашему мнению, позволяет раскрыть особенности его природы, преодолеть смешение с лицом, использующим данное правовое средство, и продвинуться в дискуссии, в которой разные ученые говорят о различных сущностях, обозначаемых одним термином «орган».

Такое понимание природы органа общественного объединения не противоречит сложившейся правоприменительной судебной практике и может быть использовано для совершенствования законодательства без глобального изменения существующих положений ГК РФ и ФЗ «Об общественных объединениях», но в то же время уточняя их.

Основные изменения, на наш взгляд, должны касаться четкого терминологического разграничения понятий «орган» и «лицо, выполняющее функции органа». В свое время разработчики Концепции развития законодательства о юридических лицах обращали внимание на необходимость уточнения определения органа юридического лица (абзац 1 пункта 1 статьи 53 ГК) путем указания на то, что речь идет о лицах (т.е. субъектах права), составляющих органы юридического лица (пункт 3 статьи 53 ГК)¹.

Примечательно, что эти пожелания были облечены законодателем в крайне неудачную формулировку абзаца 1 пункта 1 статьи 53 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ), согласно которой юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие от его имени (пункт 1 статьи 182) в соответствии

¹ См.: Вестник гражданского права. 2009. № 2.

с законом, иными правовыми актами и учредительным документом.

В данном случае не было учтено, что от имени юридического лица действует (представляет) лицо, выполняющее функции органа (директор, президент и т.п.), но не сам орган как правовое средство.

Прав Д.В. Ломакин, утверждая, что любое физическое лицо – это не сам орган юридического лица, а всего лишь субъект, совершающий действия по исполнению функций такого органа в строгом соответствии с его компетенцией¹.

Не удивительно, что положение о том, что органы действуют от имени юридического лица со ссылкой на пункт 1 статьи 182 ГК РФ просуществовало немногим более года².

В зависимости от предмета регулирования, нормы права могут относиться как к лицу, выполняющему функции органа в качестве субъекта права, так и непосредственно к органу как правовому средству. В совокупности данные нормы регулируют отношения, связанные с организацией деятельности общественного объединения, являющегося юридическим лицом.

Так, статья 273 Трудового кодекса РФ, пункты 3 и 4 статьи 53 ГК РФ регулируют отношения между двумя субъектами права (юридическим и физическим лицом) по поводу выполнения условий реализации лицом функций органа. Норма пункта 3 статьи 53 ГК РФ обращена к лицу как субъекту, который самостоятельно формирует и выражает свою волю и, выполняя функции органа, может причинить юридическому лицу убытки. Данное лицо, в силу закона или учредительных документов юридического лица, выступающее от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно.

К органу как специальному правовому средству юридического лица относятся нормы абзаца 2 пункта 1 статьи 53 ГК РФ; пунктов 2, 4 части 1 статьи 20 ФЗ «Об общественных объединениях» и другие нормы.

¹ См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 281.

² Данное положение введено Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» и изменено Федеральным законом от 29.06.2015 № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

Данные положения устанавливают компетенцию (содержание) органа, определяющую полномочия лиц, осуществляющих функции органа (использующих его как правовое средство), и их состав.

В ФЗ «Об общественных объединениях» требуют уточнения формулировки норм, изложенных по примеру части 4 статьи 8, согласно которой в случае государственной регистрации общественной организации ее постоянно действующий руководящий орган осуществляет права юридического лица от имени общественной организации и исполняет ее обязанности в соответствии с уставом. Данная норма явно относится не к органу общественной организации как правовому средству, а к лицу, выполняющему функции данного органа.

Более правильно сформулировать эту норму следующим образом: в случае государственной регистрации общественной организации лицо (лица), осуществляющие функции ее постоянно действующего руководящего органа осуществляют права юридического лица от имени общественной организации и исполняют ее обязанности в соответствии с уставом.

Кроме того, предлагается предусмотреть в ФЗ «Об общественных объединениях» положение, регламентирующее вопросы организации и реализации правосубъектности общественного объединения.

Например, следующим образом:

1. Общественное объединение, являющееся юридическим лицом, приобретает права и принимает на себя обязанности через свои органы, порядок образования, использования и компетенция которых определяются настоящим законом и уставом общественного объединения.

2. Общественное объединение, не являющееся юридическим лицом, может приобретать права и принимать на себя обязанности через своих участников, учредителей, членов в случаях указания на это в уставе.

3. Лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица **использует** орган общественного объединения должно действовать в интересах общественного объединения добросовестно и разумно. Таковую же обязанность несут члены коллегиальных органов общественного

объединения (конференция наблюдательного или иного совета, правления и т. п.).

Употребление глагола «использует» подчеркивает принадлежность органа к категории «правовые средства», которые используются юридическими или физическими лицами.

Среди отличительных особенностей органа как правового средства и лиц, его использующих, можно выделить следующие:

- орган общественного объединения как правовое средство образуются в процессе создания общественного объединения, а лица, использующие его, существуют как субъекты права и до наделения их определенными полномочиями по использованию органа;

- компетенция органа как правового средства обусловлена правосубъектностью общественного объединения, поэтому у него нет своей правоспособности и дееспособности; у лиц, использующих орган, имеются свои интересы отдельно от правоспособности, дееспособности и интересов общественного объединения;

- у лиц, использующих орган, и органа общественного объединения различные источники легитимации. Порядок использования органа, его компетенция как правового средства закрепляются в учредительном документе, тогда как полномочия лиц, использующих орган, возникают при их избрании (назначении).

Для общественного объединения его орган как правовое средство выполняет техническую функцию, упорядочивая связь между ним и другими субъектами. Без использования данной правовой конструкции общественному объединению было бы затруднительно вступать в отношения с третьими лицами и управлять своей деятельностью.

Очевидно, что множество физических лиц, являясь волевым элементом юридической личности общественного объединения, не всегда способно непосредственно оперативно и успешно решать задачи, направленные на достижение целей деятельности общественного объединения. Поэтому объективно возникает необходимость в использовании вспомогательных правовых конструкций, через которые будет реализовываться правосубъектность (приобретаться права и приниматься обязанности). Указанной правовой конструкцией, на наш взгляд, и стали

органы общественного объединения.

В заключение параграфа можно сделать следующие выводы:

1. Правосубъектность общественного объединения может реализовываться им самостоятельно или через органы. Под самостоятельной реализацией правосубъектности общественным объединением, не зарегистрированным в качестве юридического лица, мы понимаем её осуществление гражданами, объединившимися на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе данного общественного объединения, без использования органа в качестве вспомогательного правового средства.

2. Орган общественного объединения – это правовое средство, предназначенное для реализации его правосубъектности. Орган является специальным правовым средством общественного объединения, порядок его образования (закрепления за конкретным общественным объединением) определяется законом и уставом.

Правовым содержанием органа является компетенция, которая представляет собой совокупность установленных законом или иным правовым актом прав, позволяющих лицам, использующим орган, осуществлять определенные действия по решению вопросов организации управления деятельностью общественного объединения и представлению его вовне. Компетенция органа как правового средства обусловлена правосубъектностью общественного объединения, границы реализации которой, установленные в уставе и законе, определяют полномочия лиц, использующих орган.

Правовая форма органа отражает его структуру, определяя возможность использования правового средства одним, двумя и более лицами в соответствии с компетенцией органа (содержанием).

3. Орган и лицо, выполняющее его функции (использующее его как правовое средство), являются разными правовыми явлениями, во взаимодействии обеспечивающими реализацию правосубъектности общественного объединения, что необходимо учитывать при изложении норм законов, не допуская терминологического и логического смешения данных понятий.

Разделение данных понятий лежит в основе имущественной ответственности лиц, использующих орган, перед общественным объединением, являющимся юридическим лицом за свои действия (пункт 3 статьи 53 ГК РФ).

Лицо, использующее орган, совершает юридически значимые действия собственной волей, реализуя правосубъектность общественного объединения, в связи с чем на него распространяются отдельные положения главы 10 ГК РФ.

4. Решение общего собрания учредителей (участников) формирует собственную волю общественного объединения. Данный процесс формализован и отражается в письменной форме. Это позволяет отграничить процесс мышления человека (волевого элемента) от формирования воли общественного объединения (системной целостности). Способность вырабатывать волю, которая при соблюдении процедуры ее формирования становится волей общественного объединения, является функциональным свойством волевого элемента (человека).

5. Необходимо отличать высший орган управления общественного объединения как волеспособную часть системной целостности от иных внешних правовых средств (единоличных или коллегиальных исполнительных органов), используемых в целях реализации правосубъектности общественного объединения.

Конкретно-определенная совокупность физических лиц в юридическом состоянии, являясь общественным объединением (с точки зрения антрополого-правового понимания его сущности, в то же время организованна в высший орган, ответственный за формирование воли общественного объединения (в соответствии с законом)).

В связи с этим говорить о том, что высший орган управления общественного объединения является её частью, через которую оно приобретает права и принимает на себя обязанности, следует исключительно в контексте разделения общественного объединения как системной целостности на два взаимосвязанных элемента (волевой и целевой). При этом, на наш взгляд, квалифицировать данную часть как орган представляется излишним, т. к. по сути, имеет место факт непосредственного волеобразования самим общественным объединением, т. е. реализация им своей правосубъектности.

Подводя итог главе определим правосубъектность общественного объединения следующим образом – это его правовое качество, образующее правовую связь с правопорядком, признанное государством ввиду наличия у общественного объединения свойств, позволяющих быть субъектом права.

Таковыми свойствами являются:

- устойчивый правовой интерес, выраженный посредством основной цели (целеполагания);
- волеспособность, обеспечиваемая правовыми качествами человека как волевого элемента (правосубъектного физического лица), которые позволяют общественному объединению формировать и изъявлять волю, иметь права и нести обязанности, своими действиями приобретать и осуществлять такие права, создавать для себя обязанности и исполнять их;
- наличие имущества, обеспечивающего существование общественного фонда, реализацию его целеполагания.

Пределы реализации правосубъектности общественного объединения обусловлены его целеполаганием (целью деятельности).

Правоспособность и дееспособность общественного объединения являются разными правовыми явлениями, обеспечивающими во взаимосвязи процессе реализации правосубъектности общественного объединения.

Рассмотрение данных категорий в качестве двух отдельных этапов развития правосубъектной связи общественного объединения с правопорядком позволяет отнести правоспособность к первой стадии, определяющей потенциальную способность общественного объединения к воле и правовой деятельности, участию в правоотношениях, соответствующих его природе; дееспособность – ко второй стадии, определяющей его способность (готовность с точки зрения воли, организационных, имущественных, иных предпосылок) своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя обязанности и исполнять их.

Стадия дееспособности олицетворяет качественно новый уровень развития правосубъектной связи общественного объединения с правопорядком, при котором абстрактные (потенциальные) возможности человека (их совокупности) соот-

носятся с реальной его готовностью самостоятельно осуществлять деятельность в новом юридическом состоянии, новой форме правового бытия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный на разных исторических этапах антрополого-правовой анализ социально-правовой действительности существования общественных объединений позволил под иным углом оценить природу его правосубъектности и сделать следующие выводы.

1. Общественное объединение представляет собой одну из форм юридикации коллективного человеческого бытия, в которой происходит развитие свободной межличностной коммуникации равноправных субъектов права (физических лиц), составляющих волевою основу общественного объединения как системной целостности. Антрополого-правовой подход обнаруживает имманентную диалогичность этой коммуникации в структуре любого общественного объединения, позволяя изучить взаимодействие, взаимообусловленность и взаимопереход противоположных сторон ее системной целостности (в частности, единичной воли человека в их общую волю, обретающую качество индивидуальной воли общественного объединения; динамичность процесса образования такой воли и статичность нормативно-правового регулирования порядка ее образования; ее имманентность и трансцендентность), а также аналогичных диалогических отношений общественного объединения и однопорядковых ему явлений (юридических лиц, не относящихся в силу закона к общественным объединениям) и во взаимоотношении с метасистемой относительно него (государством).

2. Эволюция общественного объединения как правовой формы социально-правовой жизни людей, в которой осуществляется межличностное коммуникативное взаимодействие, соответствует эволюции права в целом.

На первом этапе (догосударственное право) своего исторического развития коммуникативные связи между людьми внутри социальной общности, которой являлась раннепервобытная община, в отсутствии противопоставления части (че-

ловека) и целого (общины) носили идеальный сбалансированный характер, поддерживаемый внутренней регуляцией.

С появлением государства (второй этап – государственное право), монополизировавшим право, естественная индивидуальная межличностная регуляция коллективных образований сменилась общей нормативной регуляцией, а человек попал в зависимость от государственных (политических, экономических, религиозных и т. п.) интересов, выраженных нормой права. Дисбаланс социального (человек, его права и свободы) и правового (интересы государства) отразился на свободе межличностной коммуникации граждан в форме общественного объединения, что проявилось в ужесточении контроля за их созданием и деятельностью со стороны государства.

На определенном промежутке эволюции государственного (политического) права вновь зародилась идея свободной межличностной коммуникации (третий этап – право «суверенной», свободной личности, право человека), когда государство не вмешивается в процесс создания общественных объединений (явочный порядок создания), а принимает их в качестве равных субъектов права.

3. Некоммерческий характер деятельности общественных объединений обусловлен их самодостаточностью, обеспечивающей существование общности граждан вне зависимости от меняющихся условий правовой среды и необходимостью взаимодействия с другими субъектами права. Это связано с тем, что в своем изначальном виде право граждан на объединение отражает их естественную (природную) потребность в межличностной диалогичной коммуникации. Поэтому в дискурсе антропологического типа правопонимания общественное объединение представляет собой самодостаточное, добровольное, самоуправляемое, некоммерческое объединение граждан, преследующих общую цель, закрепленную в уставе общественного объединения. К общественным объединениям помимо легальных организационно-правовых форм относятся потребительские кооперативы; общины коренных малочисленных народов Российской Федерации; казачьи

общества; автономные некоммерческие организации, создаваемые гражданами; ассоциации (союзы).

4. В антрополого-правовом дискурсе формирование юридической личности представляет собой структурирование волевых качеств человека в системную целостность общественного объединения, системообразующим критерием которой является целеполагание. Содержание целеполагания общественного объединения включает в себя следующие составные элементы: согласованная и взаимообусловленная потребность индивидов в совместной некоммерческой деятельности (основа формирования целеполагания, её соотнесение с будущим результатом деятельности); правовые средства, способствующие достижению цели в процессе реализации правосубъектности общественного объединения (имущество, орган общественного объединения и др.); способы практического действия по связыванию того и другого (формально-определенные правила использования имущества, формирования и изъятия воли общественного объединения посредством использования его органов).

5. Создавая общественное объединение, физические лица становятся источником его волеиспособности, одновременно формируя, к примеру, съезд (конференцию) или общее собрание. При этом они переходят в новое юридическое состояние, реализуя собственную персонифицированную, индивидуальную волю. Под юридическим состоянием понимается сфера правового регулирования элементов общественного объединения как системной целостности, в которой фиксируется их взаимосвязь. В правовой реальности юридическое состояние образуют нормы права и положения устава общественного объединения, которые фиксируют его целеполагание и правосубъектность, их образование, изменение и реализацию, а также определяют средства индивидуализации и специфику целевой взаимосвязанности волевых элементов общественного объединения как системной целостности, складывающейся в конкретной его организационно-правовой форме.

6. Правоспособность общественного объединения – это его способность как обладателя определенных социально-правовых свойств быть субъектом права,

обнаруживая правовые связи с правопорядком, т. е. иметь потенциальную способность к воле и правовой деятельности, участвуя в различных правоотношениях, соответствующих его природе.

Антрополого-правовой фактор (степень ограничения правоспособности человека в структуре юридической личности общественного объединения) позволяет свести множество видов правоспособности общественного объединения (ограниченную, исключительную, дополнительную) к одному – конкретно-определенному, когда в законе или уставе общественного объединения содержится исчерпывающий (законченный) перечень видов деятельности, которыми оно вправе или не вправе заниматься. Выдача или приостановление (аннулирование) лицензии на осуществление видов деятельности, подлежащих лицензированию, являются актами государственного контроля, оказывающими влияние на реализацию дееспособности общественного объединения, но не на его правоспособность.

7. Дееспособность является вторым этапом развития правовой связи общественного объединения с правопорядком, определяющим его способность своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя обязанности и исполнять их. Дееспособность общественного объединения формируется на основе правосубъектности физических лиц, составляющих его волевой элемент, и может быть ограничена в случаях несоответствия одному из критериев готовности юридического лица реализовывать функции субъекта права.

8. Правосубъектность общественного объединения – это его правовое качество, образующее правовую связь с правопорядком, признанное государством ввиду наличия у общественного объединения свойств, позволяющих быть субъектом права.

Таковыми свойствами являются: устойчивый правовой интерес, выраженный посредством основной цели (целеполагания); волееспособность, обеспечиваемая правовыми качествами человека как волевого элемента (правосубъектного физического лица), которые позволяют общественному объединению формировать и изъяслять волю, иметь права и нести обязанности, своими действиями приобретать и осуществлять такие права, создавать для себя обязанности и исполнять их;

наличие имущества, обеспечивающего существование конкретных общественных объединений (например, общественного фонда), реализацию их целеполагания.

9. В антрополого-правовом дискурсе реализация правосубъектности общественного объединения через высший орган управления (съезд (конференцию) или общее собрание) квалифицируется как непосредственный способ реализации им (объединением) своей правосубъектности, поскольку конкретно-определенная совокупность физических лиц, образующих данный орган, является единственным источником волеиспособности общественного объединения. Реализация правосубъектности общественного объединения через другие органы квалифицируется как опосредованный способ реализации правосубъектности общественного объединения с использованием органа в качестве правового средства.

10. Орган общественного объединения – это правовое средство, предназначенное для реализации его правосубъектности. Орган является специальным правовым средством общественного объединения, порядок его образования (закрепления за конкретным общественным объединением) определяется законом и уставом.

Правовым содержанием органа является компетенция, которая представляет собой совокупность установленных законом или иным правовым актом прав, позволяющих лицам, использующим орган, осуществлять определенные действия по решению вопросов организации управления деятельностью общественного объединения и представлению его вовне. Компетенция органа как правового средства обусловлена правосубъектностью общественного объединения, границы реализации которой, установленные в уставе и законе, определяют полномочия лиц, использующих орган. Правовая форма органа отражает его структуру, определяя возможность использования правового средства одним, двумя и более лицами в соответствии с компетенцией органа (содержанием).

11. Орган и лицо, выполняющее его функции (использующее его как правовое средство), являются разными правовыми явлениями, во взаимодействии обеспечивающими реализацию правосубъектности общественного объединения, что

необходимо учитывать при изложении норм законов, не допуская терминологического и логического смешения данных понятий.

Разделение данных понятий лежит в основе имущественной ответственности лиц, использующих орган, перед общественным объединением, являющимся юридическим лицом за свои действия.

Лицо, использующее орган, совершает юридически значимые действия собственной волей, реализуя правосубъектность общественного объединения.

12. Решение общего собрания учредителей (участников) формирует собственную волю общественного объединения. Данный процесс формализован и отражается в письменной форме. Это позволяет отграничить процесс мыслительности человека (волевого элемента) от формирования воли общественного объединения (системной целостности). Способность вырабатывать волю, которая при соблюдении процедуры ее формирования становится волей общественного объединения, является функциональным свойством волевого элемента (человека).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нормативные правовые акты и международные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. от 21.07.2014, № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Декларации ООН «О правах умственно отсталых лиц» от 20.12.1971 (принята 20.12.1971 Резолюцией 2856 (XXVI) на 2027-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. – Выпуск XLVI. – 1993.

4. Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (приняты 17.12.1991 Резолюцией 46/119 на 75-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301 (с посл. изм.).

6. Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 33. – Ст. 1913.

7. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930 (с посл. изм.).

8. Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей: Федеральный закон от 22.08.1995 № 151-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 35. – Ст. 3503 (с посл. изм.).

9. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4563 (с посл. изм.).

10. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145 (с посл. изм.).

11. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 148 (с посл. изм.).

12. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3802 (с посл. изм.).

13. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 30. – Ст. 3122 (с посл. изм.).

14. О политических партиях: Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950 (с посл. изм.).

15. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3431 (с посл. изм.).

16. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031 (с посл. изм.).

17. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190 (с посл. изм.).

18. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 30. – Ст. 3735 (с посл. изм.).

19. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2716 (с посл. изм.).

20. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598 (с посл. изм.).

2. Акты национальных и международных органов судебной власти

21. По делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 2 Федерального закона от 07.03.1996 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.10.1996 № 17-П // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 45. – Ст. 5202.

22. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.1998 № 15-П // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 22. – Ст. 2491.

23. По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.03.2001 № 4-П // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 12. – Ст. 1138.

24. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона «О национально-культурной автономии» в связи с жалобой граждан А.Х. Дитца и О.А. Шумахер: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.03.2004 № 5-П // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 11. – Ст. 1033.

25. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2015 № 2-П // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 9. – Ст. 1389.

26. Постановления ЕСПЧ от 26.10.2000 по делу «Хасан (Hasan) и Чауш (Chaush) против Болгарии» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Постановления ЕСПЧ от 17.02.2004 по делу «Горжелик (Gorzelik) и другие против Польши» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Постановление ЕСПЧ от 05.10.2006 «Дело «Московское отделение Армии Спасения против Российской Федерации» (жалоба № 72881/01) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29. Постановления ЕСПЧ от 01.10.2009 по делу «Кимля и другие против России» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

30. Постановления ЕСПЧ от 10.06.2010 по делу «Свидетели Иеговы» в Москве и другие против России» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2010 № 13-В10-2 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВС РФ. – URL: <http://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 08.10.2017).

32. Решение Арбитражного суда Калужской области от 11.03.2002 № А-23-3831/01Б-7-275-17-121 о признании несостоятельным (банкротом) и введении конкурсного производства в отношении Городской общественной организации «Калужское общество инвалидов» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

33. Решение Арбитражного суда Республики Марий Эл от 07.08.2008 № А38-3144/2007-11-101 о признании несостоятельным (банкротом) и введении конкурсного производства в отношении Семеновского отделения Марийской республиканской общественной организации Всероссийского общества инвалидов // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

34. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 09.02.2011 А45-15098/2010 о признании несостоятельным (банкротом) и введении конкурсного производства в отношении Городской общественной организации «Молодежный жилой комплекс транспортных строителей» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

35. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 09.02.2011 № А45-15098/2010 о признании несостоятельным (банкротом) и введении конкурсного производства в отношении Городской общественной организации «Молодежный жилой комплекс транспортных строителей» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

36. Решение Арбитражного суда города Москвы от 30.07.2012 № А40-95595/11 о признании несостоятельным (банкротом) и введении конкурсного производства в отношении Общественной организации «Профессиональный союз московских транспортных строителей» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Научная и учебная литература, словари

37. *Авакьян, С.А.* Конституционное право России: учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1 [Текст] / С.А. Авакьян. – М. : Юристъ, 2007. – 719 с.

38. *Авакьян, С.А.* Конституционное право России: учебный курс: учеб. пособие : в 2 т. Т. 1 [Текст] / С.А. Авакьян. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 864 с.
39. *Акимова, Т.А.* Теория организации : учеб. пособие для вузов [Текст] / Т.А. Акимова. – М. : Юнити, 2003. – 367 с.
40. *Алексеев, В.П.* Становление человечества [Текст] / В.П. Алексеев. – М.: Политиздат, 1984. – 462 с.
41. *Алексеев, С.С.* Теория права [Текст] / С.С. Алексеев. – М. : БЕК, 1995. – 320 с.
42. Аристотель. История животных [Текст] / Аристотель; пер. В.П. Карпова; под ред. Б.А. Старостина. – М. : РГГУ, 1996. – 528 с.
43. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 3. [Текст] / Аристотель; пер. П.Д. Рожанский. – М. : Мысль, 1981. – 613 с.
44. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. [Текст] / Аристотель; пер. А.И. Доватура. – М. : Мысль, 1983. – 830 с.
45. *Архипов, С.И.* Субъект права. Теоретическое исследование [Текст] / С.И. Архипов. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 469 с.
46. Античная цивилизация [Текст] / колл. авторов; отв. ред. В.Д. Блаватский; АН СССР. Ин-т археологии. – М. : Наука, 1973. – 270 с.
47. *Барков, А.В.* Реализация гражданской правосубъектности общественного объединения инвалидов в сфере социальной защиты [Текст] / А.В. Барков. – Коломна, 2003. – 217 с.
48. *Бахрах, Д.Н.* Административное право : учебник для вузов [Текст] / Д.Н. Бахрах. – М. : БЕК, 1996. – 368 с.
49. *Безруков, А.В.* Конституционное право России: учеб. пособ. [Текст] / А.В. Безруков. – М. : Юстицинформ, 2015. – 304 с.
50. *Бельский, К.С.* Полицейское право: Лекционный курс [Текст] / К.С. Бельский; под ред. А.В. Куракина. – М. : Дело и сервис, 2004. – 816 с.
51. *Белявский, В.А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический [Текст] / В.А. Белявский. – М. : Мысль, 1971. – 319 с.

52. *Бержель, Ж.-Л.* Общая теория права [Текст] / Ж.-Л. Бержель; под общ. ред. В.И. Даниленко. – М. : NOTA VENE, 2000. – 576 с.
53. *Богданов, А.А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука) : в 2 кн. [Текст] / А.А. Богданов; отв. ред. Л. И. Абалкин и др. / Отд-ние экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. – М. : Экономика, 1989. – Кн. 1. – 304 с.
54. Большой универсальный словарь русского языка [Текст] / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. – М. : Словари XXI века : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.
55. *Борзенко, А.В.* Проблема цели в общественном развитии [Текст] / А.В. Борзенко. – М. : Изд-во ВПШ и АОН, 1963. – 79 с.
56. *Борн, М.* Физика в жизни моего поколения [Текст] / М. Борн. – М. : Иностран. лит., 1963. – 536 с.
57. *Братусь, С.Н.* Юридическая ответственность и законность [Текст] / С.Н. Братусь. – М. : Городец-издат, 2001. – 208 с.
58. *Братусь, С.Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. Ученые труды: Понятие, виды, государственные юридические лица. Вып. 12 [Текст] / С.Н. Братусь. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – 364 с.
59. *Братусь, С.Н.* Субъекты гражданского права [Текст] / С.Н. Братусь. – М. : Госюриздат, 1950. – 367 с.
60. *Валяев, Ю.К.* Метод разрешения в административном праве России : моногр. [Текст] / Ю.К. Валяев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2009. – 127 с.
61. *Васильев, Л.С.* История Востока : в 2 т. Т.1: [Текст] / Л.С. Васильев. – М.: Высшая школа, 1998. – 495 с.
62. *Венедиктов, А.В.* Государственная социалистическая собственность [Текст] / А.В. Венедиктов; отв. ред. В.К. Райхер. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 839 с.
63. *Виндельбандт, В.* О свободе воли [Текст] / В. Виндельбандт; пер. с нем. Г. Сониной, под ред. В.В. Битнера. – СПб. : В.В. Битнер, 1904. – 112 с.

64. *Гавель, В.Л.* Целеполагание в структуре социальной деятельности человека [Текст] / В.Л. Гавель. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. – 280 с.
65. *Гаджиев, Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография [Текст] / Г.А. Гаджиев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 320 с.
66. *Галкин, В.П.* Проблемы современности: теоретические аспекты и основы экологической проблемы: толкователь слов и идиоматических выражений : учеб. пособ. : в 3 ч. Ч-2. [Текст] / В.П. Галкин. – Чебоксары, 1997. – 220 с.
67. *Гамбаров, Ю.С.* Курс гражданского права. Т. 1. Часть Общая. [Текст] / Ю.С. Гамбаров. – СПб., 1911. – 780 с.
68. *Гегель, Г.Ф.* Философия права [Текст] / Г.Ф. Гегель; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц. – М. : Мысль, 1990. – 526 с.
69. *Герваген, Л.Л.* Развитие учения о юридическом лице [Текст] / Л.Л. Герваген. – СПб. : Типография И.Н Скороходова, 1888. – 91 с.
70. *Глухарева, Л.И.* Современные проблемы теории прав человека / Л.И. Глухарева. – М.: Юрист, 2004. – 314 с.
71. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 [Текст] / под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. – 419 с.
72. Гражданское право : в 4 т. : Общая часть : учебник. Т. 1 [Текст] / под ред. Е.А. Суханова. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 736 с.
73. Гражданское право : в 2 т. : учебник. Т. 1 [Текст] / под ред. Е.А. Суханова. – М. : Изд-во БЕК, 1998. – 816 с.
74. *Грешников, И.П.* Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве [Текст] / И.П. Грешников. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 331 с.
75. *Грибанов, В.П.* Юридические лица [Текст] / В.П. Грибанов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 115 с.
76. *Гревцов, Ю.И.* Социология права. Курс лекций [Текст] / Ю.И. Гревцов. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 312 с.

77. *Гроций, Г.* О праве войны и мира [Текст] / Г. Гроций. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.
78. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. [Текст] / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1989. – 779 с.
79. *Дворецкий, И.Х.* Латинско-русский словарь [Текст] / И.Х. Дворецкий. – М.: Изд-во «Русский язык», 1976. – 1096 с.
80. *Фюстель де Куланж, Н.Д.* (Numa Denis Fustel de Coulanges) Гражданская община древнего мира (перевод с французского) [Текст] / Н.Д. Фюстель де Куланж // Санкт-Петербург : Типография Б.М. Вольфа, 1906. – 459 с.
81. *Дождев, Д.В.* Римское частное право : учебник для вузов [Текст] / Д.В. Дождев; под редакцией В.С. Нерсисянца. – М. : Издательская группа ИНФРА М : НОРМА, 1997. – 704 с.
82. *Дробышевский, С.А.* Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции [Текст] / С.А. Дробышевский. – Красноярск : Изд. Красноярского гос. ун-та. – 1995. – 296 с.
83. *Дробышевский, С.А.* История политических и правовых учений: основные классические идеи [Текст] / С.А. Дробышевский. – М. : Норма, 2015. – 592 с.
84. *Дробышевский, С.А., Протопопова, Т.В.* Представления о человеческом достоинстве в политико-юридических доктринах и праве: монография [Текст] / С. А. Дробышевский, Т. В. Протопопова. – М. : Проспект, 2015. – 175 с.
85. *Дювернуа, Н.Л.* Конспект лекций по гражданскому праву. Вып. 2. [Текст] / Н.Л. Дювернуа. – СПб. : Типо-литография А.Б. Ландау, 1886.– 266 с.
86. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя [Текст] / под ред. Н.И. Лазаревского. – СПб. : Типография А.Г. Розена, 1909. – 1023 с.
87. *Ельяшевич, В.Б.* Избранные труды о юридических лицах, объектах гражданских правоотношений и организации их оборота : в 2 т. Т. 1. [Текст] / В.Б. Ельяшевич; науч. ред. В.С. Ем. – М. : Статут, 2007. – 492 с.

88. *Жубрин, Р.В.* Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты [Текст] / Р.В. Жубрин. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 488 с.
89. *Захаров, В.А.* Создание юридических лиц: Правовые вопросы [Текст] / В.А. Захаров. – М. : Норма, 2002. – 208 с.
90. *Зорькин, В.Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография [Текст] / В.Д. Зорькин. – М. : Норма, 2017. – 592 с.
91. *Иванников, В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции: учеб. пособ. [Текст] / В.А. Иванников. – СПб. : Питер, 2006. – 208 с.
92. *Иеринг, Р. фон.* Избранные труды [Текст] / Р. Иеринг. – Самара : Самарская гос. экономическая академия, 2003. – 520 с.
93. *Иеринг, Р. фон.* Цель в праве. [Текст] / Р. фон Иеринг. – СПб. : Изд. Н.В. Муравьева, 1881. – Т. 1. – 424 с.
94. *Ильин, Е.П.* Мотивация и мотивы [Текст] / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2006. – 512 с.
95. *Ильин, И.А.* Путь к очевидности [Текст] / И.А. Ильин. – М. : Республика, 1993. – 431 с.
96. *Ильин, И.А.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4 [Текст] / И.А. Ильин; сост. Ю.Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 1994. – 576 с.
97. *Иоффе, О.С.* Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» [Текст] / О.С. Иоффе. – М. : Статут, 2000. – 777 с.
98. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов : в 2 ч. Ч. 1 [Текст] / под общ. ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой. – М. : Норма, 2004. – 624 с.
99. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропо-социогенеза [Текст] / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. – 432 с.
100. История политических и правовых учений, XVII–XVIII вв. [Текст] / Я.М. Азаркин, В.Г. Графский, Я.С. Грацианский и др.; отв. ред. В.С. Нерсисянц; АН СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1989. – 448 с.

101. История религии: в 2 т. Т. 1. Учебник [Текст] / В.В. Винокуров, А.П. Забияко, З. Г. Лапина и др.; под общей ред. И. Н. Яблокова. – М. : Высшая школа, 2004. – 464 с.
102. Кабо, В.Р. Первобытная доземледельческая община [Текст] / В.Р. Кабо. – М. : Наука, 1986. – 302 с.
103. Кванина, Н.В. Высшее учебное заведение как субъект права: проблемы частного и публичного права [Текст] / Н.В. Кванина. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 349 с.
104. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе [Текст] / С.Ф. Кечекьян; отв. ред. М.С. Строгович. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 187 с.
105. Кнабе, Г.С. Древний Рим – история и повседневность: Очерки [Текст] / Г.С. Кнабе. – М. : Искусство, 1986. – 207 с.
106. Кнабе, Г.С. Избранные труды. Теория и история [Текст] / Г.С. Кнабе. – М. : Изд-во РОССПЭН, 2006. – 1200 с.
107. Ковалев, В.И. Мотивы поведения и деятельность [Текст] / В.И. Ковалев. – М. : Наука, 1988. – 193 с.
108. Ковлер, А.И. Антропология права: учебник для вузов [Текст] / А.И. Ковлер. – М. : Изд-во НОРМА, 2002. – 480 с.
109. Кодолова, А.В. Особенности гражданско-правового статуса юридических лиц, эксплуатирующих экологически особо опасные объекты [Текст] / А.В. Кодолова // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
110. Козлихин, И.Ю. Избранные труды [Текст] / И.Ю. Козлихин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2012. – 585 с.
111. Козлова, Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории : учеб. пособ. [Текст] / Н.В. Козлова. – М. : Статут, 2003. – 318 с.
112. Козлова, Н.В. Правосубъектность юридического лица [Текст] / Н.В. Козлова. – М. : Статут, 2005. – 476 с.
113. Кокотов, А.Н. Доверие. Недоверие. Право [Текст] / А.Н. Кокотов. – М. : Юристъ, 2004. – 192 с.

114. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / колл. авторов; под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. – М. : Эксмо, 2009. – 1056 с.

115. Кононов, А.А. Системные исследования норм права : учебное пособие [Текст] / А.А. Кононов, И.Л. Честнов. – СПб. : Изд-во СПб юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 2001. – 79 с.

116. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве [Текст] / О.А. Красавчиков. – М. : Госюриздат, 1958. – 182 с.

117. Курс российского трудового права : в 3 т. Т. 3 [Текст] / колл. авторов; науч. ред. Е.Б. Хохолов. – СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 656 с.

118. Лазарев, Ф.В. Философия : учеб. пособ. [Текст] / Ф.В. Лазарев, М.К. Трифонова. – Симферополь : Сонат, 1999. – 352 с.

119. Лафта, Дж.К. Теория организации : учеб. пособ. [Текст] / Дж.К. Лафта. – М. : ТК Велби; Проспект, 2003. – 416 с.

120. Леви-Стросс, К. Структурная антропология [Текст] / пер. с фр. В.В. Иванова. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

121. Леон, Д. Конституционное право. Общая теория государства: Монография [Текст] / Д. Леон; сост. А.Н. Барков и др. – М. : НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 427 с.

122. Ломакин, Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах [Текст] / Д.В. Ломакин. – М. : Статут, 2008. – 511 с.

123. Лушников, А.М. Курс права социального обеспечения [Текст] / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – М. : Юстицинформ, 2009. – 656 с.

124. Лушников, А.М., Лушникова, М.В. Курс трудового права : учеб. : в 2 т. Т.1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть [Текст] / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – М. : Статут, 2009. – 879 с.

125. Люшер, Ф. Конституционная защита прав и свобод личности [Текст] / Ф. Люшер. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Универс», 1993. – 384 с.

126. *Макаров, М.Г.* Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии [Текст] / М.Г. Макаров. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 188 с.

127. *Малько, А.В.* Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы: учеб. пособие [Текст] / А.В. Малько. – М. : Юристъ, 2000. – 256 с.

128. *Малько, А.В., Шундилов, К.В.* Цели и средства в праве и правовой политике [Текст] / А.В. Малько, К.В. Шундилов. – Саратов : Изд-во СГАП, 2003. – 296 с.

129. *Маркс, К. и Энгельс, Ф.* Сочинения : в 39 т. Т. 2 [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1955. – 651 с.

130. *Маркс, К. и Энгельс, Ф.* Сочинения : в 39 т. Т. 8 [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1957. – 705 с.

131. *Маркс, К. и Энгельс, Ф.* Сочинения : в 39 т. Т. 19 [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1961. – 670 с.

132. *Манасян, А.С.* Методологические принципы объективности научного знания и единство науки [Текст] / А.С. Манасян. – Ереван : АН Арм. ССР, 1984. – 315 с.

133. Марсилий Падуанский. Защитник мира. *Defensor pacis* / пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М. : Дашков и Ко, 2014. – 656 с.

134. *Маслоу, А.Г.* Мотивация и личность [Текст] / А.Г. Маслоу; пер. с англ. А.М. Татлыбаева. – СПб. : Евразия, 1999. – 478 с.

135. *Мейер, Д.И.* Русское гражданское право : в 2 ч. Ч. 1 [Текст] / Д.И. Мейер. – М. : Статут, 1997. – 290 с.

136. *Мехонцева, Д.М.* О законе целесообразного и оптимального самоуправления и управления [Текст] / Д.М. Мехонцева. – Красноярск, 1988. – Деп. в ИНИОН РАН. № 35171.

137. *Могилевский, С.Д.* Органы управления хозяйственными обществами: правовой аспект [Текст] / С.Д. Могилевский. – М. : Дело, 2001. – 358.

138. *Момджян, К.Х.* Введение в социальную философию : учеб. пособ. [Текст] / К.Х. Момджян. – М. : Высш. шк., КД «Университет», 1997. – 448 с.
139. *Монтескье, Ш.Л.* О духе законов [Текст] / Ш.Л. Монтескье; пер. А. Матешука. – М.: Мысль, 1999. – 674 с.
140. *Морган, Л.Г.* Древнее общество или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации [Текст] / Л.Г. Морган. – Л.: Издательство народов севера, 1935. – 350 с.
141. *Морозова, Л.А.* Теория государства и права: учебник [Текст] / Л.А. Морозова. – М. : Российское юридическое образование, 2010. – 384 с.
142. *Мухаев, Р.Т.* Теория государства и права: учебник для вузов [Текст] / Р.Т. Мухаев. – М. : «Издательство ПРИОР», 2001. – 464 с.
143. *Мэн Г.С.* Древнее право//Пер. Н. Белозерской с 4-го англ. изд. - Санкт-Петербург.: Д.Е. Кожанчиков, 1873. - [4], II, [2], 312 с.
144. *Нерсисянц, В.С.* Право и закон. Из истории правовых учений [Текст] / В.С. Нерсисянц; отв. ред. Л.С. Мамут. – М. : «Наука», 1983. – 366 с.
145. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 1 [Текст] / Ин-т философии РАН, Нац. общ.- научн. фонд; Научно-ред. совет: В.С. Степин и др. – М.: Мысль, 2000. – 721 с.
146. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3 [Текст] / Ин-т философии РАН, Нац. общ.- научн. фонд; Научно-ред. совет: В.С. Степин и др. – М.: Мысль, 2000. – 606 с.
147. *Новгородцев, П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания [Текст] / П.И. Новгородцев. – СПб. : Изд-во Лань : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – 352 с.
148. *Новицкий, И.Б.* Римское право : учебник. [Текст] / И.Б. Новицкий. – М. : Гуманитарное знание; ТЕИС, 2002. – 310 с.
149. Общая теории права и государства : учебник [Текст] / под ред. В.В. Лазарева. – М. : Юристъ, 2001. – 520 с.
150. *Овсянко, Д.М.* Административное право : учеб. пособ. [Текст] / Д.М. Овсянко. – М. : Юристъ, 1997. – 446 с.

151. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1981. – 816 с.
152. *Омельченко, О.А.* Римское право : учебник [Текст] / О.А. Омельченко. – М. : ТОН-Остожье, 2000. – 208 с.
153. *Орешкин, В.В.* Вольное экономическое общество в России (1765–1917) [Текст] / В.В. Орешкин. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 196 с.
154. *Пергамент, М.Я.* К вопросу о правоспособности юридического лица [Текст] / М.Я. Пергамент. – СПб. : Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1909. – 35 с.
155. *Петражицкий, Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии [Текст] / Л.И. Петражицкий. – СПб. : Тип. Ю.Н. Эрлих, 1908. – 271 с.
156. *Першиц, А. И.* История первобытного общества [Текст] / А.И. Першиц, А.Л. Монгайт, В.П. Алексеев. – М. : Высш. школа, 1982. – 223 с.
157. *Покровский, И.А.* Основные проблемы гражданского права [Текст] / И.А. Покровский. – М. : Статут, 1998. – 353 с.
158. *Политова, И.П.* Воля и волеизъявление : монография [Текст] / И.П. Политова. – М. : Проспект, 2016. – 112 с.
159. *Примак, Т. К.* Антрополого-правовое исследование договора: историческая ретроспектива и современное состояние. Монография [Текст] / Т. К. Примак. – М. : NOTA BENE, 2008. – 144 с.
160. *Примак, Т. К.* Институт договора: теоретико-правовые вопросы: монография [Текст] / Т. К. Примак. – М. : NOTA BENE, 2008. – 498 с.
161. *Пугинский, Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях [Текст] / Б.И. Пугинский. – М. : Юрид. лит., 1984. – 224 с.
162. *Пушуканис, Е.Б.* Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий [Текст] / Е.Б. Пушуканис. – М. : Изд-во Соц. акад., 1924. – 160 с.
163. *Пятин, С.Ю.* Комментарий к Федеральному закону от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (постатейный) [Текст] / С.Ю. Пятин // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

164. *Пучков, О.А.* Антропологическое постижение права [Текст] / О.А. Пучков. – Екатеринбург : Изд-во Ур. ГЮА, 1999. – 384 с.
165. *Пуфендорф, С. О.* О должности человека и гражданина по закону естественному [Текст] / С.О. Пуфендорф. – С. -Пб. : Нестор-История, 2011. – 214 с.
166. Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л.Е. Куббеля [Текст] / отв. ред. В.А. Попов. – М. : Наука, 1993. – 336 с.
167. Римское частное право: учебник для бакалавров и магистров [Текст] / под ред. И. Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М. : Юрайт, 2015. – 607 с.
168. Рулан, Н. Юридическая антропология : учебник для вузов [Текст] / Н. Рулан; отв. ред.: В.С. Нерсисянц В.С. (предисл.); пер. с фр. под ред. А.И. Ковлер. – М. : Норма, 1999. – 310 с.
169. *Румянцев, А.М.* Первобытный способ производства [Текст] / А.М. Румянцев. – М. : Наука, 1987. – 328 с.
170. *Руссо, Ж.Ж.* Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми. Трактаты [Текст] / Ж.Ж. Руссо. – М. : Наука, 1969. – 704 с.
171. *Садовский, В.Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ [Текст] / В.Н. Садовский; отв. ред. А.И. Уемов. – М. : Наука, 1974. – 279 с.
172. *Семенов, Ю.И.* Происхождение брака и семьи [Текст] / Ю.И. Семенов. – М. : Мысль, 1974. – 309 с.
173. *Сергеев, В.С.* История Древней Греции [Текст] / В.С. Сергеев. – СПб. : Полигон, 2002. – 801 с.
174. Советское гражданское право : учебник [Текст] / колл. авторов; отв. ред. В.П. Грибанов, С.М. Корнеев. – М. : Юрид. лит., 1979. – 552 с.
175. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С.А. Кузнецов. – М. : Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
176. Современный философский словарь [Текст] / под общ. ред. В.Е. Кемерова. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск : «ПАНПРИНТ», 1998. – 1064 с.

177. Социальная антропология права современного общества: Монография [Текст] / И.Л. Честнов, Н.В. Разуваев, Л.А. Харитонов, А.Э. Черноков; под ред. И.Л. Честнова. – СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2006. – 248 с.

178. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования [Текст] / отв. ред. А. А. Московская. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 284 с.

179. Социокультурная антропология права : коллективная монография [Текст] / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. – СПб. : Алеф-Пресс, 2015. – 840 с.

180. *Спиноза, Б.Б.* Избранные произведения. Том 2 [Текст] / Б.Б. Спиноза. – М. : Книга по Требованию, 2013. – 716 с.

181. *Спиридонов, Л.И.* Теория государства и права [Текст] / Л.И. Спиридонов. – М. : Инфра-М, 2003. – 292 с.

182. *Спиркин, А.* Курс марксистской философии [Текст] / А. Спиркин. – М. : Мысль, 1966. – 540 с.

183. *Суворов, Н.С.* Об юридических лицах по римскому праву [Текст] / Н.С. Суворов. – М. : Статут, 2000. – 299 с.

184. *Суханов, Е.А.* Сравнительное корпоративное право [Текст] / Е.А. Суханов. – М. : Статут, 2014. – 456 с.

185. Теория государства и права. Курс лекций [Текст] / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – 672 с.

186. Теория государства и права : учебник [Текст] / М.А. Аржанов, С.Ф. Кечекьян, Б.С. Маньковский, М.С. Строгович; науч. ред. М.П. Карева. – М. : Госюриздат, 1949. – 511 с.

187. *Тихомиров Ю.А.* Теория компетенции [Текст] / Ю.А. Тихомиров. – М. : Изд-е г-на Тихомирова М.Ю., 2001. – 355 с.

188. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 [Текст] / под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. – 1040 с.

189. *Туровский, М.Б.* Труд и мышление [Текст] / М.Б. Туровский. – М. : Высш. шк., 1963. – 216 с.

190. *Тюменев, А.И.* Государственное хозяйство древнего Шумера [Текст] / А.И. Тюменев. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 518 с.
191. *Тяпкин, А.А., Шибанов А.С.* Пуанкаре [Текст] / А.А. Тяпкин, А.С. Шибанов. М. : Молодая Гвардия, 1982. – 415 с.
192. *Уайт, Л.* Избранное: Эволюция культуры [Текст] / Л. Уайт. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1063 с.
193. *Филиппова, С.Ю.* Частноправовые средства организации и достижения правовых целей [Текст] / С.Ю. Филиппова. – М. : Статут, 2011. – 320 с.
194. *Философский словарь* [Текст] / под. ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. – М. : Политиздат, 1963. – 544 с.
195. *Философско-методологические основания системных исследований: системный анализ и системное моделирование* [Текст] / отв. ред. Д.М. Гвишиане. – М. : Наука, 1983. – 324 с.
196. *Функ, Я.И.* Акционерное общество: история и теория (Диалектика свободы) [Текст] / Я.И. Функ, В.А. Михальченко, В.В. Хвалей. – Минск : Амалфея, 1999. – 607 с.
197. *Хабриева, Т.Я.* Теория современной конституции [Текст] / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М. : Норма, 2005. – 320 с.
198. *Хрестоматия по истории Древнего мира : учеб. пособ.* [Текст] / сост. Е.А. Черкасова – М. : Просвещение, 1991. – 288 с.
199. *Человек и общество: в 3 кн. Кн. 1* [Текст] / под ред. В.И. Купцова. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 256 с.
200. *Ченцов, Н.В.* Римское частное право : учебное пособие [Текст] / Н.В. Ченцов. – Тверь, 1995. – 94 с.
201. *Черепашин, Б.Б.* Труды по гражданскому праву [Текст] / Б.Б. Черепашин. – М. : Статут, 2001. – 479 с.
202. *Честнов, И.Л.* Методология и методика юридического исследования: Учебное пособие [Текст] / И.Л. Честнов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 2004. – 128 с.

203. *Честнов, И.Л.* Постклассическая теория права : монография [Текст] / И.Л. Честнов. – СПб. : Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
204. *Шашкова, О.В.* Комментарий к Федеральному закону от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (постатейный) [Текст] / О.В. Шашкова // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
205. *Шершеневич, Г.Ф.* Общая теория права [Текст] / Г.Ф. Шершеневич. – М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1912. – 805 с.
206. *Шершеневич, Г.Ф.* Курс гражданского права [Текст] / Г.Ф. Шершеневич. – Тула: Автограф, 2001. – 719 с.
207. *Шершеневич, Г.Ф.* Учебник русского гражданского права [Текст] / Г.Ф. Шершеневич. – М. : Спарк, 1995. – 556 с.
208. *Эбзеев, Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования [Текст] / Б.С. Эбзеев. – М. : Проспект, 2014. – 336 с.
209. *Юдин, Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности [Текст] / Э.Г. Юдин. – М. : Наука, 1978. – 391 с.
210. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. Т. 1. [Текст] / колл. авторов; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2015. – 384 с.
211. *Ямпольская, Ц.А.* Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационные аспекты [Текст] / Ц.А. Ямпольская. – М. : Наука, 1972. – 216 с.
212. *Ferguson, A.* An Essay in the History of Civil Society / A. Ferguson. – Edinburgh, 1767. – 208 p.
213. *Habermas, J.* Critical Debates / J. Habermas. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1982. – 258 p.
214. *Hoebel, E. A.* The Law of Primitive Man / E. A Hoebel. – Cambridge, 1954. – 368 p.
215. *Schmidt, K.* Gesellschaftsrecht. 3 Aufl. / K. Schmidt. – Koln, Berlin, Bonn, Munchen : Carl Heymanns, 1997. – 510 p.

216. *Waltzing, J. P.* Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains / J. P Waltzing. – Louvain, 1895.

4. Статьи в научных журналах и иных изданиях

217. *Агапов, А.Б.* Некоторые проблемы информационно-правового обеспечения деятельности общественных организаций в Российской Федерации [Текст] / А.Б. Агапов // Государство и право. – 1994. – № 2. – С. 98–105.

218. *Андреев, Ю.В.* Античный полис и восточные города-государства [Текст] / Ю.В. Андреев // Античный полис. Межвузовский сборник / отв. редактор проф. Э.Д. Фролов. – Л. : Изд. Ленинградского университета, 1979. – С. 8–26.

219. Артеменков, В.К. Инвариантные элементы структуры юридического лица как системной целостности [Текст] / В.К. Артеменков // Журнал российского права. – 2012. – № 3. – С. 56–62.

220. Артеменков, В.К. Орган юридического лица как правовое средство [Текст] / В.К. Артеменков // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 10. – С. 84–93.

221. Артеменков, В.К. Антрополого-правовое познание сущности юридического лица [Текст] / В.К. Артеменков // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1 (10). – С. 209–219.

222. Артеменков, В.К. Самодостаточность как историко-правовая детерминанта некоммерческой природы общественного объединения [Текст] / В.К. Артеменков // История государства и права. – 2017. – № 23. – С. 45 - 49.

223. Артеменков, В.К. Целеполагание как системообразующий критерий общественного объединения [Текст] / В.К. Артеменков // Политика и общество. – 2018. – № 1. – С. 25 - 34.

224. *Белов, В.А.* Учение о сделке в российской доктрине гражданского права (литературный обзор) [Текст] / В.А. Белов // Сделки: проблемы теории и практики: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М. : Статут, 2008. – С. 5–118.

225. *Беляева, Н.Ю.* Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам [Текст] / Н.Ю. Беляева // Полис. – 2011. – № 3. – С. 72–87.

226. *Берталанфи, Л.* Общая теория систем – критический обзор [Текст] / Л. Берталанфи // Исследования по общей теории систем / общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. – М. : Прогресс, 1969. – С. 23–82.

227. *Бреднева, В.С.* Инструментальная теория права в российском правоведении [Текст] / В.С. Бреднева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики) : в 3 ч. Ч. 3. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 10 (60). – С. 32–34.

228. *Вигнер, Е.* Симметрия и законы сохранения [Текст] / Е. Вигнер; пер. А.Т. Филиппова // Успехи физических наук. – 1964. – Т. 83. Вып. 4. – С. 729–739.

229. *Генкин, Д.М.* Юридические лица в советском гражданском праве [Текст] / Д.М. Генкин // Проблемы социалистического права. – 1939. – № 1. – С. 90–98.

230. *Генкин, Д.М.* Значение применения института юридического лица во внутреннем и внешнем товарообороте СССР [Текст] / Д.М. Генкин // Сб. научных работ МИНХ. Вып. 9. – М. : Госторгиздат, 1955. – С. 3–36.

231. *Гревцов, Ю.И.* Социология права: Статус. Метод. Предмет [Текст] / Ю.И. Гревцов // Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 47–57.

232. *Гревцов, Ю.И.* Субъект права [Текст] / Ю.И. Гревцов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2014, Вып. 1. – С. 33–39.

233. *Глазырин, В.В.* Согласованность целей и средств правового воздействия как условие его эффективности [Текст] / В.В. Глазырин // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды. – М., 1985. – С. 36–52.

234. *Дмитриев, Ю.А.* Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества [Текст] / Ю.А. Дмитриев // Государство и право. – 1994. – № 7. – С. 28–34.

235. *Долинская, В.В.* Закон об акционерных обществах: органы юридического лица [Текст] / В.В. Долинская // Государство и право. – 1996. – № 7. – С. 59–68.

236. *Евсеенко, Т. П.* К вопросу о гражданской общине в древнем мире [Текст] / Т. П. Евсеенко // Античная древность и средние века. Вып. 34 : материалы XI Международных научных Сюзюмовских чтений (Екатеринбург, 26–28 марта 2003 г.). – Екатеринбург : Изд. Урал. ун-та, 2003. – С. 9–22.

237. *Дьяконов, И.М.* Община на древнем Востоке в работах советских исследователей [Текст] // Вестник древней истории. – 1963. – № 1. – С. 16–34.

238. *Заболотная, Г.М.* Проблема публичной сферы в современной политической теории [Текст] / Г.М. Заболотная // Вестник Тюменского государственного университета. – 2004. – № 4. – С. 121–127.

239. *Зобнин, В.С., Орлова, С.В.* Социально-правовая роль общины в обществе Древнего Вавилона [Электронный ресурс] / В.С. Зобнин, С.В. Орлова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 08 (август). – URL: <http://e-koncept.ru/2015/15280.htm> (дата обращения: 04.10.2017).

240. *Илларионова, Т.И.* О содержании метода гражданско-правового регулирования [Текст] / Т.И. Илларионова // Актуальные проблемы гражданского права : межвуз. сб. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1986. – С. 33–41.

241. *Ионова, Ж.А.* Правовые проблемы легитимации предпринимательства [Текст] / Ж.А. Ионова // Государство и право. – 1997. – № 5. – С. 46–50.

242. *Иоффе, О.С.* Спорные вопросы учения о правоотношении [Текст] / О.С. Иоффе // Очерки по гражданскому праву : сб. статей. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – С. 21–64.

243. *Кванина, Н.В.* О видах правоспособности юридических лиц [Текст] / Н.В. Кванина // Предпринимательское право. – 2007. – № 2. – С. 15–17.

244. *Ковалевский, М.М.* Обособление дозволенных и недозволенных действий [Текст] / М.М. Ковалевский // Новые идеи в социологии: сборник. – СПб., 1913. – Сб. 4. – С. 84–108.

245. *Кодин, В.Н.* К проблеме определения понятия «цель» [Текст] / В.Н. Кодин // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. Философия. – 1968. – № 1. – С. 29–35.

246. *Красавчиков, О.А.* Социальное содержание правоспособности [Текст] / О.А. Красавчиков // Правоведение. – 1960. – № 1. – С. 12–25.

247. *Креминский, А.И.* О некоторых аспектах юридической антропологии [Текст] / А.И. Креминский // Культура народов Причерноморья. – 2000. – № 13. – С. 150–152.

248. *Кузнецов, А.А.* Орган юридического лица как его представитель [Текст] / А.А. Кузнецов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 10. – С. 4–31.

249. *Ломакин, Д.В.* Легализация представительской концепции органа юридического лица – необходимость или оплошность законодателя? [Текст] / Д.В. Ломакин // Сборник научно-практических статей II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (22 апреля 2015 года, г. Москва) / под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. – М. : РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского : Юстицинформ, 2015. – С. 25–28.

250. *Лысенко, В.В.* Социальное предпринимательство как новая форма взаимодействия гражданского общества и бизнеса [Текст] / В.В. Лысенко // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 10. – С. 43–47.

251. *Манохина, Н.В.* Метасистема как объект институционального анализа [Текст] / Н.В. Манохина // Вестник Международного института экономики и права. – 2014. – № 1 (14). – С. 7–16.

252. *Массон, В.М.* Обмен и торговля в первобытную эпоху [Текст] / В.М. Массон // Вопросы истории. – 1973. – № 1. – С. 78–91.

253. *Миронов, Б.Н.* Социология и историческая социология: взгляд историка [Текст] / Б.Н. Миронов // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 55–63.

254. *Никулин, В.В.* Общественные организации в советской политической системе: идеологические и организационно-правовые аспекты, 1920-е годы

[Текст] / В.В. Никулин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». – 2010. – № 3. – С. 20–25.

255. *Поляков, А.В.* Коммуникативно-феноменологическая концепция права [Текст] / А.В. Поляков // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. – Харьков : ФЛП Тарасенко В.П., 2013. – С. 94–126.

256. *Пятков, Д.В.* Лица людей [Текст] / Д. В. Пятков // Российский юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 33 – 40.

257. *Резник, Г.* Закон об адвокатуре как жертва конфликта интересов [Текст] / Г. Резник // Российская юстиция. – 1998. – № 3. – С. 22–25.

258. *Романовская, О.В.* Палата: нотариальная и адвокатская (сравнительный анализ) [Текст] / О.В. Романовская, Г.Б. Романовский // Нотариус. – 2005. – № 6. – С. 4–12.

259. *Сальникова, Ю.Н.* О правовом режиме прибыли коммерческих организаций [Текст] / Ю.Н. Сальникова // Предпринимательское право. – 2009. – № 1. – С. 22–27.

260. *Сапун, В.А.* Инструментальная теория права в юридической науке [Текст] / В.А. Сапун // Современное государство и право. Вопросы теории и истории: сб. науч. трудов. – Владивосток, 1992. – С. 18–20.

261. *Сапун, В.А.* Инструментальная теория права и человеческая деятельность [Текст] / В.А. Сапун, К.В. Шундилов // Правоведение. – 2013. – № 1 (306). – С. 14–32.

262. *Сойфер, Т.В.* Некоммерческое юридическое лицо как форма реализации конституционного права на объединение [Текст] / Т.В. Сойфер // Законодательство и экономика. – 2012. – № 2. – С. 18–29.

263. *Сойфер, Т.В.* Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение [Текст] / Т.В. Сойфер // Журнал российского права. – 2016. – № 1. – С. 22–30.

264. *Спекторский, Е.В.* Юриспруденция и философия [Текст] / Е.В. Спекторский // Юридический вестник. – 1913. – Кн. 2. – С. 60–92.

265. *Струнков, С.К.* Виды юридических средств [Текст] / С.К. Струнков // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева / отв. ред. В.А. Хохлов, С.А. Шейфер, В.А. Якушин. – Тольятти, 2003. – Вып. 28. – С. 28–35.

266. *Сунгуров, А.Ю.* Становление гражданского общества в Санкт-Петербурге и России [Текст] / А.Ю. Сунгуров // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3. – С. 55–64.

267. *Суханов, Е.А.* О Концепции развития законодательства о юридических лицах [Текст] / Е.А. Суханов // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 5–12.

268. *Суханов, Е.А.* О правовом статусе образовательного учреждения [Текст] / Е.А. Суханов // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 11. – С. 62–63.

269. *Суханов, Е.А.* Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам [Текст] / Е.А. Суханов // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 3. – С. 116–125.

270. *Суханов, Е.А.* Опасные юридические лица [Текст] / Е.А. Суханов // «ЭЖ-Юрист». – 2008. – № 47.

271. *Туманова, А.С.* Временные правила об обществах и союзах 4 марта 1906 г. и особенности их реализации в западном крае [Текст] / А.С. Туманова // Збірник наукових прац, присвячених 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І. А. Юхо / Беларускі дзярж. ўн-т, Юрыдычны фак., Юрыдычны каледж. – Мінск : Бизнесофсет, 2012. – С. 344–355.

272. *Туманова, А.С.* Законодательство об общественных организациях России в начале XX в. [Текст] / А.С. Туманова // Государство и право. – 2003. – № 8. – С. 82–86.

273. *Уваров, А.А.* Вопросы конституционно-правового статуса общественных некоммерческих организаций [Текст] / А.А. Уваров // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 9. – С. 39–42.

274. *Урсул, А.Д.* Теоретико-познавательное значение принципа инвариантности [Текст] / А.Д. Урсул // Симметрия, инвариантность, структура: (философские очерки). – М. : Высшая школа, 1967. – С. 261–299.

275. *Хабриева, Т.Я.* На путях создания российской модели правового государства // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире : сб. статей / отв. ред.: В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм – М. : ЛУМ : Юстицинформ, 2013. – С. 95–107.

276. *Цацка, И.П.* О суверенитете духовно-рыцарского Мальтийского ордена [Текст] / И.П. Цацка // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 7 (156). – С. 77–81.

277. *Честнов, И.Л.* Диалогическая методология юридической науки [Текст] / И.Л. Честнов // Вестник МГПУ Журнал Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2016. – № 1 (21). – С. 48–52.

278. *Честнов, И.Л.* Практический поворот в современной философии права [Текст] / И.Л. Честнов // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1 (10). – С. 66–74.

279. *Шигабутдинова, А.Л.* Некоторые аспекты применения системного подхода к исследованию субъектов права [Текст] / А.Л. Шигабутдинова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2009. – Том 151. – Кн. 4. – С. 34–40.

280. *Шигабутдинова, А.Л.* Правосубъектность общины Древнего Востока: некоторые историко-правовые аспекты [Текст] / А.Л. Шигабутдинова // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 51–55.

281. *Шохин, Д.В.* Сущность и назначение разрешительной системы [Текст] / Д.В. Шохин // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2010. – № 6. – С. 56–68.

282. *Шишмарева, Т. П.* О согласии на совершение сделок должником в процедурах несостоятельности (банкротства) [Текст] / Т. П. Шишмарева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 12. – С. 57–61.

283. *Ястребов, О.А.* Эволюция государственных правительственных общественных объединений в XX веке в России [Текст] / О.А. Ястребов // Юридический мир. – 2009. – № 3. С. 46–49.

284. *Shapiro, W.* Residential Grouping in Northeast Arnhem Land / W. Shapiro. – Man. – 1973. – Vol. 8. – № 3. – P. 363–383.

5. Диссертации и авторефераты диссертаций

285. *Абросимова, Е.А.* Благотворительные организации в Российской Федерации: гражданско-правовые аспекты [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е.А. Абросимова: – М., 1994. – 26 с.

286. *Воронцова, Т.Н.* Становление российского гражданского общества и общественные объединения: социокультурные основания и специфика [Текст] дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / Воронцова Татьяна Николаевна. – Новочеркасск. 2004. – 161 с.

287. *Гущин, В.З.* Прокурорский надзор за соблюдением конституционного права на объединение: вопросы теории и практики [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.11 / Гущин Владимир Захарович. – М., 1998. – 345 с.

288. *Дробышевский, С.А.* Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / С.А. Дробышевский. – СПб., 1994. – 36 с.

289. *Зайцев, К.А.* Конституционно-правовой статус юридического лица в сфере предпринимательской деятельности [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02, 12.00.03 / Зайцев Кирилл Аркадьевич. – М., 2006. – 197 с.

290. *Ивакин, А.А.* Административно-правовое положение общественных объединений в Российской Федерации [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Ивакин Александр Александрович. – Люберцы, 2009. – 28 с.

291. *Иванова, М.И.* Конституционный принцип равенства общественных объединений перед законом в Российской Федерации [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Иванова Мария Ильинична. – Саратов, 2010. – 20 с.

292. *Исаева, Т.В.* Становление и формирование институтов гражданской правоспособности и дееспособности в XIX – начале XX в. [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Исаева Татьяна Вячеславовна. – Саратов, 2010. – 166 с.

293. *Кодин, В.Н.* Процесс познания цели [Текст] : автореф. дис. ... канд. философ. наук / В.Н. Кодин. – Калинин, 1968. – 22 с.

294. *Ломакин, Д.В.* Корпоративные правоотношения как составная часть системы гражданско-правовых отношений: на примере хозяйственных обществ [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Ломакин Дмитрий Владимирович. – М., 2009. – 514 с.

295. *Любутов, Н.А.* Конституционное право граждан на объединение: правовая природа и механизм реализации [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Любутов, Николай Андреевич. – М., 2011. – 26 с.

296. *Малый, Д.А.* Конституционное право на объединение в Российской Федерации [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Малый Денис Александрович. – Саранск, 2002. – 191 с.

297. *Молчанов, А.А.* Гражданская правосубъектность коммерческих организаций [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук / Молчанов Александр Александрович. – СПб., 2002. – 453 с.

298. *Мусатов, Ф.В.* Государство как субъект права [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мусатов Филипп Викторович. – Екатеринбург, 2016. – 231 с.

299. *Никитин, А.С.* Прибыль в качестве стимула предпринимательской деятельности в развитой рыночной экономике [Текст] : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Никитин Александр Сергеевич. – М., 2000. – 196 с.

300. *Норкин, А.И.* Правовой статус общественных объединений: проблемы теории и практики [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Норкин Антон Игоревич. – Саратов, 2006. – 26 с.

301. *Плотников, В.А.* Неосторожность как форма вины в гражданском праве [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В.А. Плотников. – М., 1993. – 164 с.

302. *Политова, И.П.* Категория воли в гражданском праве [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Политова Инна Петровна. – М., 2014. – 27 с.

303. *Сапун, В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации права [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01/ Сапун Валентин Андреевич. – Нижний Новгород, 2002. – 321 с.

304. *Серова, О.А.* Теоретико-методологические и практические проблемы классификации юридических лиц современного гражданского права России [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Серова Ольга Александровна. – Самара, 2011. – 433 с.

305. *Соболева, Ю.В.* Общественные объединения как субъект административного права [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Соболева Юлия Викторовна. – Саратов, 2000. – 192 с.

306. *Сумской, Д.А.* Концепция органа юридического лица в теории гражданского права [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Сумской Дмитрий Александрович. – М., 2007. – 43 с.

307. *Филиппова, С.Ю.* Инструментальный подход в науке частного права [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Филиппова Софья Юрьевна. – М., 2014. – 529 с.

308. *Филиппова, С.Ю.* Инструментальная методология цивилистического исследования [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Филиппова Софья Юрьевна. – М., 2015. – 481 с.

309. *Честнов, И.Л.* Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания) [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Честнов Илья Львович. – СПб., 2002. – 322 с.

310. *Шеломенцев, В.Н.* Общественные объединения в России: конституционно правовое и сравнительно - институциональное исследование. [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Шеломенцев Виталий Николаевич. – М., 2006. – 344 с.

311. *Шигабутдинова, А.Л.* Правосубъектность и реализация права [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шигабутдинова Алина Леонидовна. – Казань, 2011. – 24 с.

312. *Шухов, Ф.Г.* Общественные объединения как институт гражданского общества: теоретико- и историко-правовое исследование [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шухов Федор Гелиевич. – Белгород, 2015. – 238 с.

313. *Юрьев, С.С.* Правовой статус общественных объединений [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.С. Юрьев. – М., 1995. – 26 с.